

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение

высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Аванская Виктория Артуровна

Эмоциональный аспект политики США в отношении СССР

(середина 1950-х– середина 1960-х гг.)

Специальность: 5.6.7

История международных отношений и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

профессор Журавлева В.И.

Москва – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОВЕТСКИЙ ДРУГОЙ В АМЕРИКАНСКОМ ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ В 1950-Е ГГ.....	42
1.1. ВВЕДЕНИЕ В «ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ» АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА	44
1.2. ПОЛИТИКА Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ЦЕННОСТИ, ЭМОЦИИ, ПРИОРИТЕТЫ	53
1.3. «ЭФФЕКТА СПУТНИКА» И ПЕРЕОЦЕНКА ОБРАЗА СССР В США	70
1.4. АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ НА ЭКСПОРТ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ «КУХОННЫХ ДЕБАТОВ»	80
1.5. ВИЗИТ Н.С. ХРУЩЕВА В ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ АМЕРИКАНЦЕВ	100
ГЛАВА 2. ЯДЕРНЫЕ СТРАХИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ США И СССР ОТ 1950-Х К 1960-М ГОДАМ	110
2.1. ВЛИЯНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ НА ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КЛИМАТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В 1950-Е ГГ.....	112
2.2. ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИЯДЕРНОЙ ОППОЗИЦИИ В США	125
2.3. МОБИЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ БИПОЛЯРНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ НАЧАЛА 1960-Х ГГ. ...	146
2.4. РЕАКЦИЯ В США НА ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ	160
ГЛАВА 3. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАРИБСКОГО КРИЗИСА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ В США	176
3.1. КУБИНСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	177
3.2. РЕАКЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА КАРИБСКИЙ КРИЗИС	187
3.3. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ПИСЬМАХ АМЕРИКАНЦЕВ Н.С. ХРУЩЁВУ	196
3.4. ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ К УНИВЕРСАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КАРИБСКОГО КРИЗИСА	211
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	222
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	227

Введение

Актуальность

Современный кризис в российско-американских отношениях актуализирует вопросы, связанные с исследованием механизмов взаимовосприятия и конструирования образов друг друга. В публичном дискурсе России и США преобладают устойчивые оппозиции Я – Другой, унаследованные от имагологии холодной войны, однако функционирующие в принципиально новой медийной и политической средах. Обращение к историческим прецедентам советско-американского противостояния в данном контексте обусловлено не только академическим интересом, но и запросом на понимание того, по какой логике образы Другого воспроизводятся и трансформируются в условиях кризисов во взаимоотношениях двух стран.

Отдельную исследовательскую проблему представляет роль эмоций в этих процессах. Распространение цифровых медиа и социальных сетей обострило давно существовавшую асимметрию между эмоциональной убедительностью сообщения и его фактической достоверностью. Феномен дезинформации и целенаправленного эмоционального воздействия на массовую аудиторию, который изучается специалистами по политической коммуникации, коренится именно в практиках холодной войны, в том, как страх, недоверие и образ экзистенциальной угрозы использовались для консолидации внутренней аудитории и делегитимации противника. Исследование этих механизмов в исторической ретроспективе позволяет не только реконструировать прошлое, но и предложить аналитический инструментарий для понимания современных информационных конфликтов.

Степень изученности темы диссертации

Избранный ракурс диссертационного исследования предполагает обращение к нескольким взаимосвязанным историографическим контекстам: истории и имагологии советско-американских отношений в эпоху холодной войны; истории внешней политики США в рассматриваемый период с акцентом на Берлинском и Карибском кризисах; истории эмоций, ценностей и приоритетов Атомного века.

Эти историографические направления обуславливают структуру историографического обзора.

Советско-американским отношениям и истории холодной войны в целом посвящено огромное количество монографической и статейной литературы, изданной в России и за рубежом. Поэтому имеет смысл обратиться к новейшим исследованиям, напрямую связанным с теми или иными аспектами заявленной темы.

В отечественной историографии советско-американские отношения рассматриваются как один из определяющих факторов международной системы второй половины XX в. с особым акцентом на политическом и дипломатическом измерениях биполярного противостояния.

Среди обобщающих работ следует обратить внимание на монографию В.И. Батюка, в которой уделяется особое внимание идеологии советско-американской конфронтации, гонке ядерных вооружений и соперничеству СССР и США в региональных конфликтах. Работа важна для настоящего исследования тем, что помещает советско-американские кризисы начала 1960-х гг. в более широкий контекст борьбы за военно-политическое и идеологическое лидерство¹. В свою очередь, в обобщающей монографии В.А. Кременюка, посвящённой логике холодной войны и её историческим урокам, ставится три взаимосвязанных вопроса: почему советско-американское соперничество не переросло в прямую войну, каким образом оно завершилось, и к каким последствиям привело окончание биполярного противостояния. Центральным для исследователя становится вопрос о механизмах сдерживания, пределах конфронтации и необходимости взаимодействия противников для предотвращения катастрофы². Такой подход особенно важен при анализе Берлинского и Карибского кризисов, когда угрозы эскалации сочетались с поиском дипломатических способов предотвратить скатывание в ядерный конфликт. Особое место среди обобщающих работ занимает монография В.Л. Малькова, охарактеризовавшего эволюцию российско-

¹ Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945-1991 гг.): очерки истории. М., 2018.

² Кременюк В.А. Уроки Холодной войны. М., 2015.

американских отношений в длительной исторической перспективе как циклический процесс, смену периодов конфронтации и сотрудничества, что происходило в том числе под влиянием массовых национальных стереотипов, политической культуры, ценностных установок. Автор обратил особое внимание на механизмы деконструкции образа врага, например, вырабатывавшихся благодаря Пагуошским конференциям и Дартмутским встречам и способствовавших формированию устойчивых культурных и дипломатических кодов³.

К другому типу работ относятся исследования, посвященные истокам холодной войны. Вопросы, связанные с ее происхождением и ранним этапом советско-американского противостояния, рассматриваются в монографии В.О. Печатнова на основе репрезентативного корпуса архивных и опубликованных источников. Исследование позволяет проследить, каким образом сотрудничество военного времени сменилось взаимным недоверием, конфликтом интересов и формированием устойчивого образа противника⁴. Это важно для понимания политического и идеологического контекстов, внутри которых в последующие десятилетия оформлялись американские представления о Советском Союзе, его руководителях и советской внешней политике. В сборнике избранных работ В.О. Печатнов объединяет свои основные публикации по истории международных отношений и внешней политики США и СССР, подчеркивая взаимное влияние политических решений, дипломатических практик, идеологических установок и исторической памяти⁵. Для автора диссертационного исследования такой ракурс представляет особую ценность, поскольку нацеливает на изучение образов СССР, Кубы и ядерной угрозы, бытовавших в американском обществе, не как простого отражения официальной политики, а как результата сложного взаимодействия власти, прессы, экспертного сообщества и массовых представлений.

³ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

⁴ Печатнов В.О. От союза - к холодной войне: советско-американские отношения в 1945-1947 гг. М., 2006.

⁵ Печатнов В.О. История и политика. М., 2022.

В свою очередь, И.В. Быстрова обратилась к треугольнику взаимоотношений СССР, США и Японии и подчеркнула необходимость интеграции советско-американского соперничества в различные географические и культурные контексты⁶. Эта идея получила свое дальнейшее развитие в коллективной монографии, приуроченной к юбилею Н.И. Егоровой, ведущего российского специалиста по истории холодной войны и внешней политике США. Эта книга позволяет оценить достижения современной российской историографии холодной войны и рассмотреть противостояние СССР и США с учетом глобального измерения⁷. В своей более ранней монографии Н.И. Егорова исследовала международные движения сторонников мира на раннем этапе холодной войны, сфокусировав внимание на народной дипломатии как важном факторе политики государств. Автора интересовало взаимодействие общественных сил по обе стороны «железного занавеса», вступивших в борьбу с неконтролируемой гонкой ядерных вооружений. Это позволило ей рассмотреть Пагуошские и Дартмутские встречи как пример транснациональных антиядерных инициатив, оказывавших влияние на международные отношения XX века⁸.

Среди работ, посвященных культурному измерению холодной войны, следует обратить внимание на обобщающую книгу Э.А. Иваняна, продемонстрировавшего, что политическое соперничество не исключало культурного, научного и гуманитарного взаимодействия и обратившего особое внимание на период 1950–1960-х гг., когда складывались первые институционализированные формы советско-американских обменов в области культуры, науки и образования⁹. В то время как исследование Иваняна позволяет дополнить картину холодной войны историей каналов коммуникации, монографии Н.А. Цветковой вносят значимый вклад в изучение культурной конкуренции США и СССР в других странах и регионах. Она рассматривает университеты как платформу для проведения

⁶ Быстрова И.В. Холодная война, 1945-1960 гг. Токио – Москва – Вашингтон. М., 2009.

⁷ Международные отношения в эпоху холодной войны: коллективная монография к юбилею Н. И. Егоровой / под ред. Г.Е. Гиголаева. М., 2025.

⁸ Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М., 2016.

⁹ Иванян Э.А. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. М., 2007.

политики «культурного империализма» двух сверхдержав. На германском материале Цветкова наглядно показывается то, как в условиях биполярного противостояния формировались интеллектуальные элиты в третьих странах, а образовательная политика превращалась в политический инструмент¹⁰.

Внимание исследователей по всему миру привлекает завершающий этап холодной войны, который оказал непосредственное влияние на ее современное наследие. В этом смысле важной вехой в отечественной историографии стала публикация коллективной монографии об окончании холодной войны под редакцией В.И. Журавлёвой и О.В. Павленко. Будучи важной в историографическом и методологическом плане, она демонстрирует различие между восприятием событий их непосредственными участниками и последующими историческими интерпретациями, а также обращает внимание на роль памяти, публичных нарративов и меняющихся исследовательских практик¹¹.

Существенный вклад в изучение советской стороны холодной войны внес российский исследователь В.М. Зубок, давно живущий в Лондоне и публикующий первые издания своих книг на английском языке. Он реконструирует логику принятия решений советского руководства на основе рассекреченных документов Политбюро, дипломатических телеграмм, дневников и записей бесед. Исследователь показывает, что советская политика определялась сочетанием амбиций, иллюзий, страхов, просчётов и конкурирующих представлений элит о месте СССР в мире, и уделяет особое внимание противоречивым попыткам Н.С. Хрущёва снизить международную напряжённость, политике разрядки при Л.И. Брежнев и роли М.С. Горбачёва в завершении холодной войны¹². Развивая анализ позднесоветского периода, Зубок в своей следующей монографии обращается к проблеме распада СССР, рассматривая этот процесс коллапса советской империи

¹⁰ Tsvetkova N. *The Cold War in Universities: U.S. and Soviet Cultural Diplomacy, 1945–1990*. Leiden; Boston, 2021; Tsvetkova N. *Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945–1990*. Leiden, 2013; Цветкова Н.А. *Cultural Imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны»*. СПб, 2007.

¹¹ *Окончание Холодной войны в восприятии современников и историков: 1985–1991* / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М., 2021.

¹² Зубок В.М. *Неудавшаяся империя. Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева*. М., 2011. (Пер. англоязычного изд.: Zubok V.M. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill, NC, 2007.)

через внутреннюю трансформацию системы и последствия реформ М.С. Горбачёва¹³. Исследования Зубока разрушают представления о Советском Союзе как о монолитном противнике США, акцентируя внимание на внутренней сложности советской политики.

Таким образом, работы российских исследователей позволяют представить советско-американские отношения как сложный процесс, включавший военно-политическое соперничество, ядерное сдерживание, дипломатические кризисы, идеологическую борьбу и культурно-гуманитарные контакты. Вместе с тем перечисленные работы преимущественно посвящены межгосударственному уровню взаимодействия и деятельности политических элит. Это оставляет пространство для исследования того, как конфронтация периода холодной войны и ядерные кризисы воспринимались американскими гражданами и как, в свою очередь, последние описывали свои страхи.

Новейшая зарубежная (прежде всего, американская, историография) по истории взаимоотношений СССР и США представлена работами, нацеленными на изучение дипломатической и военно-стратегической логики холодной войны, транснациональных культурных связей, повседневных контактов и взаимному восприятию обществ двух стран. Для данного диссертационного исследования особое значение имеют публикации, позволяющие связать историю соперничества двух сверхдержав с изучением образов Другого и общественными дискурсами.

Одно из центральных мест в англоязычной историографии занимают труды историка Дж.Л. Гэддиса. В своей монографии 1997 г. на основе массива рассекреченных в 1990-е гг. документов из архивов СССР, стран Восточной Европы и Китая он начинает переосмысление истории холодной войны и приходит к выводу, что развитие конфронтации между США и СССР во многом стало причиной решений И.В. Сталина¹⁴. В своем последующем обобщающем труде по истории холодной войны, охватывающем период от раскола антигитлеровской коалиции до распада СССР в 1991 г., Гэддис продолжает развивать свои идеи,

¹³ Зубок В.М. Коллапс. Гибель Советского Союза. М., 2023.

¹⁴ Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford; N.Y., 1997.

высказанные ранее, соединяя различные измерения советско-американского конфликта¹⁵. Его объяснительная схема достраивается в биографии Дж.Ф. Кеннана, американского дипломата и главного автора стратегии сдерживания СССР, написанной на основе личных интервью автора с Кеннаном, его дневников и документов из личного архива. Эта биография помогает понять процесс превращения изначальной стратегии сдерживания Кеннана в её более милитаризованную версию, а также смысл дискуссий вокруг ядерной гонки вооружений и необходимости диалога с СССР¹⁶.

Альтернативный взгляд на деятельность Кеннана и на формирование политики сдерживания можно найти в книге Ф. Костиглиолы, написанной на эго-документах её героя, которые автор подготовил и издал в 2014 г¹⁷. Рассказывая о биографии Кеннана, исследователь характеризует внешнеполитические концепции не только как рациональные ответы на внешние вызовы, но и как продукт эмоций, восприятия Другого и культурных представлений политических акторов, что представляет особую ценность для автора диссертации¹⁸.

Эмоциональное измерение холодной войны нашло свое отражение и в обобщающей монографии Леффлера, акцентирующей внимание на тех эпизодах в советско-американских отношениях, когда лидеры двух стран могли ослабить конфронтацию или предотвратить её дальнейшую эскалацию: в первые послевоенные годы, после смерти И.В. Сталина и Карибского кризиса, а также в период разрядки. Как справедливо указывает Леффлер, возможности для снижения напряжённости блокировались не только расхождением геополитических интересов, но и идеологическими установками, внутривнутриполитическим давлением, ожиданиями союзников, исторической памятью и страхами политических лидеров¹⁹.

Наряду с дипломатической и военно-политической историей в англоязычной историографии развиваются подходы, смещающие внимание с противостояния

¹⁵ Gaddis J.L. The Cold War: A New History. N.Y., 2005.

¹⁶ Gaddis J.L. George F. Kennan: An American Life. N.Y., 2011.

¹⁷ Kennan G.F. The Kennan Diaries / Ed. by F. Costigliola. N.Y., 2014.

¹⁸ Costigliola F. Kennan: A Life between Worlds. Princeton, 2023.

¹⁹ Leffler M.P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. N.Y., 2007.

государств на транснациональные сети контактов. Например, авторы коллективной монографии, вышедшей под редакцией С. Микконена и П. Койвунен предлагают рассматривать холодную войну через переплетение личных и коллективных трансатлантических историй, формируя взгляд на «железный занавес», не как на нечто полностью изолирующее две противоборствующие системы, а как, скорее, на метафору, не отменяющую трансфера людей, идей, культурных и научных практик в годы холодной войны²⁰. Подобный подход получает свое дальнейшее развитие в коллективной монографии, подготовленной под редакцией С. Микконена и П. Суутари, в которой контакты в сфере культуры и искусства рассматриваются не как второстепенный фактор, а как самостоятельное поле соперничества, коммуникации и взаимного узнавания²¹.

В свою очередь, Д. Петери вводит в научный оборот метафору «нейлонового занавеса», наглядно демонстрируя проницаемость культурных границ между социалистическим и капиталистическим мирами. Автор демонстрирует, что внешне жёсткое идеологическое разделение сопровождалось заимствованиями и обменами, не только людьми и товарами, но и образами. Эта концепция может быть применена к изучению советско-американских отношений, поскольку она позволяет рассматривать холодную войну не только как разъединение, но и как пространство постоянного, хотя и ограниченного взаимодействия²². Данная проблематика находит свое отражение в книге Дж.М. Хадсон, сам заголовок которой настраивает читателя на возможность наблюдения сквозь «железный занавес». Советско-американские отношения изучаются с позиции взаимного интереса, культурной любознательности и попыток понять общество враждебного Другого²³. В контексте диссертационного исследования такая перспектива особенно интересна, поскольку письма американских граждан Н.С. Хрущёву могут

²⁰ Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y., 2015.

²¹ Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interactions and the Cold War / Ed. by Mikkonen S., Suutari P. L., 2016.

²² Péteri G. Nylon Curtain: Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State-Socialist Russia and East-Central Europe // Slavonica. 2004. Vol. 10, no. 2. P. 113–123.

²³ Hudson J.M. Iron Curtain Twitchers: Russo-American Cold War Relations. Lanham, 2018.

интерпретироваться как одна из форм непосредственного, пусть и одностороннего, общения через «железный занавес».

Еще один ракурс изучения культурного противостояния предлагает в своей монографии Д. Кукуз. Она показывает, как образы женщин, семьи, повседневности и процветания использовались для легитимации Своей социально-экономической модели и делигитимации модели Другого²⁴. Истории о том, как холодная война становилась повседневным опытом миллионов американцев и проникала в их частную жизнь через нормы семейного поведения, школьное образование, представления о жилье, воспитании детей и действиях в случае ядерной атаки, посвящены монографии Э.Т. Мэй и Л. Макэнани²⁵.

Вышеперечисленные работы важны для автора диссертации, поскольку они нацелены на понимание того, что образ противника формировался не только официальной пропагандой и риторикой кризисов, но и посредством культурных контактов, позволявших увидеть человеческое лицо обезличенного противника, живущего по другую сторону «железного занавеса» через личные и семейные истории, а также повседневную жизнь.

Таким образом, зарубежная историография развивается по двум направлениям изучения советско-американских отношений. В рамках первого – они рассматриваются сквозь призму конфронтации и соперничества, военно-дипломатических взаимодействий и политических решений лидеров двух сверхдержав. А в рамках второго – как пространство культурных контактов, обменов и взаимного конструирования образов.

Соединение вышеперечисленных подходов нашло свое отражение в новейшей обобщающей коллективной монографии, ставшей результатом российско-американской коллаборации трех ведущих специалистов в области истории и имагологии российско-американских отношений В.И. Журавлевой, И.И. Куриллы²⁶ и Д.С. Фоглесонга. Отношения между США и Российской

²⁴ Cucuz D. *Winning Women's Hearts and Minds: Selling Cold War Culture in the US and the USSR*. Toronto, 2023.

²⁵ May E.T. *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*. NY, 1988; McEnaney L. *Civil Defense Begins at Home: Militarization Meets Everyday Life in the Fifties*. Princeton, NJ, 2000.

²⁶ В январе 2026 г. решением Министерства юстиции Российской Федерации внесен в реестр иностранных агентов.

империей/СССР/постсоветской Россией представлены в длительной исторической ретроспективе как явление циклическое, несводимое к межгосударственным отношениям и обусловленное сложным переплетением действий дипломатов и политиков, общественных и религиозных деятелей, журналистов, карикатуристов и кинематографистов, а также взаимодействием идентичностей, ценностей и идеологем. На основе огромного круга источников различных видовых характеристик авторы показывают, как каждая из сторон становилась для другой «значимым Другим» в процессе конструирования национальной идентичности²⁷.

В целом проблема *взаимовосприятия России/СССР и США* занимает важное место в современной отечественной американистике и исторической имагологии. В отличие от традиционной дипломатической истории, этот подход сосредоточен не только на действиях правительств, но и на том, как общества создавали, распространяли и переосмысливали образы друг друга. США и Россия в таких исследованиях выступают не просто внешнеполитическими партнёрами или противниками, а конституирующими Другими, поскольку представления друг о друге помогали каждой из сторон определять и переопределять собственную идентичность, ценности и место в мире.

Наиболее последовательно этот подход в российской историографии разработан В.И. Журавлёвой. Она рассматривает российско-американские отношения в длительной исторической перспективе, опираясь на конструктивистскую методологию и показывая, как взаимные репрезентации русских и американцев формировались не только под влиянием конкретных дипломатических конфликтов, но и в связи с внутренними задачами национального строительства, политическими дискуссиями и борьбой мессианских проектов. Важным в историографическом плане выводом является представление о циклическом характере российско-американских отношений, который определяется чередованием ценностного и прагматического подходов с

²⁷ Foglesong D.S., Kurilla I.I., Zhuravleva V.I. *Distant Friends and Intimate Enemies: A History of American-Russian Relations*. Cambridge, 2025.

характерными для них репертуарами смыслов, ценностей и приоритетов²⁸. Долгосрочные имагологические тренды в российско-американских отношениях были выделены В.И. Журавлевой в ее более ранней фундаментальной монографии, которая выстраивалась как многоуровневый анализ представлений о Российской империи в американской политической мысли, прессе, массовой культуре, литературе, религиозных кругах и работах карикатуристов. Исследовательница выделила несколько устойчивых и конкурировавших между собой дискурсов о России в США, обусловленных отношением к национальному характеру русских, перспективам модернизации страны и природе российской власти и сохранивших свое значение вплоть до настоящего времени – либерально-универсалистский, консервативно-пессимистический, русофильский и радикальный. В обстоятельном эпилоге она довела свою объяснительную схему до начала XXI в., объяснив причину воспроизводимости мифов о России в США в меняющихся исторических условиях²⁹.

В приложении к периоду холодной войны особый интерес представляет монография В.О. Рукавишникова об общественном мнении как самостоятельном факторе международных отношений в период холодной войны, в которой объясняется влияние массового восприятия на политические решения и роль ядерных страхов в международной политике³⁰, а также публикации И.М. Тарбеева, нацеленные на изучение места советской экспертной американистики в имагологии советско-американских отношений в эпоху холодной войны сквозь призму

²⁸ Журавлёва В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. Т. 15, № 1. С. 20–45; Журавлёва В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». 2013. № 21 (122). С. 121–146; Журавлева В.И. Россия как «Другой» в президентских выборах в США 2016 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002446-9-1/> (дата обращения: 01.09.2026); Журавлева В.И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуре в начале холодной войны (1947—1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Том 13. Выпуск 9 (119). URL: <https://history.jes.su/S207987840022753-7-1> (дата обращения: 01.09.2026); Журавлева В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуре: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/> (дата обращения: 01.09.2026).

²⁹ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012.

³⁰ Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005.

контактов советских американистов с учёными, бизнесменами и общественными деятелями США³¹.

В рамках проекта «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США» группа российских учёных под руководством О.В. Рябова реконструирует «холодную войну образов» в пропагандистском дискурсе двух сверхдержав, нашедшем отражение в различных жанрах популярной культуры. Для данной диссертации особый интерес представляют публикации участников проекта, посвященные исследованию ядерной угрозы как символа эпохи, механизма дегуманизации и регуманизации Другого³².

Таким образом, в работах российских исследователей развиваются два важных для диссертационного исследования направления. Первое связано с изучением взаимных образов США и СССР, которые рассматриваются как исторически изменчивые, связанные с международной политикой, внутривнутриполитическими дискурсами и процессом формирования национальной идентичности, второе направление нацеливает на понимание того, что образ врага не исключал интереса к обществу противника, сочувствия по отношению к его гражданам и попыток лучше их узнать и понять. Эти историографические наработки позволяют автору диссертации интерпретировать письма американцев

³¹ Тарбеев И.М. Советская экспертная американистика как фактор взаимоотношений СССР и США в период разрядки (на примере деятельности Института США и Канады): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.7. М., 2024. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Tarbeev_IM_312.pdf (дата обращения: 01.09.2026); Тарбеев И.М. Трансфер идей в советско-американских отношениях на рубеже 1960—1970-х гг. (на примере экспертной деятельности Института США АН СССР) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016257-1-1/> (дата обращения: 01.09.2026); Тарбеев И.М. Роль ядерной угрозы в конструировании образа США на советском телеэкране в первой половине 1980-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 52–67.

³² Рябов О.В. «Их отучили думать»: репрезентации сознания и дегуманизация врага в языке пропаганды Холодной войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 163–173; Юдин К.А. «Центр бури»: маккартизм в американской культуре и кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 1. С. 44–54; Юдин К.А. Культурное пространство Холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 438–446; Журавлёва В.И. Карибский кризис и ядерная угроза в советской и американской карикатуристике: две версии одной истории // Новый исторический вестник. 2023. № 2 (76). С. 76–99; Журавлева В. И. Репрезентации ядерной угрозы в советской и американской карикатуристике времен Холодной войны: сходства и различия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 12 (158). Часть I. URL: <https://history.jes.su/s207987840037615-5-1/>; Туркин И.А. Метафора «Карибского кризиса» в объяснении конфронтации держав в современных российских СМИ // Связь поколений как культурное наследие народов Союза Независимых Государств / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2023. С. 593–598.

Н.С. Хрущёву как практику одновременного воспроизводства и преодоления образа врага.

В зарубежной историографии взаимное восприятие США и России/СССР развивается на пересечении дипломатической истории, истории идей, культурной холодной войны, исследований пропаганды и истории медиа.

Одной из ключевых работ в этой области является монография известного американского историка Д. Фоглесонга, посвященная истории превращения России в объект мессианских устремлений американцев, их идеологического и религиозного рвения, место экспорта идей и ценностей. Как показывает исследователь, в репрезентациях американского общества Россия (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия) представлялась страной, которую необходимо «освободить» от самодержавия, большевизма или коммунистического режима, и с народом которой необходимо поделиться знаниями основ демократии, капиталистической экономики, консюмеризма и религиозной свободы, что формировало основу ценностного подхода к выстраиванию отношений с ней и мешало трезвому пониманию происходящих там процессов³³.

В свою очередь, известный американский историк-конструктивист У.Л. Хиксон исследует психологическое измерение политики США в отношении СССР и стран Восточной Европы в президентства Г. Трумена и Д. Эйзенхауэра, показывая противостояние СССР и США сквозь призму повседневной жизни, культурных и информационных нарративов³⁴. Вместе с тем, вывод Хиксона о том, что американская культурная политика стала причиной распада СССР представляется не вполне обоснованным. Советскому восприятию США в первые полтора десятилетия холодной войны посвящена монография скандинавской исследовательницы Розы Магнусдоттир об идеологическом и пропагандистском аппарате СССР, работавшем на создание образа врага номер один в советском обществе³⁵. В ней частично используются письма советских граждан Н.С. Хрущёву

³³ Foglesong D.S. The American Mission and the "Evil Empire": The Crusade for a "Free Russia" Since 1881. Cambridge, 2007.

³⁴ Hixson W.L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961. N.Y., 1997.

³⁵ Magnúsdóttir R. Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959. N.Y., 2019.

без их сравнения с аналогичными письмами американским политикам того же времени или с письмами тех же американцев Хрущёву, из-за чего её выводы о неискренности авторов писем, опубликованных в газетах «Правда» и «Известия» теряют убедительность и выглядят тенденциозными.

Знаковой в изучении культурной политики в годы холодной войны стала книга Ф.С. Сондерс о скрытом финансировании Центральным разведывательным управлением США (ЦРУ) интеллектуалов, деятелей культуры, журналов, культурных организаций в целях сдерживания коммунистического влияния в Европе. Сондерс пришла к выводу, что правительство США использовало культуру для формирования образа «свободного мира», а помогающие в этом деятели искусства и интеллектуалы находились в зависимости от финансирования, источник которого они не всегда знали³⁶. Вместе с тем особое внимание в работах американских исследователей уделяется тому, как фасад американского изобилия и общества потребления скрывал расовую дискриминацию и другие внутрисполитические проблемы в США. Например, в книге К.А. Болдуина представлен экспортный образ кухни холодной войны как инструмента культурной дипломатии³⁷, а в исследовании М.Л. Роман сравнивается движение советских правозащитников и «Чёрных пантер», боровшихся с полицейским насилием, экономической несправедливостью и расовым неравенством³⁸.

Существенный вклад в изучение медиаторов взаимного восприятия внесла британская исследовательница Д. Файнберг. В отличие от авторов работ, посвященных анализу прессы одной из стран, она предлагает сравнение советской и американской международной журналистики, описывает историю столкновения двух правд и двух мессианских проектов, которые прописывались корреспондентами СССР и США, принимавшими участие в «холодной войне образов». Используя архивные материалы, опубликованные источники, письма, дневники и интервью журналистов обеих сверхдержав, Файнберг рассказывает о

³⁶ Saunders F.S. The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. N.Y., 2000.

³⁷ Baldwin K. A. The Racial Imaginary of the Cold War Kitchen: From Sokol'niki Park to Chicago's South Side. Hanover, NH, 2016.

³⁸ Roman M. L. The Black Panthers and the Soviets: A Comparative History of Human Rights Movements. London, 2025.

том, как они, находясь на передовой пропагандистского противостояния, не становились простыми трансляторами государственной пропаганды. Их работа определялась взаимодействием редакторов, цензоров, дипломатов, политиков и аудиторий³⁹. Для настоящего диссертационного исследования монография Файнберг представляет особый интерес, поскольку публикации в американской прессе о советских ядерных испытаниях, ситуации на Кубе и деятельности Н.С. Хрущёва должны рассматриваться как пространство не только официальной мобилизации, но и критики, сомнения, моральной тревоги и конкурирующих интерпретаций.

Таким образом, в зарубежной научной литературе показано, как образы России/СССР и США сочетали в себе демонизацию, моральное миссионерство, любопытство, сочувствие и стремление к контакту.

Обращаясь к обширной *историографии Берлинского и Карибского кризисов*, следует подчеркнуть, что отечественные исследователи уделяют особое внимание роли личного фактора, проблеме секретности, военно-стратегическим расчётам и взаимосвязи германского и кубинского направлений внешней политики СССР.

Важный вклад в разработку этой проблематики внесли В.М. Зубок и З.К. Водопьянова, рассмотревшие Берлинский кризис через эволюцию советского дипломатического подхода, сочетание стратегических расчётов и внутриблоковых отношений, а также через постепенное осознание в СССР пределов давления на западные державы⁴⁰. В данном контексте особый интерес представляют публикации, нацеленные на изучение германского вопроса в долгосрочной перспективе советского внешнеполитического планирования, прежде всего принадлежащие перу А.М. Филитова. В одной из своих последних монографий он помещает Берлинский кризис в контекст длительной советской политики в германском вопросе, что позволяет рассматривать действия Н.С. Хрущёва с учетом не только текущей конфронтацией с США, но и наследия Второй мировой войны,

³⁹ Fainberg D. Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Baltimore, MD, 2021.

⁴⁰ Зубок В.М., Водопьянова З.К. Советская дипломатия и Берлинский кризис (1958–1962) // Холодная война. Новые подходы. Новые документы / отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 258–274.

проблемы безопасности СССР в Центральной Европе, отношений с ГДР и стремления закрепить послевоенный порядок⁴¹.

История Карибского кризиса остается одной из наиболее изученных проблем в историографии холодной войны. Среди знаковых работ следует назвать монографию С.А. Микояна, в которой он рассматривает предысторию, ход и последствия кризиса в контексте советских, американских и кубинских интересов и уделяет особое внимание опасности неконтролируемой военной эскалации, роли закрытых каналов коммуникации и внутренним противоречиям между союзниками⁴². Существенно расширили источниковую базу и способствовали переосмыслению советской составляющей Карибского кризиса российский исследователь А.А. Фурсенко и американский исследователь Т. Нафтали. Их совместные работы основаны на рассекреченных советских архивных фондах, документах из личного архива Н.С. Хрущёва и материалах КГБ. Авторы реконструируют процесс принятия решения об операции «Анадырь», подчёркивая сочетание стремления защитить Кубу, изменить стратегический баланс и компенсировать уязвимость СССР перед американскими ракетами средней дальности⁴³.

Таким образом, российские историки подробно анализируют решения Хрущёва, Кеннеди, советских и американских военных, дипломатов и разведывательных служб и в меньшей степени обращают внимание на публичную риторику, медийное восприятие, эмоции и реакцию обычных американских граждан. Этот историографический пробел призвана заполнить данная диссертация, в том числе посвящённая тому, как международные кризисы и ядерная угроза осмысливались простыми американцами.

Зарубежная историография *внешней политики США* во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. выстраивается вокруг президентств и

⁴¹ Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990). М., 2021.

⁴² Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М., 2006.

⁴³ Фурсенко А.А., Нафтали Т. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2006. (Пер. англоязычного изд.: Fursenko A., Naftali T. “One Hell of a Gamble”: Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964. New York: W. W. Norton, 1997); Фурсенко А.А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущёва: тайная история противника Америки / пер. с англ. В.Т. Веденеевой, О.Р. Щелоковой. М., 2018. (Пер. англоязычного изд.: Fursenko A., Naftali T. Khrushchev’s Cold War: The Inside Story of an American Adversary. New York: W. W. Norton, 2006.)

международных кризисов. Например, С. Докрилл исследует то, как администрация Эйзенхауэра стремилась совместить обязательства перед союзниками, ядерное сдерживание и контроль расходов, а потому была вынуждена искать более дешёвые и политически приемлемые способы поддержания международного лидерства⁴⁴, а Р. Даллек показывает, что решения администрации Дж. Кеннеди формировались в условиях конкуренции различных групп советников и ведомств, вынуждая его выбирать между противоречивыми рекомендациями военных, дипломатов, экспертов по разведке и политических помощников⁴⁵.

Изучая историю *Берлинского и Карибского кризисов*, зарубежные исследователи придают особое значение роли Кеннеди и Хрущева. Так М.Р. Бесшлосс занимается политико-биографической реконструкцией их отношений в 1960–1963 гг. и уделяет внимание восприятию противника, значению неформальных контактов, влиянию публичных неудач и стремлению лидеров восстановить политический авторитет⁴⁶, а Дж.К. Аусланд рассматривает оба кризиса как единую серию столкновений Кеннеди и Хрущёва, в ходе которой они демонстрируют свою решимость и пределы силовой дипломатии в Атомном веке⁴⁷.

Со своей стороны, Ф. Кемпе разводит Берлин и Кубу, рассматривая второй Берлинский кризис как самостоятельный и столь же опасный момент холодной войны. Миграционный кризис в ГДР, столкновение танков у КПП «Чарли» и строительство Берлинской стены выстраиваются Кемпе как цепь событий, позволяющая изучить механизмы эскалации холодной войны в Европе, где проходила ее основная граница, и неформальных каналов её сдерживания⁴⁸. Среди новейших работ, посвященных Берлинскому кризису, следует также назвать монографию Х. Харрисон, основанную на архивных документах и расширяющую представление о причинах строительства Берлинской стены. Автор прописывает особую роль руководства ГДР во главе с Вальтером Ульбрихтом, оказывавшего

⁴⁴ Dockrill S. Eisenhower's New-Look National Security Policy, 1953–61. London; N.Y., 1996.

⁴⁵ Dallek R. Camelot's Court: Inside the Kennedy White House. N.Y., 2013.

⁴⁶ Beschloss M.R. The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960–1963. N.Y., 1991.

⁴⁷ Ausland J.C. Kennedy, Khrushchev, and the Berlin-Cuba Crisis, 1961–1964. Oslo, 1996.

⁴⁸ Kempe F. Berlin 1961: Kennedy, Khrushchev, and the Most Dangerous Place on Earth. N.Y., 2011.

постоянное давление на Москву с целью блокировать массовый отток населения через Берлин⁴⁹.

Важной вехой междисциплинарного изучения кризисов эпохи холодной войны стала совместная монография Дж. Блайта, Д. Уэлча и Б. Аллина, в которой авторы, используя метод «критической устной истории», соединили архивные материалы с интервью и воспоминаниями бывших участников событий из США, СССР и Кубы, что позволило исследователям представить множественность восприятий кризиса⁵⁰. Вопросом его репрезентаций в американском обществе отдельно занималась историк А.Л. Джордж, продемонстрировавшая, как американцы оценивали риски ядерной войны, реагировали на сообщения в прессе, обсуждали гражданскую оборону и надлежавшую степень ответственности, которую должно было нести правительство⁵¹. Эта работа является примером удачного совмещения дипломатической истории и изучения эмоций.

Отдельное историографическое направление посвящено изучению *Атомного века* и ядерной культуры. В отечественной историографии данная проблематика долгое время разрабатывалась преимущественно в рамках истории международных отношений, гонки вооружений, военно-стратегического противостояния СССР и США и истории национальных атомных проектов. Лишь сравнительно недавно к этим направлениям стали добавляться исследования ядерной культуры, гражданской обороны, страхов, пропаганды и образов Себя и Другого. Поэтому российская историография косвенно связана с темой диссертационного исследования, но в меньшей степени, чем англоязычная историография, акцентирующая внимание на эмоциональном восприятии ядерной угрозы американским обществом.

В данном контексте прежде всего следует обратить внимание на работы, посвящённые раннему этапу холодной войны и месту ядерного оружия в становлении советско-американского противостояния. Сборник статей, посвященный начальному этапу холодной войны и вышедший под редакцией Н.И.

⁴⁹ Harrison H.M. *Driving the Soviets Up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961*. Princeton, N.J., 2003.

⁵⁰ Blight J.G., Allyn B.J., Welch D.A. *Cuba on the Brink: Castro, the Missile Crisis, and the Soviet Collapse*. N.Y., 1993.

⁵¹ George A.L. *Awaiting Armageddon: How Americans Faced the Cuban Missile Crisis*. Chapel Hill, 2003.

Егоровой и А.О. Чубарьяна, демонстрирует развитие российской историографии после открытия архивов и расширения источниковой базы. Авторы рассматривают роль ядерного оружия в происхождении и эскалации послевоенной конфронтации, а также значение документальных публикаций из российских и зарубежных архивов для переосмысления политики сверхдержав⁵². В свою очередь, А.В. Фененко уделяет особое внимание становлению и изменению американской стратегии сдерживания с 1946 г. по 1989 г. и подчёркивает, что она формировалась в рамках американской стратегической культуры и основывалась не только на наличии средств поражения, но и на убеждённости противника в реальности угрозы их применения⁵³. Эту линию продолжает и А.Г. Арбатов, который на материале трехсторонних отношений СССР/Россия-КНР-США, а также историй ядерных программ Ирака и Ирана показывает, как смена внешнеполитических приоритетов держав сопровождается изменениями стратегий ядерного сдерживания, что в конечном счете привело к эрозии систем контроля над ядерными вооружениями, которые переживают самый глубокий кризис за последние 60 лет⁵⁴.

В зарубежной (и, прежде всего, американской) историографии сложилось отдельное направление, посвященное изучению Атомного века и нацеленное на его характеристику не только как эпохи технического развития ядерного оружия и стратегического сдерживания, но и как времени глубокой трансформации культуры, повседневности, массового сознания и эмоционального опыта. Исследователи уделяют особое внимание тому, каким образом атомная бомба изменила представления о будущем, семье, государстве, научном знании, здоровье, окружающей среде и личной ответственности. Классической в данном случае принято считать монографию П. Бойера, в которой он показал, как после Хиросимы и Нагасаки ядерное оружие стало частью американской интеллектуальной и массовой культуры. Это исследование заложило основу для изучения атомной

⁵² Холодная война. 1945–1963 гг.: историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003.

⁵³ Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 1. URL: <https://irjournal.spbu.ru/article/view/7593> (дата обращения: 19.08.2026).

⁵⁴ Арбатов А.Г. Ядерный бумеранг. Нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но вечно и постоянно только ядерное оружие // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 36–57.

бомбы не просто как военной технологии, а как культурного явления, изменившего язык угрозы, ответственности и будущего. Оно по-прежнему входит в базовые университетские программы по истории США в ядерную эпоху⁵⁵.

В рамках изучения Атомного века большое внимание уделяется истории ядерных испытаний и эмоциональной реакции американского общества. Так Д.М. Блэйдс и Дж.М. Сиракуза изучают влияние американских испытаний на стратегическое мышление, представления о ядерном превосходстве и радиационной опасности, а также на перспективы заключения договоров об ограничении ядерных испытаний⁵⁶. В свою очередь, А. Винклер на основе изучения дискуссий о мирном и военном атоме, официальных заявлений и общественных движений прослеживает то, как страх атомной катастрофы вошёл в американскую политическую и культурную жизнь⁵⁷, К.Д. Роуз исследует историю строительства атомных бомбоубежищ и через анализ общественно-политических дискуссий показывает, как государство и общество пытались на бытовом уровне управлять угрозой ядерной войны⁵⁸, а С.Р. Уирт связывает научные знания, международную политику, общественные движения и экологические опасения воедино, предпринимая попытку реконструировать феномен ядерного страха как продукт реальных рисков и их общественных интерпретаций⁵⁹.

Ещё одним направлением исследований Атомного века являются работы по изучению его последствий, с которыми пришлось столкнуться американцам. М.В. Мелози, которого интересовала двойственная природа атома как символа прогресса и источника тревог, посвящает свое исследование рассмотрению вопроса о том, как атомная эпоха влияла на технологии, города, культуру потребления и экологическую сознательность⁶⁰, а Дж. Райс, в свою очередь, изучает последствия

⁵⁵ Boyer P.S. *By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age*. N.Y., 1985.

⁵⁶ Blades D.M., Siracusa J.M. *A History of U.S. Nuclear Testing and Its Influence on Nuclear Thought, 1945–1963*. Lanham, MD, 2014.

⁵⁷ Winkler A.M. *Life Under a Cloud: American Anxiety about the Atom*. Urbana; Chicago, 1993.

⁵⁸ Rose K.D. *One Nation Underground: The Fallout Shelter in American Culture*. N.Y., 2001.

⁵⁹ Weart S.R. *The Rise of Nuclear Fear*. Cambridge, MA, 2012.

⁶⁰ Melosi M.V. *Atomic Age America*. N.Y.; London, 2013.

ядерных испытаний для людей, живших в зоне ядерных выбросов, и рост их недоверия к государству и работавшим на него экспертам⁶¹.

Важное место в изучении Атомного века занимают исследования о влиянии информационных и художественных материалов о гражданской обороне и атомной угрозе на интеграцию ядерной культуры в повседневный опыт американцев, о чем пишут Р. Джейкобс⁶², Г. Оукс, обращавший особое внимание на попытки государства сделать ядерную войну «осознаваемой»⁶³, Л. Макэнани, развивавшая мысль о том, как гражданская оборона соединяла национальную безопасность с домашним пространством, семейными обязанностями и гендерными ролями⁶⁴. В данном контексте готовность к атомной войне представлялась как часть хорошего ведения домашнего хозяйства и ответственного родительства, и именно женщина, мать и хозяйка дома становилась ключевой фигурой гражданской обороны. Такой подход помогает автору диссертации понять логику и мотивацию американок, отправлявших письма Н.С. Хрущёву и его жене.

В работах американских исследователей подчёркивается мысль о том, что страх был не только следствием государственной политики, но и объектом управления. Государственные структуры стремились одновременно предупреждать население об опасности и блокировать массовую панику; эксперты, журналисты и активисты спорили о допустимой степени тревоги, реальности радиационных рисков и эффективности убежищ. Это позволяет рассматривать американскую гражданскую оборону как противоречивый проект, который обещал контроль над катастрофой, но одновременно усиливал индивидуальную тревогу, поскольку заставлял граждан мысленно готовиться к гибели города, болезням детей, разрушению семьи и борьбе за ограниченные ресурсы.

Таким образом, современные исследования опираются на изучение роли союзников и малых государств, разведки и армии, ведомственной политики, ошибочных представлений, непреднамеренной эскалации и публичной

⁶¹ Rice J. Downwind of the Atomic State: Atmospheric Testing and the Rise of the Risk Society. N.Y., 2023.

⁶² Jacobs R.A. The Dragon's Tail: Americans Face the Atomic Age. Amherst, 2010.

⁶³ Oakes G. The Imaginary War: Civil Defense and American Cold War Culture. N.Y., 1994.

⁶⁴ McEnaney L. Civil Defense Begins at Home: Militarization Meets Everyday Life in the Fifties. Princeton, N.J., 2000.

дипломатии. Вместе с тем даже эта разноплановая историография, как правило, нацелена на изучение крупных политических фигур, действий государственных структур и пропаганду и лишь вскользь затрагивает повседневную реакцию американского общества, роль эмоций, газетную полемику и эпистолярные практики. Данные исследовательские лакуны призвана заполнить диссертация.

Объект исследования – политика США в отношении СССР в середине 1950-х – середине 1960-х гг.

Предмет исследования – роль эмоциональных репрезентаций в конструировании образа советского Другого в Соединенных Штатах в условиях биполярного противостояния.

Цель исследования – выявить механизмы и определить степень влияния эмоций на отношения США с СССР с учетом взаимосвязи между внутренней и внешней политикой.

Для реализации поставленной цели было необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

1. охарактеризовать эволюцию образа СССР в США от «холодной оттепели» 1950-х гг. к Карибскому кризису в условиях менявшейся повестки национального и международного развития;
2. рассмотреть процесс формирования американской идентичности под влиянием «кухонных дебатов», визита Н.С. Хрущева в США и распространения ядерных страхов;
3. представить комплексную характеристику эмоциональной реакции американского общества на международные кризисы начала 1960-х гг. и её роль в конструировании наднациональной идентичности «граждан мира».

Основные **хронологические рамки** исследования включают в себя период от начала «холодной оттепели» в советско-американских отношениях второй половины 1950-х гг. до Карибского кризиса 1962 г. и его немедленных последствий. Потепление в двусторонних отношениях было связано с изменением внутривнутриполитического контекста в СССР и США в начале 1950-х гг. Победа на президентских выборах Д. Эйзенхауэра, завершение войны в Корее (1950-1953) и

окончание периода маккартизма в 1954 г., когда Сенат США осудил методы Дж. Маккарти как антиамериканские, стали важными факторами для изменения внешней политики США в отношении СССР. Вместе с тем после смерти И.В. Сталина в 1953 г. советское руководство также приступило к пересмотру внешнеполитических практик предыдущего периода. Поворотным моментом стал XX съезд КПСС в 1956 г., на котором был провозглашен принцип мирного сосуществования в отношениях с капиталистическими государствами и зачитан закрытый доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях».

Несмотря на временное потепление, в начале 1960-х гг. двусторонние отношения вступили в полосу кризисов, пиком которых стал Карибский кризис, грозивший поставить весь мир на грань ядерной катастрофы. Он был вызван предыдущей эскалацией советско-американских отношений и обострением угрозы ядерной войны из-за возобновления ядерных испытаний по обе стороны Атлантики. Таким образом, именно «холодная оттепель», в условиях которой существовавший образ СССР в США претерпевал существенные трансформации благодаря взаимодействию с советским Другим, и последовавшая за ней эскалация биполярного противостояния являются наиболее подходящим периодом для изучения образов СССР в эмоциональных репрезентациях американцев. Начало периода разрядки международной напряженности хронологически закрывает диссертационное исследование по причине того, что представляет собой следующий этап советско-американских отношений.

Источниковедческая база диссертации

Диссертационное исследование опирается на архивные документы, впервые вводимые в научный оборот (материалы из фондов ГА РФ и оцифрованных американских коллекций) и корпус опубликованных источников. Их видовые характеристики определяют структуру источниковедческого обзора.

К **источникам официального происхождения** относятся прежде всего документы органов исполнительной власти США. Центральное место в этой группе занимают публичные выступления Дж. Кеннеди, а также официальные материалы Белого дома и государственного департамента, связанные с Кубой и операцией в

заливе Свиней⁶⁵. Источники официального происхождения позволяют реконструировать то, каким образом Белый дом и государственный департамент объясняли американскому обществу внешнеполитические кризисы, советскую угрозу, необходимость роста военных расходов и развития гражданской обороны. Они важны не только как свидетельства политических решений, но и как тексты, формировавшие официальный язык страха, безопасности, свободы и ответственности.

Приоритетное значение для написания данного диссертационного исследования имели **источники личного происхождения**, прежде всего, неопубликованные письма американских граждан, отправленные на имя Н.С. Хрущева, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и впервые вводятся в научный оборот⁶⁶. Эти материалы предлагают уникальную возможность для изучения эмоциональных репрезентаций в исторических исследованиях, в данном случае эмоциональной реакции американцев на ключевые события холодной войны второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. Автором диссертации были просмотрены тысячи писем, написанных от руки или на печатной машинке, иногда сопровождаемых поздравительными открытками и фотокарточками. Наибольшее количество писем получило Управление делами Совета Министров в связи с «кухонными дебатами» между Н.С. Хрущевым и Р. Никсоном, состоявшимися во время Американской выставки в Сокольниках в июле 1959 г. (около 256 писем); визитом советского лидера в США в сентябре того же года (около 531 письма); возобновлением советских ядерных испытаний осенью 1961 г. (около 2318 писем) и Карибским кризисом в октябре 1962 г. (около 831 письма за неделю острой фазы). Часть писем была адресована жене Хрущева Нине Петровне. Кроме неопубликованных писем Н.С. Хрущеву в диссертационном исследовании

⁶⁵ В диссертации используются оцифрованные коллекции документов Государственного департамента США: Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments> (дата обращения: 02.08.2026); президентской библиотеки Дж. Кеннеди: John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/about-archival-collections> (дата обращения: 02.08.2026); и коллекции документов президентов Калифорнийского университета в Санта-Барбаре: The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/> (дата обращения: 15.08.2026); Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. X: Cuba, January 1961–September 1962 / ed. by L.J. Smith; General ed. D.S. Patterson. Washington, D.C., 1997. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v10> (дата обращения: 01.09.2026).

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93, 95-97.

важную роль играют письма американцев президенту США Дж. Кеннеди⁶⁷, а также письма, направленные американцами в редакции газет и журналов. Сравнение этих источников позволяет исследовать дискурсы о Советском Союзе, холодной войне, ядерном оружии и разные эмоциональные реакции на важнейшие события советско-американских отношений.

С методологической точки зрения диссертационное исследование демонстрирует потенциал изучения личных писем как источника по истории эмоций и их роли в международных отношениях. Эти тексты фиксируют сочетание индивидуальных и групповых эмоций, позволяют проследить то, как глобальные события отражаются в повседневной жизни и как через эмоции формируются представления о Себе и Другом. При этом историку необходимо брать в расчет исследовательские риски привлечения писем в качестве источника, поскольку он не всегда может дать полный ответ на вопрос об идентичности автора и определить степень репрезентативности его позиции. Поэтому выводы, сделанные на основе изучения писем, требуют верификации на основе источников других видовых характеристик.

Помимо писем в работе используются другие источники личного происхождения, такие как мемуары⁶⁸, автобиографические тексты⁶⁹, а также интервью⁷⁰. В целом источники личного происхождения позволяют выйти за пределы официальной риторики администраций США и СССР и проследить, как международные кризисы, ядерная угроза и образ врага № 1 осмысливались непосредственными участниками событий, журналистами, интеллектуалами и обычными гражданами.

⁶⁷ Большинство из них хранятся в президентской библиотеке Дж. Кеннеди и постепенно оцифровываются: John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/about-archival-collections> (дата обращения: 02.08.2026); часть была опубликована в виде отдельных сборников документов. См., например: Kennedy J.F. The Letters of John F. Kennedy / ed. by M.W. Sandler. N.Y., 2013.

⁶⁸ Kennedy R.F. Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. With a foreword by A.M. Schlesinger Jr. N.Y., 1999.

⁶⁹ Cousins N. Present Tense: An American Editor's Odyssey. New York, 1967; Стругацкий Б.Н. «Далекая радуга» // Комментарии к пройденному. 1961-1963 гг. URL: <https://www.rusf.ru/abs/books/bns-03.htm> (дата обращения: 22.08.2026).

⁷⁰ Cousins N. World Citizen Oral History Transcript, 1986–1988 / Interviewed by A. D. Basiago; UCLA Oral History Program. Los Angeles, 1992. URL: <https://archive.org/details/worldcitizenoral02cous> (accessed: 15.06.2026)

Важную роль в диссертационном исследовании играет **публицистика и труды современников**, куда входят манифесты и книги журналистов, ученых, писателей⁷¹ и других общественно-политических деятелей. Изучение этих текстов, посредством которых эмоции транслировались на широкую аудиторию, позволяет реконструировать механизмы мобилизации общества, формирования новых групп, движений и идентичностей. Например, концепция «американского образа жизни», которая стала краеугольным камнем в американском дискурсе национальной идентичности, обсуждалась не только на страницах газет, но и в художественных произведениях⁷² и сборниках научно-популярных работ⁷³. В то же время, книги журналиста и издателя Н. Казинса⁷⁴ сыграли большую роль в формировании антиядерных настроений в США, а манифест британского философа Б. Рассела и знаменитого физика А. Эйнштейна стал отправной точкой для создания международного Пагуошского движения⁷⁵.

Значимую для диссертационного исследования группу источников, составляют вербальные **материалы американской периодической печати** конца 1950-х – начала 1960-х гг. Газеты и журналы использовались в диссертации не только для реконструкции событий Берлинского и Карибского кризисов, кампаний гражданской обороны и дискуссий о ядерных убежищах, но и для анализа публичного языка ядерной опасности на основе редакционных статей, репортажей, колонок, писем читателей, фотографий, схем и заголовков.

Речь идет, прежде всего, об общенациональной газете “New York Times”, издававшейся тиражом в 650 тыс. экземпляров по будням и более 1,4 млн. экземпляров по выходным. Издание под руководством А.Х. Сульцбергера и О. Драйфуса позиционировало себя как центристское, однако, скорее склонялась к

⁷¹ Steinbeck J.A Russian Journal. With photographs by R. Capa. N.Y., 1948.

⁷² Kaufman G.S., Hart M. The American Way (1939) // George S. Kaufman. URL: <https://georgeskaufman.com/plays/extended-collection/the-american-way-1939/> (дата обращения: 29.08.2026)

⁷³ Unity and Difference in American Life / Ed. by R.M. MacIver. N.Y., 1947. 168 p.

⁷⁴ Cousins N. Who Speaks for Man? N.Y., 1953; Cousins N. In Place of Folly. N.Y., 1961

⁷⁵ Манифест Рассела-Эйнштейна, 1955 г. // Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН. URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>. (дата обращения: 10.08.2026)

либерально-демократической ориентации, поддерживая во внешней политике либеральный консенсус и оставаясь на позициях антикоммунизма.

Для решения исследовательских задач активно привлекались вербальные материалы из журналов “Life” (тираж – 6 млн. экземпляров еженедельно) и “Time” (тираж – около 2.5 млн. в неделю), входивших в медийную империю Генри Люса, одного из идеологов холодной войны. Оба издания были ориентированы на соединение визуальной и вербальной журналистики, нацеленной на массовую аудиторию, и серьезных аналитических комментариев по основным проблемам общественно-политического развития.

Реализации авторской концепции способствовал анализ публикаций в либеральном еженедельнике “Saturday Review”, в первую очередь, редакционные статьи Нормана Казинса и тексты политических обозревателей. Кроме того, журнал “Saturday Review,” следуя правилам качественной журналистики, формировал «рынок мнений», становясь пространством для конкурирующих объяснительных моделей и трибуной ученых и общественных деятелей, выступавших за ограничение ядерного оружия. Благодаря такой ориентации тираж журнала вырос за десятилетие более чем в 10 раз: с 20 тыс. в начале 1950-х гг. до 250 тыс. в начале 1960-х.

Таким образом, периодическая печать в работе представлена изданиями разного типа и политико-культурной функции: влиятельной ежедневной газетой “New York Times”, массовыми иллюстрированными общественно-политическими журналами (“Life” и “Time”) и интеллектуально-публицистическим еженедельником “Saturday Review”. Кроме того, в диссертации активно использовались публикации из других газет и журналов общенационального и регионального характера: “Washington Post”, “Boston Tribune”, “Baltimore Sun”, “Boston Tribune”, “Decatur Daily Democrat”, “Nature”, “Pittsburgh Sun-Telegram”, “Rocky Mountain News”, “Slate”, “Sports Illustrated”, “Stockton Record”, “U.S. News & World Report”.

В отдельную группу источников, значимую для изучения «эмоциональной инфраструктуры» американского общества, вошли **аудиовизуальные и визуальные материалы**: телевизионная политическая реклама, агитационно-просветительские ролики, записи телевизионных выступлений и пресс-конференций президентов

США, документальные фотографии в периодических изданиях. Источники этой видовой характеристики позволяют изучить не только содержание высказываний о ядерной угрозе, СССР и гражданской обороне, но и способы их эмоционального и визуального оформления: монтаж, звук, интонацию, изображение семьи, детей, дома, убежища. Телевизионные рекламные ролики кандидатов в президенты были взяты из цифрового архива “The Living Room Candidate”, созданного Museum of the Moving Image⁷⁶. В фондах Комиссии по атомной энергии США сохранились рекламные и информационные материалы “Public Information Office”, включая телевизионные клипы, фильмы, пресс-релизы и сопровождавшие процесс подготовки передач и фильмов документы по вопросам медицины, безопасности и радиационного воздействия, которые позволяют сделать выводы о достоверности того, что озвучивалось на телеэкране⁷⁷.

Данные **социологических опросов** вошли в последнюю группу источников. Для замера общественных настроений и понимания эмоциональной реакции на кризисы эпохи холодной войны привлекались опросы, проведенные службой Дж. Гэллапа и опубликованные в трехтомнике опросов за 1935–1971 гг.⁷⁸.

Источниковая база диссертации была сформирована таким образом, чтобы продемонстрировать, как официальные дискурсы, пресса, личные свидетельства и общественное мнение формировали сложное поле эмоциональных репрезентаций политики США в отношении СССР и образ советского Другого в условиях нарастания угрозы всеобщего ядерного уничтожения.

Теоретико-методологическая база диссертации.

Диссертация имеет междисциплинарный характер, поскольку тема находится на стыке истории, исторической антропологии, культурологии, социологии и психологии. Данное исследование проводилось на пересечении традиционных

⁷⁶ The Living Room Candidate: Presidential Campaign Commercials, 1952-2024 // Museum of the Moving Image. URL: <https://www.livingroomcandidate.org/>. (дата обращения: 18.08.2026).

⁷⁷ Akers L.K., Brannon T. U.S. Atomic Energy Commission 16mm Classroom Films on Nuclear Science. Oak Ridge, TN: Oak Ridge Associated Universities; U.S. Atomic Energy Commission, 1969. 46 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED038309.pdf> (дата обращения: 01.09.2026).

⁷⁸ Gallup, G.H. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935–1971. Vol. 1, 1935–1948 / G.H. Gallup. N.Y., 1972; Gallup, G.H. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935–1971. Vol. 2, 1949–1958 / G.H. Gallup. N.Y., 1972; Gallup, G. H. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935–1971. Vol. 3, 1959–1971 / G.H. Gallup. NY, 1972. Кроме того, были использованы оцифрованные материалы, выложенные на сайте Gallup News. URL: <https://news.gallup.com/home.aspx> (дата обращения: 02.08.2026).

исторических методов в сочетании с конструктивистским подходом (теория эмоций и акторно-сетевая теория).

Исторические методы были необходимы для прописывания временного нарратива в его различных составляющих. *Историко-генетический метод* позволил проследить эволюцию политики США в отношении СССР в условиях «холодной оттепели» и последующей конфронтации, *историко-системный метод* использовался для выявления взаимосвязи между внутренней и внешней политикой США, процессом конструирования национальной идентичности и репрезентациями советского враждебного Другого, в то время как обращение к *историко-типологическому методу* дало возможность уточнить хронологию ядерных кризисов.

Теория эмоций в рамках конструктивистского подхода нацеливает на их понимание как социальных конструкторов, которые формируются под воздействием социокультурных норм, превалирующих в обществе, а также в отдельной группе внутри него. В науке о международных отношениях из трудно измеряемых телесных ощущений эмоции превращаются в сконструированный объект, который можно изучать без обязательной привязки к телу при помощи эмоциональных репрезентаций, тем самым сделав предметом исследования эмоции не только индивидов, но и различных групп, в том числе групп государств⁷⁹. Для реконструкции эмоций как сконструированного объекта в диссертации был использован дискурс-анализ. Под дискурсом автор понимает совокупность высказываний и текстов, объединённых общей темой, а также социальными условиями, понятиями и правилами, определяющими способы её обсуждения⁸⁰.

На развитие теории изучения эмоций и идентичности в международных отношениях оказало влияние исследование человеческого мозга нейробиолога А.

⁷⁹ Hutchison E., Bleiker R. Theorizing emotions Emotions in world World politicsPolitics. // International Theory. 2014 vol. 6. № 3. P. 491-514; Sasley B.E. Theorizing States' Emotions // International Studies Review. 2011. № 13. P. 452-476; Koschut S. No Sympathy for the Devil: Emotions and the Social Construction of the Democratic Peace // Cooperation and Conflict. 2018. № 53. P. 320-338.

⁸⁰ Foucault M. The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language / Trans. by A. M. Sheridan Smith. NY, 1972; Foucault M. The Order of Discourse // Untying the Text: A Post-Structuralist Reader / Ed. by R. Young. Boston; 1981. P. 48–78; Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge, 1992; van Dijk T. A. News as Discourse. Hillsdale, N.J., 1988; Methods of Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London, 2001.

Дамасио, описавшего его как картографа, который в первую очередь конструирует карту собственного тела, а затем и внешнего мира. В итоге человек воспринимает эти карты в качестве образов, которыми он может управлять и которые может осмысливать. Разделяя эмоции и ощущения, Дамасио подчеркивал, что эмоции инстинктивны, а ощущения идут следом за инстинктом, конструируя для нас «карту» происходящего внутри и вне нас⁸¹.

В социальных науках общепринятой стала обратная терминология: политологи и историки называют ощущениями первичные телесные реакции, а эмоциями – социально обусловленные интерпретации этих реакций⁸². Автор данной диссертации будет придерживаться именно этой, а не естественнонаучной традиции.

По мнению Дамасио, существуют так называемые универсальные (а потому врожденные) эмоции, такие как страх, ярость, грусть, радость, отвращение и удивление (причем во всех культурах и даже у животных). Однако для диссертационного исследования важна еще одна группа эмоций – социальных. Среди них можно назвать сочувствие, смущение, стыд, вину, презрение, ревность, зависть, гордость, восхищение. Они переживаются и осознаются точно также, как и универсальные эмоции, но сформировались позже, а потому встречаются почти эксклюзивно среди людей. Социальные эмоции участвуют в формировании моральных принципов и возникновении этических систем. В течение нашей жизни мы приобретаем набор ценностных суждений, который преломляет наше восприятие образов, делая их более или менее выраженными и более или менее важными, и без эмоций невозможна классификация этих образов по группам: позитивные и негативные, прекрасные и уродливые, приятные и болезненные, одухотворенные и приземленные⁸³.

В результате эмоции, ценности и порождаемые ими образы играют важную роль в формировании групповой и национальной идентичности. В диссертационном исследовании они помогают ответить на вопрос, почему люди реагировали на

⁸¹ Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М., 2018. С. 79-80, 129-132.

⁸² Hutchison E., Bleiker R. Theorizing Emotions in World Politics // *International Theory*. 2014. Vol. 6. N 3. P. 500–503.

⁸³ Дамасио А. Указ. соч. С. 144-148; Дамасио А. Станный порядок вещей. Жизнь, чувства и рождение культур. М., 2024. С. 121-122.

кризисы холодной войны так, а не иначе, выявить механизмы конструирования идентичностей в американском обществе и объяснить контринтуитивные эмоциональные реакции.

Эти рассуждения, заимствованные из естественных наук, тем не менее поставили перед историками и политологами серьезный исследовательский вопрос: каким образом можно изучать эмоции, не обращаясь к телу, которое даже теоретически остается непознаваемым с эмоциональной точки зрения⁸⁴?

Дамасио в своих работах предложил изучать их через социокультурные практики, способные эффективно передавать эмоциональные состояния в рамках одной культуры⁸⁵. Исследователи Э. Хатчисон и Р. Блейкер первыми стали использовать этот подход в изучении эмоций в международных отношениях. В своих статьях они предложили термин «эмоциональные репрезентации», который описывает способы передачи эмоций, такие как мимика, жесты, тон голоса, эмоционально заряженная лексика в устной и письменной речи, изображения, коммеморативные практики, религиозные и гражданские ритуалы. Благодаря репрезентациям индивидуальные эмоции переносятся в пространство коллективного. Так, например, свидетели трагедии не могут по-настоящему понять эмоции пострадавших, но процесс коммуникации эмоций создает публичный контекст, в котором личная природа горя может получить более широкое и весомое социальное значение⁸⁶.

Безусловно, в работе с репрезентациями всегда присутствует элемент интерпретации. Передать эмоции достоверно невозможно, но можно интерпретировать их проявления, что позволяет понять то, как эмоции преодолевают ограничения тела и переходят в область публичного и политического измерения⁸⁷.

⁸⁴ Hutchison E., Bleiker R. Emotions, Discourse and Power in World Politics // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 501-508.

⁸⁵ Дамасио А. Так начинается «я». С. 129-132.

⁸⁶ Hutchison E., Bleiker R. Fear no More: Emotions and World Politics // *Review of International Studies*. 2008. Vol. 34. № 1. P. 115-135.

⁸⁷ Hutchison E., Bleiker R. Theorizing Emotions in World Politics // *International Theory*. 2014. Vol. 6, no. 3. P. 491-514.

Исследователи в основном используют материалы прессы⁸⁸, официальные речи⁸⁹, дипломатическую переписку⁹⁰, произведения искусства⁹¹, коллективные проявления горя и радости⁹², выявляя в них репрезентации тех эмоций, которые авторы стремились транслировать реципиентам. В исторических работах также исследуются эмоции исторических личностей на основе источников личного происхождения⁹³.

Для изучения эмоциональных репрезентаций необходимо, в первую очередь, проводить анализ социокультурного контекста, в котором они сформировались, поскольку именно контекст определяет культурные коды, позволяющие считываются эмоции. Кроме того, репрезентации эмоций не формируются изолированно, они опираются на сложившиеся эмоциональные группы внутри изучаемого общества. В данном случае под эмоциональными группами понимаются сообщества, объединенные общими эмоциями и ценностями, а также их валидацией друг у друга. Политический потенциал эмоций, т.е. их способность формировать группы и идентичности, консолидировать и разобщать общества, вызывать эскалацию и деэскалацию агрессии, как раз и обеспечивается их способностью переходить в групповые или коллективные при помощи эмоциональных репрезентаций и способности человека идентифицировать себя с внешними объектами⁹⁴.

Человек способен быть частью нескольких групп одновременно, как небольших – семья или творческий кружок, так и крупных – национальный

⁸⁸ Hutchison E. A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami // *International Political Sociology*. 2014. Vol. 8. № 1. P. 1-19.

⁸⁹ Erisen C., Villalobos J. Exploring the Invocation of Emotion in Presidential Speeches // *Contemporary Politics*. 2014. Vol. 20. P. 469-488.

⁹⁰ Hall T. *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*. Ithaca, N.Y., 2015.

⁹¹ Hutchison E., Bleiker R. Art, aesthetics and emotionality // *Gender matters in global politics: a feminist introduction to international relations* / Edited by Laura J. Shepherd. London, 2014. P. 349-360.

⁹² Hutchison E. Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing // *International Relations*. 2010. Vol. 24. № 1. P. 65-86.

⁹³ Costigliola F. "I React Intensely to Everything": Russia and the Frustrated Emotions of George F. Kennan, 1933-1958 // *Journal of American History*. 2016. №4. P. 1075-1101.

⁹⁴ Mercer J. Feeling like a state: Social emotion and identity // *International Theory*. 2014 vol. 6. № 3. P. 515-535; Hutchison E. *Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma*. Cambridge, 2016. P. 22; Sasley B.E. Theorizing States' Emotions // *International Studies Review*. 2011. №13 P. 459-462; Hutchison E., Bleiker R. Theorizing emotions in world politics // *International Theory*. 2014. №6. P. 505-506; Mercer J. Feeling like a state: Social emotion and identity // *International Theory*. 2014. 6(3) P. 530.

коллектив или вообще все человечество. Эмоции помогают формировать и поддерживать группы, структурируя опыт внутри и вне их. Так позитивные эмоции по отношению к группе обеспечивают идентификацию с ней, и чем позитивнее эти эмоции, тем более негативные эмоции переживаются по отношению к внешним группам, чем выше степень идентификации со своей группой, тем меньше воспринимается ее критика и больше нарастает критическое отношение к внешней группе⁹⁵. При этом важна синхронизация эмоций, что осуществляется при помощи их коллективных проявлений, таких как минуты молчания, подношения цветов, коллективные празднования, акции протеста, то есть, при помощи эмоциональных репрезентаций⁹⁶.

Группа, по Мерсеру, может состоять как из двух человек, так и из двух миллиардов человек. И если группа из двух человек испытывает групповую эмоцию, то и группа из двух миллиардов тоже. Причем групповые эмоции столь же реальны, как и другие категории, созданные людьми, такие как идентичность и нормативные структуры. Мерсер полагает, что в рамках изучения эмоций даже идентичность рассматривается как эмоция, поскольку сильная групповая идентичность порождает любовь к своим и ненависть к чужакам, что конструирует границы этой группы и побуждает их защищать. По Мерсеру, идентичность существует на индивидуальном, групповом и государственном уровнях, поскольку эмоции тоже существуют на всех этих уровнях⁹⁷.

В рассуждениях Мерсера и Хатчисон присоединяется Б. Сасли. Он пишет о том, что эмоции являются неотъемлемой частью жизни в международной системе, но этот аспект плохо отражен в традиционных работах по международным отношениям. Как замечает Сасли, хотя государство является большим и сложным образованием, оно все равно остается группой. Поэтому он призывает изучать то, как у группы появляются эмоциональные реакции на внешние события, и как эти

⁹⁵ Mercer J. Feeling like a state: Social emotion and identity // *International Theory*. 2014. 6(3) P. 522-529.

⁹⁶ Koschut S. No sympathy for the devil: Emotions and the social construction of the democratic peace // *Cooperation and Conflict*. 2018. №53. P. 321, 327.

⁹⁷ Mercer J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity. // *International Theory*. 2014. Vol. 6 issue 3. P. 515-520, 525-530; Mercer J. Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics // *Journal of International Relations and Development*. 2006. Vol. 9. № 3. P. 297-298

эмоции затем формируют отношения между различными группами – или, в случае государств, внешнюю политику. Государство-как-группа заставляет своих членов менять отношение, ощущение и реакции согласно «государственным» эмоциям⁹⁸. В свою очередь, Т. Холл предлагает теоретическую рамку для понимания природы и последствий эмоционального поведения государств на международной сцене, для чего вводит концепцию эмоциональной дипломатии. Он понимает под этим координируемое поведение государства, которое стремится продемонстрировать другой стороне свою эмоциональную реакцию, а также коллективный осознанный курс, формирующий восприятие и поведение политических акторов в результате стратегического решения⁹⁹.

Для изучения эпохи холодной войны не менее важно исследование либеральных эмоций, то есть тех, которые были сконструированы государствами, считающими себя носителями либеральных идей. В рамках этой объяснительной схемы демократии признают друг друга не только благодаря когнитивному восприятию себя и других и схожей морали, но и благодаря высокой степени эмоционального сближения. Общие эмоциональные нормы притягивают морально похожие либеральные государства, что в свою очередь также приводит к конструированию нелиберального Другого и накоплению враждебного отношения и антипатии между сконструированными либеральными и нелиберальными государствами¹⁰⁰. В конечном счете это приводит к обезчеловечиванию Другого, по отношению к которому легче испытывать сильные негативные эмоции.

В то же время, эмоциональный фон 1950-х–начала 1960-х гг. способствовал формированию новых эмоциональных групп внутри американского общества. Сплоченные не столько политическими взглядами, сколько страхами перед ядерной войной журналисты, ученые и общественные деятели при помощи той же «эмоциональной инфраструктуры» стремились «заразить» своими тревогами сограждан и конвертировать их эмоции в конкретные политические действия,

⁹⁸ Sasley B. Theorizing States' Emotions // *International Studies Review*. 2011. Vol. 13. N 3 P. 452-76.

⁹⁹ Hall T. Hall T. *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*. Cornell, 2015. P. 2.

¹⁰⁰ Koschut S. The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR // *Journal of International Relations and Development*. 2018. Vol. 21, no. 3. P. 495–522.

например, в написания писем американским и советским политикам, что позволяло транслировать общественные настроения на уровень власти.

В данной диссертации используются основные понятия из приведенной теории эмоций, а также способы аналитической интерпретации функций эмоций в поведении различных акторов холодной войны. Эмоции понимаются как социально и культурно сконструированные явления, выражаемые при помощи эмоциональных репрезентаций: эмоционально окрашенной лексики, жестов, ритуалов, визуальных образов, коммеморативных практик и других способов коммуникации. В диссертационном исследовании присутствует описание эмоциональных групп и групповых эмоций, которые помогают объяснить переход индивидуальных переживаний в коллективные, формирование идентичностей и образа внешнего Другого, проведение границ между ним и Собой.

Изучение антиядерной оппозиции стало возможно благодаря использованию сетевого анализа, который опирается на акторно-сетевую теорию (ANT), разработанную французским социальным антропологом Б. Латуром¹⁰¹. В рамках этой теории любые социальные действия могут рассматриваться с точки зрения деятельности сетей, которые объединяют как «человеческих» (журналистов, ученых, политиков и общественных деятелей), так и «не-человеческих» (журналы, научные центры, политические институты) акторов. Формальные и неформальные связи, объединяющие всех акторов, позволяют им более эффективно продвигать свои идеи, получать финансирование, оказывать влияние на принятие политических решений.

Таким образом, изучение политики США в отношении СССР и процесса восприятия советского Другого во взаимосвязи с американским Я через призму теории эмоций и акторно-сетевой теории позволяет понять механизмы формирования образов СССР и их роль в формировании американской внутренней и внешней политики во второй половине 1950-х–первой половине 1960-х гг.

¹⁰¹ Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. Oxford, 2005. Перевод на русский: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. Сам Латур использовал этот подход прежде всего для изучения социологии науки: Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. Первая публикация: Latour B. Science in action: how to follow scientists and engineers through society. Cambridge, 1987; Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, 1993.

Научная новизна диссертационного исследования определяется источниковой базой, избранной методологией и междисциплинарным ракурсом исследования.

1. Использование сетевого анализа позволило охарактеризовать «эмоциональную инфраструктуру» американского общества в 1950-е – 1960-е гг. в условиях бурного развития радиовещания, телевидения и практики социологических опросов.
2. Привлечение конструктивистского подхода способствовало уточнению представлений о роли концепции «американского образа жизни» как важнейшего элемента национальной идентичности и предмета экспорта в СССР.
3. Введение в научный оборот неопубликованных писем американцев Н.С. Хрущёву после «кухонных дебатов» и визита советского лидера в США в 1959 г. сформировало документальную основу для изучения процесса включения СССР в американские культурные практики и дальнейшей трансформации образа советского Другого.
4. Сравнительный анализ писем американских граждан, поступавших на имя Н.С. Хрущёва, Дж. Кеннеди, а также в редакции ведущих газет и журналов США наглядно продемонстрировал возможность превращения эмоций в политические действия и их изучения в рамках исторического исследования.
5. Включение в теоретико-методологическую базу диссертации теории эмоций расширило понимание роли ядерных страхов в конструировании наднациональной идентичности в рамках советско-американских отношений.
6. Изучение эмоциональных реакций американского общества на возобновление советских ядерных испытаний в 1961 г. уточнило представления о предпосылках и последствиях Карибского кризиса.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Эмоциональная инфраструктура», сложившаяся в американском обществе к 1950-м гг. благодаря развитию радиовещания и телевидения, а также

- регулярным социологическим опросам, способствовала одновременно распространению ядерных страхов и формированию антиядерной оппозиции.
2. Под влиянием «эффекта Спутника», ядерных страхов и антиядерной оппозиции в США активизировались процессы конструирования национальной идентичности, основанной на представлении об «американском образе жизни».
 3. «Кухонные дебаты» и визит Н.С. Хрущева в США привели к усложнению образа Советского Союза в период «холодной оттепели» конца 1950-х гг. и включению советского лидера в американские культурные практики.
 4. Эволюция представлений о ядерной угрозе в американском обществе во второй половине 1950-х–начале 1960-х гг. и формирование антиядерных настроений активизировали роль советского Другого в процессе конструирования наднациональной идентичности.
 5. Реакция американцев на возобновление советских ядерных испытаний в 1961 г. оказала непосредственное влияние на эмоциональное восприятие Карибского кризиса, став его своеобразным прологом и расширяя его хронологические рамки.
 6. Эмоциональный фон, сформировавшийся в американском обществе после завершения Карибского кризиса, заложил основы для дальнейшей разрядки советско-американских отношений и в конечном счете для окончания холодной войны в умах и сердцах людей по обе стороны «железного занавеса».

Обоснование структуры как обоснование логики построения текста

Диссертационное исследование состоит из трех глав, введения, заключения, списка использованных источников и литературы.

Первая глава **«Советский Другой в американском внутри- и внешнеполитическом дискурсах на начальном этапе холодной войны»** посвящена трансформации образа СССР в США в 1950-е гг. под влиянием внутри- и внешнеполитических вызовов. Первый параграф нацелен на характеристику «эмоциональной инфраструктуры» – радио, телевидение, фотожурналы, политическое письмописание, социологические опросы, которые позволяли по-

новому аккумулировать, транслировать и формировать групповые эмоции в эпоху холодной войны. Во втором параграфе с учетом внутри- и внешнеполитических контекстов представлен эмоциональный фон, существовавший в американском обществе и повлиявший на переосмысление советского Другого во время президентства Д. Эйзенахуэра. В третьем параграфе исследуется реакция американцев на запуск «Спутника-1», который способствовал переоценке образа СССР в США и формированию страхов, связанных с военно-технологическим отставанием от Советского Союза, в то время как четвертый параграф призван акцентировать внимание на концепции «американского образа жизни», которая стала одним из центральных понятий в национальном дискурсе идентичности благодаря подготовке американской выставки в Москве и «кухонным дебатам» между Н.С. Хрущевым и Р. Никсоном. Наконец, в пятом параграфе показано, как в результате телевизионной трансляции «кухонных дебатов» и визита Хрущева в США в американском обществе начался процесс «очеловечивания» образа советского лидера и его включения в американские культурно-политические практики.

Вторая глава **«Ядерные страхи в советско-американском противостоянии»** нацелена на изучение того, как ядерная угроза не только формировала эмоциональный фон второй половины 1950-х-начала 1960-х гг., но и стимулировала переосмысление американцами собственной идентичности в контексте противостояния с СССР. Первый параграф посвящен формированию нового эмоционального климата в США в 1950-х гг. под воздействием растущих тревог, связанных с гонкой вооружений и активно проводившимися на территории обеих сверхдержав ядерными испытаниями. Под влиянием этого эмоционального фона в Соединенных Штатах формируется антиядерная оппозиция, объединявшая журналистов, ученых и политиков в борьбе за ограничение ядерных испытаний, о чем идет речь во втором параграфе главы. В свою очередь, в третьем параграфе показано, как в начале 1960-х гг. в условиях нового витка холодной войны ядерные тревоги и страх перед военно-технологическим отставанием от СССР использовались для мобилизации американского общества. Это подводит к проблематике четвертого параграфа, в котором рассматриваются общественно-

политические дискуссии о готовности страны к ядерной войне, об эффективности бомбоубежищ и последствиях радиационного заражения, что во многом предопределило реакцию американцев на Карибский кризис.

Третья глава **«Эмоциональное измерение Карибского кризиса и его последствий в США»** посвящена кульминации и одновременно переломному моменту в конструировании образов Советского Союза, национальной и наднациональной идентичности американцев. Первый параграф добавляет кубинский контекст в советско-американские отношения и их эмоциональное измерение. Во втором параграфе рассматривается эмоциональная реакция на Карибский кризис, как следствие знаменитого телеобращения президента Кеннеди к нации, актуализировавшее накопленное напряжение и страхи, что в итоге вызвало одновременно панику и апатию в американском обществе. В свою очередь, в третьем параграфе представлена альтернативная эмоциональная реакция американцев, нашедшая свое выражение в формировании новых эмоциональных групп и наднациональных идентичностей, объединявших американских и советских граждан на основе общечеловеческих ценностей. Наконец, в четвертом параграфе показаны эмоциональные последствия Карибского кризиса, мирное разрешение которого привело к формированию надежд на дальнейшую разрядку международных отношений, окончательный запрет ядерных испытаний и завершение холодной войны.

Глава 1. Советский Другой в американском внутри- и внешнеполитическом дискурсах в 1950-е гг.

После окончания Войны в Корее (1950-1953 гг.) на фоне «духа Женевы» начался новый этап в советско-американских отношениях. Он был также связан с внутривнутриполитическими изменениями в обеих странах. В Советском Союзе после смерти И.В. Сталина в 1953 г. и прихода к власти Н.С. Хрущева шел процесс десталинизации и был провозглашен новый курс в отношении западных стран, позволивший начать сближение между социалистическим и капиталистическим миром. В свою очередь, в Соединенных Штатах в 1953 г. в Белый дом пришел республиканский президент генерал Д. Эйзенхауэр, администрация которого хотя и сохранила политику сдерживания коммунизма, что нашло свое отражение в принятой доктрине «массового возмездия», параллельно предпринимала реальные усилия по налаживанию отношений с Советским Союзом. Этому способствовало и завершение кампании маккартизма после того, как в декабре 1954 г. Сенат осудил действия Дж. Маккарти как антиамериканские. В конечном счете эти внутривнутриполитические и международные изменения привели к концу 1950-х гг. к «холодной оттепели» в двусторонних отношениях.

При этом важнейшие события в истории двусторонних отношений второй половины 1950-х гг., такие как запуск «Спутника-1» в 1957 г., «кухонные дебаты» на Американской выставке в Сокольниках в 1959 г. и последовавший за ними визит Хрущева в США происходили в сложном эмоциональном контексте, который определял реакции американцев на эти события и оказывал влияние на перестроение образа СССР в США.

Поэтому при анализе этого имиджологического процесса необходимо брать в расчет тот эмоциональный фон, который формировался под влиянием внутривнутриполитических изменений: новые отношения между американским обществом и властью, которые стали возможными благодаря развитию средств массовой информации, таких как радио, телевидение и цветная печать; появление

объективных замеров общественного мнения благодаря развитию службы Гэллапа, возникшей еще в середине 1930-х гг.; приход к власти республиканцев после двадцатилетнего правления демократов; внутривнутриполитические вызовы такие как расовая и гендерная дискриминация и несовершенство системы образования; внешнеполитические проблемы, возникшие вследствие реализации новой сверхдержавной политики Соединённых Штатов. Все это в конечном счете оказывало непосредственное влияние на восприятие Советского Союза американцами и на советско-американские отношения в целом, а также способствовало формированию эмоционального климата эпохи посредством тиражирования определённых групповых эмоций в американском обществе.

1.1. Введение в «эмоциональную инфраструктуру» американского общества

В 1930-е гг. благодаря развитию средств массовой информации, появлению опросов общественного мнения и формированию практики политического письма между политиками и американскими избирателями начали складываться отношения нового типа. Распространение сетей национальных радиостанций и рост количества радиопередач позволили политикам превратить радио в эффективный инструмент политического влияния. Показательным примером воздействия на аудиторию такого нового средства массовой информации как радио стал радиоспектакль 1938 г. Орсона Уэльса «Война миров». Уэльс переработал фантастический роман Герберта Уэллса о вторжении марсиан на Землю таким образом, чтобы он звучал как серия экстренных репортажей с мест событий. Многие случайные слушатели радиоспектакля восприняли его как реальные новости¹⁰². Паника и хаос, вызванные постановкой, были во многом преувеличены прессой и со временем трансформировались в миф о силе радиовещания и доверчивости простых людей¹⁰³. Тем не менее часть американских радиослушателей действительно была сбита с толку правдоподобной постановкой, что сделало радиоспектакль известным примером так называемого «медиаэффекта»: успешного способа подачи информации при помощи новых медиа с целью оказать влияние на эмоции, знания и поведение людей¹⁰⁴.

В 1933 г. в условиях Великой депрессии президент Ф.Д. Рузвельт воспользовался распространением радио в США и его влиянием на слушателей для возвращения доверия американцев к власти, подорванному ее неспособностью вывести страну из кризиса и оказать действенную помощь населению. До Рузвельта президенты обращались к американцам исключительно через печатные СМИ, т.е. их речи печатались в крупных газетах и журналах. Однако рядовой американец никогда

¹⁰² Susman W. I. Culture as History: The Transformation of American Society in the Twentieth Century. N.Y., 1984. P. 156-158.

¹⁰³ Pooley J., Socolow M. The Myth of the War of the Worlds Panic // Slate. 2013. URL: <https://slate.com/culture/2013/10/orson-welles-war-of-the-worlds-panic-myth-the-infamous-radio-broadcast-did-not-cause-a-nationwide-hysteria.html> (дата обращения: 02.08.2026)

¹⁰⁴ Мику Л. Медиаэффекты // Большая российская энциклопедия. Т. 20. М., 2012; Lowery S. A., DeFleur M. L. Milestones in Mass Communication Research: Media Effects. N.Y., 1983.

не слышал голоса президента и не видел его самого кроме как на черно-белых фотографиях. Рузвельт решил обратиться к американскому народу напрямую. Он начал серию радиообращений, получивших название «Беседы у камина» за доверительный тон и простой стиль речи, что создавало впечатление, будто президент беседует непосредственно с каждым из слушателей и обращается к каждой американской семье, разделяя ее страхи и боль от потерь.

Прежде всего, Рузвельт стремился простыми словами объяснить американцам меры правительства, направленные на восстановление экономики в условия Великой депрессии 1929-1933 гг. Крах бирж и массовое разорение банков вызвало среди населения панику. Люди снимали свои деньги со счетов, чтобы их не потерять. И это, в свою очередь, привело к коллапсу и параличу финансовой системы страны. Рузвельт хотел вернуть доверие американцев, разъясняя им план действий федерального правительства, излагая понятным языком мероприятия «Нового курса», который предусматривал вмешательство государства в экономику, реформу банковской системы, поддержку безработных и фермеров, развитие системы социальных гарантий. А с началом захватнической политики нацистской Германии и началом Второй мировой войны в 1939 г. основной темой «Бесед у камина»¹⁰⁵ стала внешняя политика США. Рузвельт полагал, что США не могут оставаться в стороне от войны в Европе. Однако, для отказа от проводимой в то время политики изоляционизма, у которой было немало сторонников, Рузвельту и его администрации было необходимо стимулировать общественную поддержку своей политики, предполагавшей активное участие в войне, что случилось после того, как 7 декабря 1941 г. японская армия атаковала американскую базу Пёрл-Харбор.

В годы войны Рузвельт использовал свои радиопередачи для моральной и эмоциональной мобилизации американского общества. 13 июня 1942 г. по его инициативе было учреждено Управление военной информации США (Office of War Information, OWI), в задачи которого входило информирование населения внутри страны и за рубежом о ходе военных действий в пропагандистских эмоциональных

¹⁰⁵ Roosevelt F.D. Fireside Chat on the War in Europe: radio address. Washington, DC, White House, September 3, 1939. URL: <https://www.fdrlibrary.org/utterancesfdr> (дата обращения: 05.09.2026).

форматах, а также координация деятельности частных американских медиа в информационном пространстве¹⁰⁶. При этом управление не обладало большими полномочиями: военные ведомства и частные компании не были обязаны отчитываться перед ним или следовать его рекомендациям. По этой причине американская военная пропаганда времён Второй мировой войны так и не стала полностью централизованной и единообразной¹⁰⁷.

Рузвельт вел радиопередачи до своей смерти в 1944 г. Последующие американские президенты продолжили практику прямого общения с нацией. Во второй половине 1940-х гг. президент Г. Трумэн начал использовать для популяризации своей политики не только радио, но и телевидение, которое еще только становилось национальным медиа и пока не охватывало все американские дома. С 1947 г. по телевизору начинают транслировать президентские послания Конгрессу, а в 1949 г. впервые на телеэкране была показана церемония инаугурации¹⁰⁸.

В 1950-х гг. начался «золотой век телевидения» в США¹⁰⁹. К 1960 году 90% американских семей имели в доме телевизор и смотрели его регулярно¹¹⁰. Президент Д. Эйзенхауэр стал одним из первых политиков, сознательно конструируя свой медиаобраз и стремившимся управлять общественным мнением¹¹¹. Он эффективно использовал телевизионные рекламные ролики в своей избирательной кампании¹¹², а после избрания продолжил практику телевизионных обращений к нации и телетрансляций пресс-конференций, т.е. прямого общения с журналистами и зрителями. Запись и монтаж выступлений осуществлялись командой президента, которая впоследствии передавала отобранные фрагменты телевизионщикам, тем

¹⁰⁶ Об управлении военной информации и его деятельности во время Второй мировой войны см.: Bruestle E. *The Office of War Information and World War II Propaganda: How Perceptions Shaped Policy*. Schenectady, N.Y., 2014.

¹⁰⁷ Подробнее об этом см.: Craig D. B. *Fireside Politics: Radio and Political Culture in the United States, 1920–1940*. Baltimore, 2000. P. 336.

¹⁰⁸ Cohen J. E. *Presidential Leadership in Public Opinion*. N.Y., 2015. P. 28.

¹⁰⁹ Hilmes M. *Only Connect: A Cultural History of Broadcasting in the United States*. Wisconsin, 2001. P. 160-162.

¹¹⁰ American Women: Resources from the Moving Image Collections // Library of Congress Research Guides. URL: <https://guides.loc.gov/american-women-moving-image/television> (дата обращения: 01.12.2025)

¹¹¹ Cohen J. E. *Presidential Leadership in Public Opinion*. N.Y., 2015. P. 31.

¹¹² Television // The American Presidency: A Glorious Burden / National Museum of American History. URL: <https://americanhistory.si.edu/explore/exhibitions/t-television> (дата обращения: 11.04.2026). Об этом см. подробнее в следующем параграфе.

самым полностью контролируя медийный образ Эйзенхауэра. Это радикально изменило не только характер коммуникации между президентом и прессой, но также между президентом и американским обществом¹¹³.

В свою очередь, Дж. Кеннеди стал в полном смысле «телевизионным» президентом. В 1960 г. состоялись первые в истории США телевизионные дебаты кандидатов в президенты Дж. Кеннеди и Р. Никсона. Впоследствии эта практика стала обязательной составляющей любой президентской кампании. За Кеннеди закрепился образ молодого, привлекательного политика, способного выступать экспромтом, непринуждённо вставлять в свои тексты шутки и легко завоевывать расположение аудитории¹¹⁴. Он исходил из того, что именно телевидение обладает беспрецедентной способностью формировать групповые эмоции и менять мнения людей. Кеннеди первым среди президентов начал давать пресс-конференции в прямом эфире без задержек или монтажа, сделав, таким образом, общение еще более живым и эмоциональным. За время своего президенства он провёл 64 пресс-конференции: в среднем одну каждые шестнадцать дней¹¹⁵.

Ещё одним важным медиумом, оказывавшим влияние на эмоциональное восприятие американцами тех или иных событий, стала цветная фотография. Первые раскрашенные изображения начали появляться в журнале “National Geographic” еще в 1910-е гг. К 1930 г. все изображения в журнале были уже цветными, преимущественно за счёт раскрашивания¹¹⁶. В то же время журнал “Life” приступил к формированию визуального канона США с помощью цветных обложек и разворотов. Цветные изображения в “Life” повышали вовлеченность читателей в обсуждаемые на его страницах темы, способствовали формированию образа США как процветающей страны благодаря цветным фотографиям и рекламе¹¹⁷. Цвет позволял визуально подчёркивать и эмоционально окрашивать разнообразные

¹¹³ Merrill J. C. President Eisenhower and His Press Secretary // Journalism Quarterly. 1957. Vol. 34. No. 4. P. 97.

¹¹⁴ Simon R. JFK at 100: How Kennedy Created a Presidency for a TV Age // Time. 2017. May 28. URL: <https://time.com/4795637/jfk-television/> (дата обращения: 02.08.2026)

¹¹⁵ Sandler M. W. The Letters of John F. Kennedy. N.Y., 2013. P. 350.

¹¹⁶ Autochromes: National Geographic // Luminous-Lint. 31.12.2025. URL: https://luminous-lint.com/phoenix/virtual_exhibits/single/ THEME Autochromes National Geographic 01/introduction/ (дата обращения: 11.04.2026).

¹¹⁷ Подробнее об это см.: Life Magazine and the Power of Photography. / ed. by K. Bussard, K. Gresh. New Haven; London, 2020.

сюжеты: процветание и кризис, нормальность и экстраординарность, представление о Себе и Другом, тем самым повышая эффективность распространения идей и мнений журналистов и политиков¹¹⁸. Подобно радио, а затем и телевидению фотографии воспринимались как слепок реальности и вызывали большее доверие за счет иллюзии документальности и эмоциональной вовлеченности зрителей. Кроме того, фотографии воздействовали на самые разные группы населения, включая неграмотных или не склонных к чтению людей, которые видели яркие обложки журналов проходя мимо газетных киосков¹¹⁹.

Помимо появления новых эффективных площадок для общения политиков с избирателями, перед Второй мировой войной в США формируется концепция общественного мнения, которое можно было систематически измерять и использовать в качестве обратной связи политическим деятелям и представителям СМИ.

Главным инструментом, посредством которого осуществлялись замеры общественных настроений и корректировка общественного мнения, стали социологические опросы. Они проводились Институтом Гэллапа (изначально “American Institute of Public Opinion”, с 1958 г. – “Gallup Organization”), основанным в 1935 г. Джорджем Гэллапом. С момента создания института опросы превратились в регулярный, основанный на научном методе инструмент демократии. Если ранее опросы представляли собой эпизодические инициативы отдельных журналистов, то Гэллап стремился предоставить обществу и политикам надёжную информацию о настроениях граждан. Он полагал что, только при помощи систематического наблюдения за общественным мнением в динамике политики способны поддерживать демократический строй и работать на пользу общества¹²⁰. С того времени опросы общественного мнения стали для американцев неотъемлемой частью политической жизни. С помощью опросов они получали «эмпирические» свидетельства того, как американское общество реагирует на внутривнутриполитические и

¹¹⁸ Никифорова А. М. Цвет как элемент «визуальной политики» // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 236–240.

¹¹⁹ Susman W. I. Culture as History: The Transformation of American Society in the Twentieth Century. N.Y., 1984. P. 159.

¹²⁰ Докторов Б. З. Пост-гэллаповские опросные технологии // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 3. С. 76–94.

международные события, какие эмоции испытывает, какие мнения и ценности разделяет. Опросы превратились в фактор, формирующий и усиливающий общественные настроения и культурные паттерны.

Помимо опросов общественного мнения у политиков сохранялся и другой способ получения обратной связи от граждан. В 1930-е гг. в период Великой депрессии и сразу же после нее американские граждане начали отправлять все больше писем своим политическим представителям в Конгресс и президентам.

В Соединенных Штатах история политического письмописания имеет давнюю традицию. Если в эпоху Просвещения интенсивная переписка велась представителями интеллектуальной элиты, то в XIX веке развитие капиталистических отношений и формирование среднего класса стимулировали развитие деловой переписки. Деловые письма существовали и раньше, но именно в ту эпоху они выделяются в отдельный эпистолярный жанр, овладению которым посвящались специально написанные пособия и руководства и который приобрел социальную значимость. Растущее число руководств по ведению деловой переписки предлагало начинать путь к выработке своего собственного развитого письменного стиля путём написания «домашних писем», то есть писем, призванных поддерживать эмоциональную связь с родственниками и друзьями. Ко второй половине XVIII века жанр «домашнего письма» набрал такую популярность, что ему начинают посвящать отдельные руководства.

В рамках диссертационного исследования особенно важным становится еще одной свойство писем: они стали инструментом конструирования и поддержания эмоциональных групп¹²¹. Так, например, во время Американской революции 1775-1789 гг., первый этап которой совпал с Войной за независимость, письма стали одним из механизмов активного конструирования нациестроительства¹²². Гражданская война 1861-1865 гг., разделившая семьи не только географически, но и идеологически, дала дополнительный импульс распространению грамотности и

¹²¹ Больше об эмоциональных группах смотри: Mercer J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity // *International Theory*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 515-535; Hutchison E. Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma. Cambridge, 2016; Аванская В.А. Методология изучения эмоций в международных отношениях // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2018. № 3. С. 43-60.

¹²² Dierks K. In My Power: Letter Writing and Communications in Early America. Philadelphia, 2009. P. 235-279.

практике написания «домашних писем». Американцы и особенно американки поддерживали уже существовавшие семейные эмоциональные группы и формировали новые в соответствии с отношением к войне, разделяемыми и отвергаемыми ценностями, представлениями о наследии Американской революции и истинном американизме¹²³. Тогда же на территории США распространилась практика массового политического письмописания, в первую очередь, благодаря аболиционистам, которые активно вступали в переписку, ища поддержку своим идеям. В поисках союзников мужчины перенимали теплый эмоциональный тон, присущий женским письмам, а женщины, в свою очередь, как и темнокожие американцы, видели в письмах одно из немногих средств для своей политической реализации¹²⁴.

Постепенно сложился особый жанр – письма президентам. Например, Ф. Рузвельт получал примерно в 3,5 раза больше писем от населения чем В. Вильсон в период Первой мировой войны¹²⁵. Жена президента Элеонора Рузвельт тоже вела активную переписку с простыми американцами. При последующих президентах объём корреспонденции, поступающей от граждан, оставался высоким¹²⁶. В период президентств Д. Эйзенхауэра и Дж. Кеннеди количество писем, адресованных Белому дому, продолжало стремительно нарастать. Секретари работали не только с просьбами и жалобами американских граждан, но и отбирали цитаты для включения в официальные выступления президентов¹²⁷, что позволяло подчеркнуть их знание содержания писем и готовность реагировать на тревоги и страхи простых американцев.

Отличие писем граждан от опросов общественного мнения, а следовательно, их особая ценность для оценки общественных настроений заключалась в том, что письма писались без внешнего запроса и не ограничивались заранее заданными

¹²³ Hager C. I Remain Yours: Common Lives in Civil War Letters. Cambridge, 2018. P. 17-53.

¹²⁴ Freeman M.T. The Politics of Correspondence: Letter Writing in the Campaign Against Slavery in the United States, PhD diss., Columbia University, 2018. P. 106-129.

¹²⁵ Sussmann L. Mass Political Letter Writing in America: The Growth of an Institution // Public Opinion Quarterly. 1959. Vol. 23, № 2. P. 204.

¹²⁶ Не стоит забывать и о том, что уровень грамотности в США продолжал расти, что тоже должно было повлиять на количество отправляемых американцами писем.

¹²⁷ Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М.: Международные отношения, 2003. P. 131.

вариантами ответов. Автор письма самостоятельно выбирал, о чем и какими словами писать. Письма помогали выявлять проблемы или общественные запросы, которые оставались вне поля зрения политиков и журналистов¹²⁸. В отличие от опросов, письма были более живыми и эмоциональными. По этой причине именно письма стали главным источником для изучения эмоциональных реакций американцев в рамках данного диссертационного исследования. Кроме того, письма важны еще по одной причине: они давали голос молчаливому женскому сообществу. Это становилось крайне важным именно в годы холодной войны, когда женщины начали принимать самое активное участие в общественно-политической жизни страны.

Итак, сплетение технического прогресса и концепции общественного мнения началось в годы, последовавшие за пиком Великой депрессии. Американское общество находилось в поиске инструментов, способных объединить его после ударов экономического кризиса. Развитие таких технологий, как радио и телевидение, дало возможность более интимного общения политиков с американской аудиторией и предоставило им новые инструменты воздействия на общество. Возросшая сила визуальных изображений, будь то фотографии или видеоряд, открыла для политических и общественных деятелей двери в дома американцев, формируя ранее не существовавший уровень доверия. В то же время проведение социологических опросов позволило американцам соотнести свои настроения, ценности и эмоции с общественными, а политики, в свою очередь, получили эффективный канал обратной связи со своими избирателями.

В свою очередь, получившая мощный импульс практика политического письмописания позволила простым американцам и, что особенно важно, американским женщинам стать новыми акторами, оказывающими влияние на общественно-политическое развитие страны.

Все вместе это создавало новые механизмы для конструирования и трансляции эмоций. В некотором смысле новые СМИ, развитие общественных опросов и практики политического письмописания формировали то, что можно было бы

¹²⁸ Sussmann L. Mass Political Letter Writing in America: The Growth of an Institution // Public Opinion Quarterly. 1959. Vol. 23, № 2. P. 207-208.

назвать «эмоциональной инфраструктурой», т.е. каналами обмена и синхронизации эмоций. А это открывало беспрецедентные возможности для политиков и простых американцев создавать новые эмоциональные группы и конструировать новые идентичности.

В 1950-е–1960-е гг. эта новая «эмоциональная инфраструктура» сыграла важную роль в конструировании восприятия Советского Союза в США на фоне «холодной оттепели» и последовавших за ней кризисов. Однако, прежде чем приступить к анализу образа СССР как Другого, который начинает играть особую роль в общественно-политической жизни США и формировании национальной идентичности, необходимо кратко охарактеризовать тот эмоциональный контекст, в котором находилось американское общество накануне «холодной оттепели».

1.2. Политика Д. Эйзенхауэра в контексте международных и внутривнутриполитических вызовов: ценности, эмоции, приоритеты

К началу 1950-х гг. американское общество испытывало усталость от двадцатилетнего пребывания демократов в Белом доме. Накапливались проблемы в различных сферах жизни: американцев волновали коррупция, состояние системы образования, рост цен и человеческие потери в Корее.

Война в Корее стала первым региональным вооруженным столкновением двух систем в годы биполярного противостояния. После окончания Второй мировой войны СССР и США разделили оккупированный Японией Корейский полуостров по 38-ой параллели и принимали капитуляцию японских войск в своей зоне ответственности. В 1948 г. на полуострове образовалось два независимых государства: Корейская народно-демократическая республика (КНДР) и Республика Корея (РК). Однако мир продлился недолго: 25 июня 1950 г. войска КНДР перешли 38-ю параллель и быстро заняли около 90% территории РК с целью объединения двух стран под властью северокорейского режима.

ООН осудила действия КНДР, после чего 17 стран-участниц вступили в войну на стороне РК под флагом ООН. Главную роль в международной коалиции играли Соединённые Штаты, обеспечивающие до 90% военной помощи. Главнокомандующим войсками ООН был назначен прославившийся во время Второй мировой войны генерал Д. Макартур.

СССР официально не принимали участие в войне, но оказывал помощь КНДР, поставляя оружие и отправляя специалистов. В 1950 г. Советский Союз начал посылать в Корею пилотов, самолёты и обслуживающий персонал для ведения воздушных боёв. Коммунистическое руководство Китая, пришедшее к власти в 1949 г., отправляло «китайских народных добровольцев» для оказания КНДР помощи в наземных боях. К середине 1951 г. война приняла позиционный характер: все стороны несли человеческие потери, а переговоры буксовали.

В Соединённых Штатах отсутствие военных успехов и растущие человеческие потери привели к падению рейтингов президента Г. Трумэна. Главнокомандующий

войсками ООН генерал Д. Макартур настаивал на расширении войны на территорию Китая и использовании ядерного оружия, что привело к его конфликту с президентом и последующей отставке. Это решение вызвало критику со стороны маккартистов и «ястребов» среди политиков и военных, а на страницах прессы Трумэна начали обвинять в нерешительности, которая может привести к поражению в холодной войне¹²⁹. Война в Корее усилила напряжение в обществе в целом, способствовала росту страхов перед коммунизмом, шпионами и предателями, якобы содействовавшими неудачам на фронте. В этом контексте инициированная сенатором Дж. Маккарти «охота на коммунистов» получила дополнительный импульс.

Американское общество уже сталкивалось с массовыми кампаниями по преследованию коммунистов. Первая волна «красной паники» была обусловлена Октябрьской революцией в России, породившей страх перед возможностью большевистской революции в США. Её результатом стала кампания против американских радикалов, в рамках которой проводились депортации и принимались жесткие законы о подстрекательстве к свержению власти. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. эти страхи реактуализировались под влиянием успешного испытания ядерной бомбы в СССР в 1949 г., победы коммунистической революции в Китае, а также в результате отсутствия явных военных успехов в Корее.

Республиканцы, получившие большинство в Конгрессе впервые с конца 1920-х гг. и удерживавшие его до 1949 г., использовали антикоммунистические настроения как оружие в борьбе против демократов. В 1947 г. деятельность Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности привела к появлению первых «чёрных списков» в Голливуде. В 1950 г. был принят закон о регистрации коммунистических организаций. Началась новая волна депортаций и преследований членов американской Коммунистической партии США.

В том же году сенатор Дж. Маккарти начал свой «крестовый поход» против коммунистов, выступив 9 февраля в Уилинге, штат Западная Вирджиния, на собрании «Женского республиканского клуба» по случаю дня рождения А.

¹²⁹ Подробнее об этом см.: Блэр К. Забытая война. США в Корее (1950–1953). М., 2000.

Линкольна. Маккарти заявил о имеющемся у него списке из 205 «тайных коммунистов», являвшихся сотрудниками государственного департамента. Это заявление вызвало смешанную реакцию: часть журналистов и политиков сразу засомневалась в его достоверности, другая – тут же подхватила обвинения. В последовавшем за этим официальном письме, адресованном президенту Трумэну, и в опубликованной версии речи Маккарти изменил число «тайных коммунистов» на 57, что вызвало вопросы о том, как именно составлялся список и кто конкретно в него вошёл. Вместе с тем часть политиков увидела в растущей популярности Маккарти возможность для собственного продвижения по службе и приобретения большего политического веса¹³⁰.

Все это создавало тревожную атмосферу внутри страны. Рядовые американцы испытывали не только страх за будущее США в условиях возможного проникновения советских шпионов в органы власти, но и от начавшихся преследований многих общественных деятелей и представителей творческой интеллигенции. Паранойя выходила за пределы федерального правительства: любой человек хоть как-то связанный или однажды попавший под подозрение в связях с американской Коммунистической партией мог лишиться работы, поддержки друзей и соседей, а его семья могла стать объектом травли¹³¹.

Распространение коммунизма в Азии, неудачная война в Корее и «вторая красная паника» усиливали общественную тревогу, формируя напряженный эмоциональный фон. Он усугублялся за счет накапливающихся внутривнутриполитических вызовов, на которые демократы оказались не способны ответить.

Одним из таких вызовов стала коррупция. После окончания Второй мировой войны в обществе сформировался запрос на более высокие моральные стандарты поведения политиков. Развитие СМИ и связанных с ними технологий дали возможность для более пристального наблюдения за поведением политиков, их окружения и оценки их действий согласно формирующимся нормами морали.

¹³⁰ Risen C. Red Scare: Blacklists, McCarthyism, and the Making of Modern America. N.Y., 2025. P. 25.

¹³¹ Schrecker E. Many Are the Crimes: McCarthyism in America. Boston, 1998. P 101-103.

Придя в Белый дом, Трумэн привёл с собой своих людей, лояльность к которым он ставил выше собственной репутации. Сам президент не был уличён в крупных взятках или личном обогащении, но его окружение неоднократно оказывалось в центре внимания прессы и расследований Конгресса. Так значительный резонанс вызвал скандал вокруг «пятипроцентников» (five percenters) — посредников, которые за комиссию в пять процентов содействовали заключению контрактов и получению лицензий своими клиентами, используя связи в администрации президента. Друг Трумэна генерал Г. Воган помогал знакомым бизнесменам, после чего получал дорогостоящие подарки. В конце президентства Трумэна была проведена серия расследований деятельности налогового ведомства, вскрывшая факты получения взяток от богатых клиентов. Подобных эпизодов оказалось немало, и в совокупности они сформировали представление о Вашингтоне как о городе, поражённом коррупцией. В итоге республиканцы смогли успешно связать коррупционные скандалы со своей критикой «Нового курса» и общей усталостью общества от демократов в президентском кресле¹³².

Еще одной проблемной внутривнутриполитической сферой стала система образования. Она оказалась не готова к послевоенному демографическому подъёму вследствие «бэби-бума». Школы были переполнены, учителей не хватало, программу приходилось сокращать. Бедные районы страны страдали от нехватки оборудования, учебной литературы, а существовавшие учебники давно не обновлялись. Все перечисленные проблемы в ещё большей степени проявлялись в школах для афроамериканцев и вызывали недовольство родителей и общественных активистов¹³³. Логика холодной войны заставляла общество рассматривать проблемы образовательной системы сквозь призму научно-технического и экономического соревнования с Советским Союзом, который активно развивал аэрокосмическую сферу и наращивал темпы в космической гонке. Поэтому сформировался общественный запрос на более качественную подготовку по техническим дисциплинам и патриотическое воспитание детей.

¹³² Dunar A. J. The Truman Scandals and the Politics of Morality. Columbia, 1984. P. 124.

¹³³ Wissehr C., Concannon J., Barrow L. H. Looking Back at the Sputnik Era and Its Impact on Science Education // School Science and Mathematics. 2011. Vol. 111. №. 5. P. 196–204.

Трумэн полагал, что роль федерального правительства в образовательной сфере должна быть расширена. Однако консервативная часть Конгресса видела в этом угрозу автономии штатов и блокировала многие инициативы президента в этой области. Не удалось достичь результата и в вопросе о сегрегации школ. Трумэн столкнулся как с сопротивлением на Юге, так и с недовольством из-за отсутствия достаточного прогресса в межрасовых отношениях на Севере¹³⁴.

Таким образом, к началу 1950-х гг. в условиях эмоционального напряжения в американском обществе сформировался особый набор ценностей и приоритетов. Американцы надеялись на завершение войны в Корее и «охоты на коммунистов», однако при этом испытывали страх из-за возможности распространения коммунизма в мире и опасались диверсий советских шпионов внутри страны; они надеялись увидеть во главе страны решительного президента, не связанного с коррупционными скандалами и сформировавшейся политической элитой; рассчитывали на модернизацию системы образования и решение расовых проблем.

Совокупность внутренних и внешних вызовов усиливала усталость от демократов. Труман, который занял место в Овальном кабинете в результате смерти Рузвельта в 1945 г., с трудом одержал победу на своих первых президентских выборах в 1948 г. Через четыре года он решил не выдвигать свою кандидатуру, хотя и имел на это право.

Новые кандидаты в президенты должны были предложить решения накопившихся проблем и подарить американцам надежду на будущее. Республиканская партия выдвинула Дуайта Эйзенхауэра. Он окончил военную академию Вест-Поинт и Командно-штабную школу Форт-Ливенворт. Высокие академические результаты в Форт-Ливенворте обеспечили ему службу под командованием Дугласа Макартура, легендарного военачальника, занимавшегося в то время формированием филиппинской армии. После нападения Японии на Пёрл-Харбор в 1941 г., Эйзенхауэр начал быстро продвигаться по военной службе и приобретать известность. В 1942 г. он руководил высадкой союзных войск в

¹³⁴ Золов А. В. Гарри Трумэн и проблема расовой сегрегации в США во второй половине 1940-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 12. С. 31–37.

Северной Африке, а позднее – операциями на Сицилии и в Италии. В июне 1944 г. Эйзенхауэр командовал крупнейшей в истории десантной операцией – высадкой войск в Нормандии («День “Д”»), что привело к открытию второго фронта в Европе. В декабре того же года он получил звание генерала армии США.

После войны Эйзенхауэр занял пост начальника штаба армии. Уже в тот период и демократы, и республиканцы рассматривали знаменитого генерала в качестве возможного кандидата в президенты. Однако Эйзенхауэр публично отклонил эти предложения. В 1948 г. он сосредоточился на академической деятельности, возглавив Колумбийский университет. Ректорство продлилось не долго, поскольку в 1950 г. президент Трумэн предложил ему пост Главнокомандующего в новой Организации Североатлантического договора (НАТО). Эйзенхауэр согласился и в течение двух лет руководил формированием объединенных вооружённых сил НАТО и системы коллективной обороны Западной Европы.

Республиканцы продолжали убеждать Эйзенхауэра баллотироваться на пост президента. Решающим аргументом стало то, что основным кандидатом от республиканцев должен был стать сенатор Роберт Тафт, выступавший за возврат к политике изоляционизма. Эйзенхауэр верил в необходимость активного участия США в международных делах и посчитал необходимым отстаивать свою позицию в политической борьбе¹³⁵.

Кандидатом от Демократической партии стал Эдлай Стивенсон, один из идеологов либерального консенсуса в США. Накануне Второй мировой войны он возглавлял Чикагский комитет по защите Америки путём помощи союзникам и в целом выступал против изоляционистской позиции во внешней политике. Во время войны Стивенсон работал помощником министра военно-морского флота, затем в Управлении по внешней экономике. В 1945 г. президент Рузвельт назначил его специальным помощником по созданию ООН.

В 1948 г. Стивенсон одержал убедительную победу над действующим республиканским губернатором Дуайтом Грином и был избран губернатором штата

¹³⁵ Амброс С. Эйзенхауэр. Солдат и президент / пер. с англ. Ю. А. Здорова, А. А. Миронова. М., 1993. С. 67.

Иллинойс. На этом посту он провел ряд успешных реформ и в 1952 г. был выдвинут в качестве компромиссного кандидата в президенты от Демократической партии¹³⁶. Сам Стивенсон не хотел выдвигать свою кандидатуру, так как не верил, что способен победить Эйзенхауэра, который обладал военной славой и личной популярностью среди американцев.

К тому моменту американским избирателям были нужны гарантии безопасности и поддержание военной и экономической мощи страны. Кандидаты на президентский пост должны были реагировать на запросы общества и предложить решения накопившихся проблем. Стивенсон планировал завершить Войну в Корее путем дальнейших переговоров, однако избегал давать какие-либо конкретные обещания. Он намеревался продолжать курс Трумэна по жёсткому сдерживанию СССР, но вместе с тем он критиковал Маккарти за подрыв гражданских свобод и злоупотребление идеей патриотизма. В сфере экономики Стивенсон выступал за продолжение «Нового курса» Рузвельта и «Справедливого курса» Трумэна, то есть за дальнейшее вмешательство государства в экономику, расширение социальных программ поддержки населения, повышение минимальной заработной платы, расширение прав афроамериканцев. Проблему коррупции он предлагал решать путем институциональных реформ: усилить контроля над чиновниками и гражданской службой, изменить процедуры назначения на должности. Стивенсон указывал на то, что коррупция не является проблемой исключительно демократической партии. Сам он избрался губернатором Иллинойса именно на антикоррупционной платформе, сменив на этом посту губернатора от Республиканской партии. Таким образом, кандидат от демократов предлагал очень консервативный ответ на накопившиеся социально-политические проблемы, который сводился преимущественно к небольшой корректировке политики предыдущих администраций.

Эйзенхауэр, в свою очередь, пообещал лично поехать в Корею и остановить войну на выгодных для США условиях. Во внешней политике он намеревался проводить жёсткую линию сдерживания коммунизма, поддерживать военную мощь

¹³⁶ Martin J. B. Adlai Stevenson of Illinois: The Life of Adlai E. Stevenson. Garden City, N.Y., 1976. P. 76.

США и выполнять союзнические обязательства. При этом одним из своих приоритетов он считал предотвращение повторения военных конфликтов подобных корейскому. В то же время он не связывал себя с деятельностью сенатора Маккарти и не отводил ему место в своей предвыборной кампании. Эйзенхауэр был готов сохранить лишь часть программ «Нового курса», поскольку стремился к ограничению государственных расходов и сдерживание роста бюрократического аппарата. В связи с коррупционными скандалами в администрации Трумэна Эйзенхауэр обещал «навести порядок» в Вашингтоне и вернуть доверие к федеральной власти. Решительность Эйзенхауэра, подкрепленная его военной славой, позволила ему завоевать поддержку американцев¹³⁷.

Однако, помимо содержания предвыборных обещаний Эйзенхауэр приобрёл большую популярность в президентской гонке 1952 г. благодаря эффективному использованию новых медийных инструментов и расширению своей политической аудитории. Развитие телевидения открыло новые возможности, которые Эйзенхауэр и его штаб смогли эффективно использовать. Так новаторским подходом стало обращению к рекламе, в которой акцентировались ключевые проблемы общества — война в Корее, рост цен и коррупция. Вместо получасовых выступлений, использованных другими политиками, команда Эйзенхауэра создала серию рекламных роликов длительностью не более минуты и приобретала эфирное время в наиболее рейтинговых передачах. В этих коротких роликах американские граждане задавали волновавшие их вопросы, а Эйзенхауэр кратко на них отвечал. Подобный формат помогал избирателям ощущать более тесную связь с кандидатом и воспринимать его основные обещания. Разнообразие временных слотов обеспечивало широкий охват аудитории, включая тех, кто ещё не относился к сторонникам Эйзенхауэра¹³⁸.

Кроме того, предвыборная кампания Эйзенхауэра была целенаправленно обращена к женщинам, которые ранее принимали ограниченное участие в политической жизни страны. Например, в рекламе обсуждались вопросы,

¹³⁷ Ambrose S. E. Eisenhower: Soldier and President. N.Y., 1990. P. 70.

¹³⁸ The Living Room Candidate: Presidential Campaign Commercials, 1952–present // Museum of the Moving Image. URL: <https://www.livingroomcandidate.org/> (дата обращения: 01.09.2026).

непосредственно затрагивающие интересы семьи, ее безопасности и благополучия, такие как возвращения сыновей с фронта, высоких цен на продукты, необходимости улучшения школьного образования. К работе предвыборного штаба также активно привлекались женщины. Они звонили потенциальным сторонникам Эйзенхауэра, организовывали «домашние вечера» для соседей, на которых обсуждали политику и преимущества своего кандидата, распространяли листовки и значки со слоганом “I Like Ike”, отсылавшим к его популярному прозвищу. Впоследствии он стал одним из самых узнаваемых политических слоганов в истории США¹³⁹. Несмотря на то, что американские женщины в то время почти не участвовали в партийной работе, они оказались важным каналом влияния на умеренных и независимых избирателей.

Сочетание более «интимного» общения с электоратом посредством коротких телевизионных роликов и нетипичного для того времени целенаправленного обращения к женской аудитории позволяет говорить о формировании нового стиля взаимодействия Эйзенхауэра с обществом. Этот стиль основывался на использовании новых технологий, возрастающей роли телевидения в политической коммуникации, а также на личностных особенностях самого Эйзенхауэра, сумевшего уловить происходившие изменения и использовать их в интересах своей кампании.

4 ноября 1952 г. стало известно, что Эйзенхауэр победил в президентской гонке с огромным перевесом, получив 442 голоса выборщиков против 89. По результатам общенационального голосования разрыв был несколько меньше: 55,2% голосов избирателей за Эйзенхауэра против 44,3% за Стивенсона. Важным показателем популярности Эйзенхауэра стало то, что он сумел прорвать «демократическую стену» в ряде южных штатов, таких как Техас, Флорида, Виргиния и Теннесси.

Результаты выборов стали ярким свидетельством того, что американское общество, живущее в условиях эмоциональной напряженности, обусловленной накопившейся усталостью, страхом перед коммунизмом и возможностью новой мировой войны, надеялось на решительные перемены.

¹³⁹ Women Unite for Ike! // Google Arts & Culture. URL: <https://artsandculture.google.com/story/SQUxMpribfV4KQ> (дата обращения: 25.02.2026).

Стремясь удовлетворить эти надежды американцев, Эйзенхауэр еще до вступления в должность начал выполнять свои ключевые предвыборные обещания. В ноябре 1952 г. он посетил Корею и приступил к обсуждению возможных путей выхода США из войны. В июле 1953 г. было подписано перемирие между КНДР и РК, что означало прекращение боевых действий. В первые же месяцы президентства Эйзенхауэр начал замену административных кадров в Вашингтоне и инициировал ревизию деятельности военных и финансовых ведомств. Одновременно он приступил к реализации стратегии национальной безопасности, получившей название «Новый взгляд» (New Look), целью которой было сохранение глобального лидерства США без постоянного наращивания военного бюджета. Эйзенхауэр сократил расходы на армию и флот, перенаправил ресурсы на развитие военно-воздушных сил и стратегических носителей ядерного оружия. Так, в 1953–1954 гг. министр обороны Чарльз Уилсон сократил численность армии, флота и морской пехоты примерно на 10%¹⁴⁰. Эту политику впоследствии стали называть «большой удар за тот же доллар» (bigger bang for a buck)¹⁴¹.

С появлением Эйзенхауэра в Белом доме начали меняться и отношения с Советским Союзом. Президент полагал, что угроза тотального ядерного удара должна стать фактором, сдерживающим СССР от провокации крупных военных конфликтов. Локальные конфликты он планировал разрешать при помощи союзников и экономического давления. Для этого он проводил политику укрепления НАТО, создавал региональные блоки, такие как Организация Договора Юго-Восточной Азии (SEATO), которая была учреждена в 1954 г. как азиатский аналог НАТО для противодействия коммунистической экспансии в регионе, и Багдадский пакт (CENTO), сформированный в 1955 г. при участии Ирана, Ирака, Турции, Пакистана и Великобритании. Параллельно Эйзенхауэр отдавал предпочтение

¹⁴⁰ Condray P. M. Charting the Nation's Course: Strategic Planning Processes in the 1952–53 "New Look" and the 1996–97 Quadrennial Defense Review. Maxwell AFB, AL, 1999. P. 27.

¹⁴¹ Rearden S. L. Council of War: A History of the Joint Chiefs of Staff, 1942–1991. Washington, 2012. P. 133.

секретным операциям спецслужб на территориях, находившихся под влиянием СССР или в зоне его интересов ¹⁴².

Несмотря на укрепление военной мощи страны в рамках реализации стратегии “New Look”, администрация Эйзенхауэра хотела совместить жёсткую риторику по отношению к Советскому Союзу с демонстрацией готовности к ограниченной разрядке. В апреле 1953 г. президент произнёс речь известную под названием «Шанс миру» (Chance for Peace)¹⁴³. Он призвал к прекращению войны в Корее, проведению свободных выборов в объединённой Германии и международному контролю над производством атомной энергии. Эйзенхауэр говорил о том, что гонка вооружений отнимает ресурсы у государства и предлагал не только сокращение военных расходов, но и движение по направлению к урегулированию наиболее опасных конфликтов холодной войны. Эйзенхауэра видел свою задачу в том, чтобы представить мирные инициативы как инструмент установления безопасности, а не как проявление слабости.

Продолжением этих идей стало выступление Эйзенхауэра на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1953 г. с программой «Атомы во имя мира» (Atoms for Peace)¹⁴⁴. Президент предложил использовать атомную энергию в мирных целях и под международным контролем, а именно в энергетике и научных исследованиях. Инициатива была направлена на снижение уровня тревоги в американском обществе, связанной с возможностью ядерной войны, а также позволяла закрепить за США роль технологического лидера, готового делиться атомными технологиями. Программа «Атомы во имя мира» вписывалась в конструируемый с 1930-х гг. образ Соединённых Штатов как гаранта мира и носителя гуманных демократических ценностей.

¹⁴² Примеры таких операций: Иран 1953 г., Гватемала 1954 г., Албания 1950-е гг., Тибет 1956 г., Куба 1959 г., Конго 1960 г. Подробнее см.: Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М., 2012; Dockrill S. Eisenhower's New-Look National Security Policy, 1953–61. London, N.Y., 1996.

¹⁴³ Eisenhower D. D. The Chance for Peace: address before the American Society of Newspaper Editors, Washington, D.C., April 16, 1953 // Dwight D. Eisenhower Presidential Library. URL: https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/file/chance_for_peace.pdf (дата обращения: 01.09.2026).

¹⁴⁴ Eisenhower D. D. The Chance for Peace: address before the American Society of Newspaper Editors, Washington, D.C., April 16, 1953 // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. II, pt. 2: National Security Affairs. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v02p2/d85> (дата обращения: 01.09.2026).

Практическое проявление политики ограниченной разрядки воплотилось в реакции США на кризисы внутри советского блока. Во время июньского восстания 1953 г. в ГДР США выступили с моральной поддержкой рабочих и дипломатическим осуждением действий СССР, однако никаких силовых действий предпринято не было. Похожей была реакция американской администрации на Венгерское восстание 1956 г. США критиковали ввод советских войск и жесткое подавление протестов, однако военное вмешательство не рассматривалось. Фактический отказ от силовой поддержки антисоветских движений говорил о признании советской сферы влияния в Восточной Европе и сформировавшемся системном противостоянии после создания в 1955 г. военного союза социалистических государств во главе с СССР в рамках Организации варшавского договора (ОВД), что стало ответом на включение ФРГ в НАТО.

Вместе с тем, важным фактором советско-американского сближения к середине 1950-х гг. стало изменение внутривнутриполитической ситуации в Соединенных Штатах, что было связано с завершением эпохи маккартизма. Хотя в первые годы президентства Эйзенхауэр не выступал против маккартистов, стремясь избежать раскола в Республиканской партии, со временем ему пришлось публично осудить антикоммунистическую кампанию. В 1954 г. сенатор Маккарти распространил свои агрессивные методы борьбы с «красной угрозой» на армию и администрацию президента¹⁴⁵. Весной-летом 1954 г. прошли слушания по делу «армия против Маккарти». Телевизионные трансляции слушаний стали первыми эфирами подобного рода: американцы смогли лично увидеть и услышать агрессивный тон Маккарти и оценить содержательность его обвинений. В результате он утратил поддержку значительной части населения, а Эйзенхауэр ограничил доступ Маккарти к секретной документации и осудил его методы¹⁴⁶. Тогда же журналист Э.Р. Мэрроу использовал фрагменты публичных выступлений Маккарти для критики его методов в специальном выпуске передачи “See It Now”¹⁴⁷. Этот выпуск стал важной частью

¹⁴⁵ Schrecker E. *Many Are the Crimes: McCarthyism in America*. Boston, 1998. P. 115.

¹⁴⁶ Ibid. 117.

¹⁴⁷ The Censure Case of Joseph McCarthy of Wisconsin (1954) // United States Senate. URL: https://www.senate.gov/about/powers-procedures/censure/133Joseph_McCarthy.htm (дата обращения: 07.09.2026).

дискредитации маккартизма и превращения телевидения во влиятельный элемент влияния на общественное мнение. В декабре 1954 г. Сенат США признал поведение Маккарти несовместимым с сенатским достоинством и осудил его методы как антиамериканские. После этого крупномасштабные и систематические поиски «красной угрозы» закончились, хотя отдельные преследования случались вплоть до 1960 г., когда Верховный суд США окончательно признал ряд антикоммунистических практик неконституционными¹⁴⁸. Завершение периода маккартизма также способствовало сближению с Советским Союзом на государственном и общественном уровнях.

Параллельно с этим в СССР после смерти Сталина так же менялся внутривнутриполитический климат. В условиях «хрущевской оттепели», выражавшейся в завершении политических репрессий, амнистии политических заключенных и нормализации жизни страны, произошли изменения и во внешней политике. Они были озвучены на XX съезде КПСС в 1956 г., где наряду с осуждением культа личности Сталина был провозглашен курс на «мирное сосуществование» и звучали призывы остановить гонку ядерных вооружений.

Свидетельством начинавшейся в советско-американских отношениях «оттепели» стал Женевский саммит 1955 г., на котором Эйзенхауэр встретился с Хрущёвым. Для американской стороны это была возможность увидеть новых советских лидеров. Переговоры по германскому вопросу и проблеме европейской безопасности не привели к реальным результатам, однако свидетельствовали о возобновлении прямых контактов между СССР и странами Запада и начале переговорного процесса как такового. В западной прессе заговорили о «духе Женевы», подразумевая переход к более взвешенному диалогу с СССР с целью достижения частичных договорённостей по проблемам безопасности.

Кроме того, на Женевском саммите Эйзенхауэр предложил Советскому Союзу план «открытого неба», который подразумевал обмен картами военных объектов и взаимные инспекционные полёты над территорией двух стран для предотвращения внезапного нападения. Советская сторона отклонила этот план в том числе и потому,

¹⁴⁸ Schrecker E. Many Are the Crimes: McCarthyism in America. Boston, 1998. P. 120.

что разведывательные технологии США на тот момент опережали советские. Вместе с тем данная инициатива позволила Эйзенхауэру продемонстрировать моральное превосходство США в вопросе контроля над вооружениями, одновременно не отказываясь от тайных средств разведки. В 1954 г. он одобрил секретную разработку и применение высотных самолётов-разведчиков У-2 для полётов над территорией стран социалистического блока. Сведения получаемые с помощью У-2 должны были помочь планировать военный бюджет согласно реальному военному потенциалу СССР, а не теоретическим расчётам и заявлениям советского руководства¹⁴⁹.

При этом центральное место в доктрине “New Look” всё ещё занимала концепция «массированного возмездия», т.е., возможность нанесения ответного удара несоразмерной силы по СССР и его союзникам. Как уже говорилось выше, опора на ядерное оружие и стратегические носители позволяла сократить расходы на содержание крупных сухопутных армий и контролировать бюджет. По мнению Эйзенхауэра именно ядерное сдерживание было наиболее действенным в отношении с СССР. В свою очередь, публичные мирные предложения позволяли США позиционировать себя как более миролюбивую и ответственную сторону конфликта в условиях, когда Советский Союз противопоставлял свое миролюбие американскому милитаризму и стремлению к развязыванию Третьей мировой войны, что нашло свое выражение в «холодной войне образов» в популярной культуре¹⁵⁰.

Таким образом, внешняя политика Эйзенхауэра в первый президентский срок сочетала ядерное устрашение с признанием существовавших сфер влияния и конкретными инициативами по снижению накопившейся напряжённости. Эмоциональный климат внутри страны, где формировался образ сильного президента, способного контролировать СССР и одновременно продвигать мирные

¹⁴⁹ Bury H. Eisenhower and the Cold War Arms Race: “Open Skies” and the Military-Industrial Complex. London, 2014. P. 77-107.

¹⁵⁰ Подробнее об этом смотри: Имагология Холодной войны: «свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США: сб. ст. / под ред. О.В. Рябова. Санкт-Петербург, 2024; Журавлёва В.И. Советская и американская карикатуристическая в эпоху Холодной войны как объект изучения: теоретико-методологический дискурс // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15, вып. 11 (145). DOI: 10.18254/S207987840033216-6. URL: <https://history.jes.su/s207987840033216-6-1/> (дата обращения: 07.09.2026); Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West / ed. by Segal J., Scott-Smith G., Romijn P. Amsterdam, 2012; Cucuz D. Winning Women’s Hearts and Minds: Selling Cold War Culture in the US and the USSR. Toronto, 2023.

инициативы, начал меняться. Изменения во внутренней и внешней политике США середины 1950-х гг. и начавшаяся в СССР «хрущевская оттепель» создали необходимый контекст для трансформации образа Советского Союза и его лидера по другую сторону Атлантики.

Вторая президентская кампания Эйзенхауэра проходила в 1956 г. на фоне наметившегося экономического роста и внешнеполитической стабильности, выражавшейся в том числе и в отсутствии региональных военных конфликтов с СССР. Ключевой лозунг кампании звучал как «процветание и мир», а ее стратегия выстраивалась с опорой на успехи, достигнутые администрацией Эйзенхауэра во время первого президентского срока.

Оппонентом Эйзенхауэра вновь стал Стивенсон. Последний по-прежнему предлагал расширение социальных программ, сокращение военных расходов и заключение новых соглашений с СССР. Новым элементом его предвыборной кампании стало предложение о переходе к добровольческой армии и прекращении ядерных испытаний. На этом фоне Эйзенхауэр стремился предстать более жёстким лидером в вопросах обороны страны и взаимоотношений с СССР. Его штаб избегал личных выпадов в сторону оппонента, предпочитая концентрироваться на успешных итогах первого президентского срока и личной популярности действующего президента. Эйзенхауэр продолжил использовать инновационные подходы в общении с избирателями. Президентская кампания 1956 г. стала первой, в которой были широко задействованы телевизионные ролики с участием обычных американцев, высказывавшихся в его поддержку¹⁵¹.

Стивенсон также использовал новые коммуникационные практики, ставшие возможными благодаря развитию технологий. На праймериз 1956 г. он противостоял сенатору Э. Кефверу на первых общенациональных теледебатах. Дискутируя с Кефвером, он настаивал на том, что подлинная сила США должна измеряться не только военным бюджетом и доктриной «массированного возмездия» Эйзенхауэра, но и привлекательностью американской демократии для стран «третьего мира».

¹⁵¹ Pickett W.B. Eisenhower Decides to Run: Presidential Politics and Cold War Strategy. Chicago, 2000. P. 186-190; The Living Room Candidate: Presidential Campaign Commercials. 1952: Eisenhower v. Stevenson / Museum of the Moving Image. URL: <https://www.livingroomcandidate.org/commercials/1952> (дата обращения: 01.09.2026).

Таким образом он призывал к формированию экспортного образа Америки, ограничению ядерных испытаний и роли ядерного оружия как инструмента внешней политики вообще и в отношении с Советским Союзом в частности, настаивая на необходимости заключения с ним особого соглашения в данной сфере. Тем самым Стивенсон предлагал программу «ответственного» антикоммунизма, ориентированную на международное право и моральный авторитет США, что отличало ее от прагматично-силовой, но популярной у избирателей линии действующей администрации¹⁵². Образ интеллектуала и «совести партии» не стал привлекательным для избирателей в эпоху телевизионной политики, которую штаб Эйзенхауэра задействовал более эффективно¹⁵³.

В последние недели предвыборной кампании международная жизнь омрачилась двумя кризисами. Внутри советского блока росли противоречия, которые закончились введением войск ОВД в Венгрию для подавления антисоветского восстания. В то же время на Востоке разгорался Суэцкий кризис. Гибкая политика Эйзенхауэра во время этих кризисов укрепила его репутацию гаранта мира для американцев.

В ночь с 6 на 7 ноября стали известны результаты выборов: Эйзенхауэр одержал победу с 457 голосами выборщиков против 73 голосов у Стивенсона, по результатам общенационального голосования он набрал 57,4% голосов против 42% у соперника: разрыв между кандидатами по сравнению с выборами 1952 г. только увеличился¹⁵⁴.

Таким образом в результате политики Эйзенхауэра во время первого президентского срока эмоциональный климат в США существенно изменился. Решительность и уверенность президента, которая позволила преодолеть многие накопившиеся проблемы, передавалась простым американцам. Война в Корее и «охота на коммунистов» завершились, новая гибкая политика в отношении Советского Союза, сочетавшая жесткое сдерживание с мирными инициативами,

¹⁵² Broadwater J. Adlai Stevenson and American Politics: The Odyssey of a Cold War Liberal. N.Y., 1994. P. 154-157.

¹⁵³ Bury H. Eisenhower and the Cold War Arms Race: "Open Skies" and the Military-Industrial Complex. London, 2014. P. 190.

¹⁵⁴ Ibid. 193.

ослабила страх перед распространением коммунизма. Американцы почувствовали собственное технологическое и моральное превосходство. В то же время, внутренний эмоциональный климат омрачался нерешенными расовыми проблемами и продолжавшимся замедлением темпов экономического роста.

В этом эмоциональном контексте США столкнулись с новыми вызовами со стороны Советского Союза, которые заставили американское общество пересмотреть не только сложившийся образ СССР как технологически отсталой и бедной страны, но и задуматься о собственной миссии в мире, идентичности, ценностях и образе жизни. Первым из этих вызовов стала победа СССР в «спутниковом этапе» космической гонки.

1.3. «Эффекта Спутника» и переоценка образа СССР в США

4 октября 1957 г. Советский Союз запустил первый в истории искусственный спутник Земли. Первоначально американское общество реагировало на запуск советского «Спутника-1» сдержанно, паника и тревога по поводу научно-технического рывка СССР и его лидирующих позиций в космической гонке стали появляться в последующие дни под влиянием американских СМИ и критики политических оппонентов администрации президента Эйзенхауэра. Сам президент отнесся к новостям скорее положительно. Он с надеждой ждал момента, когда можно будет заменить использование самолётов У-2 для наблюдения за СССР разведывательными спутниками. Одной из проблем перехода на спутниковые снимки была необходимость признания космоса нейтральным пространством. Эйзенхауэр посчитал важным прецедентом тот факт, что «Спутник-1» облетел Землю, пролетев в том числе и над территорией США, и ни одно государство не расценило это как нарушение своего суверенитета. Еще в 1955 г. в США было принято решение отделить разработку американских спутников от разработок военных ракет с целью вывести научные космические аппараты из гонки вооружений. Первый американский спутник планировалось запустить в марте 1958 г. в рамках программы Международного геофизического года¹⁵⁵.

Когда новости о запуске «Спутника-1» достигли США, Эйзенхауэр находился на своей ферме в Геттисберге, так что официальный ответ Белого дома на космические события подготовил государственный секретарь Дж. Даллес. В заявлении подчёркивалось, что запуск не является результатом принципиального научного прорыва и опирается на достижения немецких учёных, вывезенных в СССР в конце Второй мировой войны, поэтому не заслуживает большого внимания¹⁵⁶. Члены администрации в своих выступлениях в основном поддерживали эту позицию.

¹⁵⁵ Divine R. A. The Sputnik Challenge: Eisenhower's Response to the Soviet Satellite. N.Y., 1993. P. 5-6.

¹⁵⁶ Журавлёва В.И. Общее прошлое русских и американцев = The Common Past of Russians and Americans: курс лекций. Москва, 2021. P. 174-178.

В первые дни после запуска «Спутника-1» и через несколько месяцев после этого события Белый дом заказал опросы, продемонстрировавшие, что простые американцы не придали значения запуску. Однако по мнению ведущих американских газет и журналов запуск «Спутника-1» «разделил мир на до и после» по аналогии с появлением атомной бомбы. В редакционных колонках он представлялся «технологическим Перл-Харбором» и трактовался как поражение Соединённых Штатов в космической гонке, а сдержанный и неубедительный ответ Белого дома только подчеркивал этот провал и ставил вопрос о том, кто должен нести за него ответственность¹⁵⁷.

Рассуждая об эффекте «Спутника-1» для США, многие журналисты вспомнили и об успешном испытании советской межконтинентальной баллистической ракеты Р-7, прошедшем 27 августа того же года практически незамеченным для американской прессы¹⁵⁸. Однако в контексте нового космического достижения испытание советской ракеты получило новую интерпретацию, способствуя распространению чувства тревоги. Связывая военные и космические технологии, журналисты подчеркивали, что океан, лежащий между США и СССР, перестал давать защиту от прямого ядерного нападения. Постоянное повторение этой цепочки событий постепенно разжигало страх и в журналистах, и в читателях.

Уже на следующий день после запуска “New York Times” назвала «Спутник-1» крупной пропагандистской победой СССР, а затем посвятила этому событию сотни материалов только за один октябрь¹⁵⁹. 21 октября 1957 г. журнал “Time” опубликовал серию статей о «Спутнике-1», одной из центральных тем которых стала развернувшаяся космическая гонка и трактовка советского успеха как угрозы для Соединённых Штатов¹⁶⁰. Через две недели после запуска журнал “Life” вынес на обложку вопрос: почему США проиграли гонку?¹⁶¹ Редакция призывала

¹⁵⁷ Brzezinski M. Red Moon Rising: Sputnik and the Hidden Rivalries that Ignited the Space Age. N.Y., 2007. P. 171–172.

¹⁵⁸ U.S. Must Catch Up With Reds Or We're Dead, Expert Says // The Rocky Mountain News. 1957. October 5. Vol. 98. № 278.

¹⁵⁹ Mieczkowski Y. Eisenhower's Sputnik Moment: The Race for Space and World Prestige. Ithaca, N.Y., 2013. P. 73.

¹⁶⁰ Ibid. 74.

¹⁶¹ Furnas C. C. Why Did U.S. Lose the Race? Critics Speak // Life. 1957. October 21. P. 23.

американцев к мобилизации, направленной на достижение новых побед в освоении космоса.

Такая обостренная реакция стала следствием уже существовавшей тревоги, обусловленной несколькими факторами. Во-первых, страна переживала эпидемию азиатского гриппа, которая вызвала закрытие школ и отмену массовых мероприятий¹⁶². Высокая смертность от болезни и нарушение привычной повседневной жизни усилили ощущение дестабилизации в стране.

Во-вторых, напряжение в обществе нарастало из-за сопротивления южных штатов процессу десегрегации, одним из проявлений которого стал расовый кризис в Литл-Роке, штат Арканзас. В 1954 г. Верховный суд США признал сегрегацию школ неконституционной и обязал государственные образовательные учреждения начать процесс десегрегации. В 1957 г. центральная средняя школа города Литл-Рок должна была принять группу темнокожих учеников, которую впоследствии назвали «девяткой из Литл-Рока». Губернатор штата Орвал Фобус отдал приказ окружить здание школы и не пускать темнокожих учеников на занятия, отказавшись подчиниться решению Верховного суда и противопоставив себя федеральным властям. Эйзенхауэр предпринял попытку решить проблему с помощью переговоров, но не добившись результатов 24 сентября 1957 г. ответил на действия Фобуса вводом 101-й воздушно-десантной дивизии армии США на территорию Арканзаса для обеспечения безопасности «девятки из Литл-Рока»¹⁶³.

После ввода федеральных войск в стране развернулись общественно-политические дебаты по вопросу о правомерности вмешательства администрации Эйзенхауэра в дела штата. Опрос института Гэллапа от 19-24 сентября 1957 г. показал, что 95% опрошенных были в курсе происходящих в Литл-Рок событий, 47% посчитали, что губернатор О. Фобус поступил неправильно, 42% поддержали его действия, 11% не имели мнения на этот счет. Повторные опросы в начале и середине

¹⁶²Asian Flu Is World-Wide // The New York Times. 1957. October 12. P. 21. URL: <https://www.nytimes.com/1957/10/12/archives/asian-flu-is-worldwide.html> (дата обращения: 04.02.2026); Football Teams Hit Hard by Flu; Four College Games Called Off // The New York Times. 1957. October 5. P. 17. URL: <https://www.nytimes.com/1957/10/05/archives/football-teams-hit-hard-by-flu-four-college-games-called-off.html> (дата обращения: 04.02.2026).

¹⁶³ Anderson K. Little Rock: Race and Resistance at Central High School. Princeton, 2010. P. 4-18.

октября того же года показали изменения в общественных настроениях: большинство американцев (58%) заявили, что одобряют действия Эйзенхауэра, а порицание этих действий выразил лишь 31% опрошенных¹⁶⁴. Второй раунд опросов совпал с обсуждением новостей о запуске «Спутника-1», поэтому можно предположить, что на респондентов повлияла общая неуверенность в международном престиже страны, который и раньше страдал из-за сохранения расовой дискриминации.

События в Литл-Роке стали важным этапом движения за гражданские права, которое закончилось принятием федеральных законов 1964 г. и 1965 г., положивших конец расовой сегрегации, хотя до конца не решивших проблему гражданского неравенства. Для данного исследования важно то, что на момент запуска «Спутника-1» 4 октября 1957 г. американское общество находилось в состоянии эмоционального напряжения, поскольку исход происходивших событий ещё не был известен и развернулась борьба между федеральным правительством и властями штатов.

Наконец, образ экономического благополучия США омрачался новостями о замедлении темпов роста экономики, что вызывало в памяти тяжелые времена Великой депрессии¹⁶⁵.

Вместе эти события формировали ощущение турбулентности и уязвимости. На этом фоне известия о «Спутнике-1» наносили удар по национальной гордости за послевоенное экономическое процветание, технологическое и научное первенство в мире. Хотя внутренние кризисы были непосредственно не связаны с запуском советского спутника, именно этот эмоциональный контекст оказал непосредственное влияние на восприятие советского прорыва в космосе.

Политические оппоненты Эйзенхауэра увидели в космической победе СССР возможность нанести удар по доктрине «Новый взгляд». В то время как президент стремился сбалансировать распределение бюджетных средств, демократы настаивали на том, что политика президента ведёт к недофинансированности

¹⁶⁴ Reflections on the “Trouble in Little Rock” // Gallup News. 2004. URL: <https://news.gallup.com/poll/7867/reflections-trouble-little-rock.aspx> (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁶⁵ Prices dipped on the stock market // Decatur Daily Democrat. 1957. October 2. P. 6. URL: <https://newspapers.library.in.gov/?a=d&d=DCDD19571002.1.6> (дата обращения: 04.02.2026).

военного сектора, и, следовательно, к потенциальному поражению в гонке вооружений. Запуск «Спутника-1» и успешные испытания ракеты Р-7 начали интерпретироваться как провал американской внешней политики, вызванный сокращением военных расходов, а значит действиями президента. Риторика демократов стала восприниматься не просто как позиция «ястребов», а как обоснованный ответ на провал республиканской администрации¹⁶⁶.

Благодаря разведывательным полётам У-2 демократическая оппозиция во главе с Линдоном Джонсоном была осведомлена о том, что Советский Союз не обладал перевесом в межконтинентальных баллистических ракетах. Более того, советское лидерство в этой области не предвиделось в ближайшем будущем. Тем не менее Эйзенхауэр не стал использовать эту информацию в публичной риторике, опасаясь эскалации конфликта с СССР из-за официального признания разведывательных полётов У-2 над советской территорией. Демократы воспользовались этим, раздувая новость о «Спутнике-1» до кризиса национального масштаба¹⁶⁷.

Однако, Эйзенхауэр недооценил размах начавшейся среди населения паники. Не упоминая о полученных разведывательных данных, он попытался успокоить американцев в своём первом публичном выступлении после полета «Спутника-1»¹⁶⁸. Однако такая позиция не соответствовала настроениям американцев, ожидавших решительных действий и громких заявлений. Вместо этого президент заявил об отсутствии какой-либо угрозы со стороны нового космического аппарата, описав его как «маленький шарик в воздухе»¹⁶⁹. Тем самым он фактически обесценил тревоги и страхи американцев и создал впечатление, что администрация не в состоянии адекватно отреагировать на угрозу, которую общество увидело в запуске первого советского спутника.

¹⁶⁶ Divine R.A. The Sputnik Challenge: Eisenhower's Response to the Soviet Satellite. N.Y., 1993. P. 128-143.

¹⁶⁷ Mieczkowski Y. Eisenhower's Sputnik Moment: The Race for Space and World Prestige. Ithaca, N.Y.; London, 2013. P. 108-110.

¹⁶⁸ Eisenhower D. Remarks at a Press Conference, 9 October 1957 // Digital Library of Georgia. URL: https://dlg.usg.edu/record/ugabma_wsbn_wsbn33649 (дата обращения: 07.09.2026).

¹⁶⁹ One Small Ball in the Air: October 4, 1957–November 3, 1957 // NASA History. URL: <https://www.nasa.gov/history/monograph10/onesmlbl.html> (дата обращения: 07.09.2026).

Неуверенность, вызванная запуском «Спутника-1», заставила многих американцев по-новому взглянуть на свою страну. Убежденность в научно-техническом превосходстве США пошатнулась, а страх перед технологическим отставанием привел к мобилизации американского общества для преодоления отставания в сфере образования и научно-технических исследований, что получило название «эффект Спутника».

Федеральное правительство отреагировало на него созданием нового космического агентства и реформами в сфере образования. В начале 1958 г. Эйзенхауэр предложил учредить новое гражданское ведомство, которое заменило бы Национальный консультативный комитет по воздухоплаванию (НАКА). 1 октября 1958 г. спустя год после запуска «Спутника-1» начало свою работу Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА)¹⁷⁰. Эйзенхауэр полагал, что Соединённым Штатам необходимо подотчётное Белому дому и Конгрессу космическое агентство. Вместе с тем он не отказался от решения вывести космос за рамки военного сектора и не допустить его превращения ещё в одно направление гонки вооружений. Поэтому НАСА было сформировано как гражданское, а не военное ведомство.

В сентябре 1958 г. Конгресс США принял Национальный акт об образовании в сфере обороны (National Defense Education Act)¹⁷¹. В соответствии с этим актом были выделены значительные средства на стипендии и студенческие займы для талантливой молодёжи. К 1969 г. программой студенческих займов воспользовались около 1,5 млн человек. Дополнительное финансирование получили естественные науки, физика и математика, что отражало стремление государства укрепить научно-технический потенциал и устранить отставание в ключевых для холодной войны областях.

Как уже отмечалось при рассмотрении предвыборных обещаний Эйзенхауэра в 1952 г., американское общество было обеспокоено состоянием школьного

¹⁷⁰ National Aeronautics and Space Act of 1958: Public Law 85-568, 72 Stat. 426, July 29, 1958 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/85th-congress/house-bill/12575/text> (дата обращения: 07.09.2026).

¹⁷¹ National Defense Education Act of 1958: Public Law 85-864, 72 Stat. 1580, Sept. 2, 1958 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/85th-congress/house-bill/13247/text/pl> (дата обращения: 07.09.2026).

образования. Таким образом, «Спутник-1» не создал принципиально новую проблему, а стал своеобразным катализатором, обострив уже идущие общественно-политические дебаты и предоставив мощный политический аргумент тем, кто добивался увеличения федерального финансирования и реформ в сфере образования. После его запуска прежние аргументы были переосмыслены в терминах военной угрозы и национального престижа, что в конечном счёте способствовало принятию Национального акта об образовании в сфере обороны 1958 г.¹⁷².

Кроме того, пристальное внимание к развитию образования и науки в СССР и сравнение научной и образовательной сферой с американской практикой выявили значительно большую степень вовлеченности. Распространённый в американской прессе в 1950-е гг. образ «изможденных, плохо одетых и непривлекательных» советских женщин, тиражированных благодаря послевоенным фоторепортажам американских очевидцев, дополнился впечатляющими образами женщин-учёных, инженеров и врачей. В условиях мобилизации американской нации для развития науки и космических технологий подобное сравнение означало, что усилия по укреплению научно-технического потенциала перестают автоматически подразумевать участие только мужской части населения. Как и в случае предвыборной кампании Эйзенхауэра, женский интеллект и труд начали более активно привлекаться к решению национальных задач.

Параллельно с рефлексиями по поводу технологического отставания происходило и уточнение представлений об СССР. После окончания Второй мировой войны на смену образу союзника и товарища по оружию пришел образ СССР как врага № 1 и страны безбожного коммунизма. Не успев оправиться от одной войны, люди столкнулись с перспективой новой, еще более опасной из-за появления оружия массового уничтожения.

В тот период большое влияние на восприятие СССР оказывали травелоги журналистов и подборки фотографий сопровождавших их фотографов. Один из

¹⁷² Wissehr C., Concannon J., Barrow L. H. Looking Back at the Sputnik Era and Its Impact on Science Education // School Science and Mathematics. 2011. Vol. 111. N 5. P. 180–185.

самых известных примеров подобного рода стал «Русский дневник» американского писателя Джона Стейнбека с сопроводительными фотографиями Роберта Каппы, одного из основателей фотоагентства “Magnum Photos”, опубликованный после их поездки в СССР в 1947 г.¹⁷³

Стейнбек обращал особое внимание на то, как жили советские люди после войны, как они восстанавливали из руин страну и пытались вернуться к привычному ходу вещей, насколько разнообразной и величественной была природа Советского Союза. Автора потрясла сила и стойкость измученных войной на фронте и в тылу советских людей – мужчин, женщин и детей, их жажда жизни и стремление сделать все, чтобы не случилась новая война. Путешествие состоялось благодаря газете “New York Herald Tribune”, которая спонсировала поездку Стейнбека и Каппы в СССР. В итоге американские читатели имели возможность сначала следить за поездкой на страницах газеты, а затем по иллюстрированной книге, что дополнило формирующийся в начале холодной войны образ Советского Союза и населявших его людей более сложными, эмоционально нагруженными представлениями о тех, кто жил по другую сторону железного занавеса.

Первоначальная реакция читателей и журналистов на публикации о Советском Союзе выражалась в сочувствии его потерям и многочисленным трудностям послевоенного восстановления. Однако по мере нарастания недоверия и страха в условиях холодной войны и всё более активной демонизации образа советского Другого настроения начали меняться. Бедность и тяжёлые условия жизни всё чаще связывали не только с последствиями разрушительной войны, но и с «естественным» результатам коммунистической системы. Визуальные репрезентации Советского Союза и советских людей стали подвергаться реинтерпретации: фотографии бедных и измученных людей, разрушенных домов и хозяйств всё чаще представлялись как обычная жизнь в СССР. Образы советских людей конструировались на контрасте с образами американцев с целью вызвать у них чувство гордости за то, что им повезло родиться именно в США¹⁷⁴.

¹⁷³ Steinbeck J. A Russian Journal / photographs by R. Capa. N.Y., 1948.

¹⁷⁴ Peri A. Dear Unknown Friend: The Remarkable Correspondence between American and Soviet Women. Cambridge, MA; London, 2024. P. 56.

Именно тогда со ссылками на фотографии Каппы и начал формироваться упомянутый выше непривлекательный образ советской женщины. Пресса использовала его для иллюстрации неудач коммунистической системы: женщина, вынужденная тяжело работать, поощряемая к деятельности вне дома и семьи, лишённая ухоженности героинь американских женских журналов, становилась одним из обличительных образов советской системы в целом. Этот образ советской женщины соседствовал с образом типичной американской домохозяйки, благополучной, красиво одетой, с умело наложенным макияжем, использующей разнообразную бытовую технику, облегчающую ее домашние хлопоты и живущую со своим мужем и детьми в красивом доме, что служило демонстрацией превосходства американской экономической модели¹⁷⁵.

Параллельно в условиях антикоммунистической истерии на экранах и в литературе, в пропагандистских комиксах, в радио- и телепередачах тиражировалось представление о циничных, но обладавших интеллектом коммунистических шпионах и советских агентах, способных обращать американцев свою идеологию и побуждать их действовать против собственного государства. Таким образом, бедная страна, лишённая перспектив, соседствовала в воображении американцев с образом её «тёмного интеллекта», шпионов и агентов влияния, которые были способны превращать граждан США в пособников коммунизма¹⁷⁶.

Запуск «Спутника-1» в этом социокультурном контексте ставил перед американцами неудобный вопрос: могла ли подобная страна действительно обойти США в области научно-технического прогресса? Проигрыш «отсталому» противнику оказался слишком болезненным для восприятия. Американскому обществу пришлось переосмыслить его образ, признать его сильные стороны и расширить палитру представлений о советских людях. В данном контексте начинают формироваться и новые образы советских женщин, которые бросили гендерный вызов американскому, отстававшему в данной сфере.

¹⁷⁵ Ibid. 56-58.

¹⁷⁶ Schrecker E. Many Are the Crimes: McCarthyism in America. Boston, 1998. P. 115.

Переосмысливая образ СССР под влиянием «эффекта Спутника», американское общество невольно приходило к осознанию необходимости отказаться от изоляции и демонизации врага № 1, и вступить в диалог с ним с целью урегулировать разногласия. Это создавало предпосылки для того, чтобы образ Советского Союза в дальнейшем становился объектом не только страха, но и более сложных эмоциональных реакций.

Таким образом запуск «Спутника-1» в условиях эмоциональной уязвимости американцев, актуализировал как прошлые страхи и тревоги, так и новые представления, побуждавшие к уточнению образа СССР как Другого в целом. Если в предыдущий период американцы боялись распространения безбожного коммунизма и вездесущих советских шпионов, то теперь они стали задаваться вопросом об интеллектуальном, социальном, технологическом и военном отставании их собственной страны.

Эти эмоции коррелировали с процессом конструирования национальной идентичности и образа американского Я, который должен был транслироваться не только внутри страны, но и стать предметом экспорта. Ярким проявлением данного процесса стала Американская выставка в Москве в 1959 г.

1.4. Американский образ жизни на экспорт: эмоциональный контекст «кухонных дебатов»

К концу 1950-х гг. образ Советского Союза в американском обществе уже не сводился ни к карикатурным представлениям об «отсталом враге», ни к демоническому образу «вездесущего шпиона». Успех «Спутника-1», дискуссии об образовании и науке, а также визуальные и текстовые свидетельства о повседневной жизни в СССР заставляли американцев по-новому сопоставить себя с советским Другим. На этом фоне особое значение приобрела Американская национальная выставка в Москве 1959 г. и ставшие знаменитыми «кухонные дебаты» между первым секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым и вице-президентом США Р. Никсоном. Именно они сделали этот новый образ Другого конкретным и более личным.

Благодаря освещению в прессе и показу по телевидению американцы оказались хорошо осведомлены о развернувшемся между Хрущёвым и Никсоном споре по вопросу о том, какая система лучше, который развернулся на фоне макета американской кухни, оснащенной новейшей бытовой техникой. Позже “New York Times” написала, что «этот день больше походил на сцену, выдуманную голливудским сценаристом, чем на реальную встречу двух ведущих государственных деятелей мира»¹⁷⁷.

В диссертационном исследовании выставка и «кухонные дебаты» рассматриваются не только как продукт пропаганды американских ценностей и элемент культурной и эмоциональной дипломатии холодной войны, но и как событие, способствовавшее переоценке ценностей внутри самого американского общества и вызвавшее непосредственный эмоциональный отклик на высказывания Хрущёва, в лице которого персонифицировался советский Другой. Эти эмоции и

¹⁷⁷ Salisbury H. E. Nixon and Khrushchev Argue in Public as U.S. Exhibit Opens; Accuse Each Other of Threats // The New York Times. July 25, 1959.

ценности нашли отражения в письмах, которые американцы начали адресовать Хрущёву после просмотра дебатов по телевизору.

Знаковыми оказались не только сами дебаты, но и тот факт, что их запись смогли увидеть миллионы американцев. Для более точного понимания эмоционального эффекта, произведённого «кухонными дебатами», необходимо вписать их в более широкий контекст зарубежных выставок, ставших частью программы американской культурной пропаганды. Речь идёт о том, как Американская выставка оказалась в Москве, как формировался состав её экспонатов и какое значение выставке придавали политики и обычные американцы.

Соединённые Штаты начали принимать участие во всемирных выставках с середины XIX в. В 1876 г. на территории США прошла первая всемирная выставка, посвящённая столетию принятия Декларации независимости. В тот период выставки служили способом саморепрезентации и конструирования национальной идентичности¹⁷⁸. Как инструмент государственной культурной дипломатии выставки стали использоваться со второй половины 1950-х гг.¹⁷⁹.

К 1959 г. в США сложилась отработанная система подготовки и проведения выставок за рубежом. Стремясь укрепить политическое влияние, предотвратить распространение коммунизма и стимулировать включение Западной Европы в систему либерального капитализма, США стали привозить в европейские страны экспозиции, демонстрировавшие «американский образ жизни». Сконструированный в США и активно тиражируемый образ «общества потребления» противопоставлялся послевоенной бедности и аскетизму Европы, а также высмеивавшей его советской пропаганде¹⁸⁰.

Идея проведения выставок американского образа жизни возникла в рамках плана Маршалла, направленного, с одной стороны, на послевоенное восстановление Европы, а с другой – на сдерживание коммунизма. Уже в 1948 г., когда «Программа

¹⁷⁸ Howe J. A Monster Edifice: Ambivalence, Appropriation, and the Forging of Cultural Identity at the Centennial Exhibition // *Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 2002. Vol. 126, № 4. P. 635–650.

¹⁷⁹ Фоминых А. Е. Меморабилиа американских тематических выставок в СССР как источник по исследованиям публичной дипломатии и пропаганды // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2023. Т. 16. Вып. 2. С. 151–169.

¹⁸⁰

восстановления Европы» была официально принята, началось планирование первой подобной выставки, сфокусированной на архитектурных и декоративных тенденциях в США и новейших бытовых технологиях. Для конструирования образа «идеальной» жизни широко использовались модели американских домов с личным двором, предназначенным для семейного досуга; просторной гостиной и оснащённой по последнему слову техники кухней. В 1950 г. подобную выставку впервые привезли в Берлин, что позволило продемонстрировать её как жителям ФРГ, так и ГДР. В том же году в Берлине прошла «Западноберлинская промышленная ярмарка», на которую из США доставили шестикомнатный дом, оснащённый отопительными приборами, бытовой техникой и мебелью. В американском пресс-релизе отмечалось, что выставку «Америка дома» посетили 43 тыс. немцев. Большинство посетителей особо выделяли кухню с новыми электрическими приборами¹⁸¹.

С 1953 г. кураторство внешнеполитической пропагандой США перешло от государственного департамента к Информационному агентству США (USIA). С этого момента продвижение американского образа жизни на международных торговых ярмарках всё в большей степени осуществлялось усилиями американских корпораций: государство перестало полностью покрывать расходы на проведение выставок. Это бремя легло на частные компании и предприятия, которые, оказывая «патриотическую» помощь в популяризации американских ценностей и демонстрации технического потенциала страны, получали взамен широкие возможности для рекламы собственной продукции как внутри США, так и на европейском рынке¹⁸².

Такое решение отражало более широкий сдвиг в американской системе управления, связанный с постепенной передачей части пропагандистских функций от государства частному сектору. Ещё одним примером этой тенденции стал перенос финансового бремени работы Совета по рекламе на американские корпорации. При

¹⁸¹ Castillo G. The American "Fat Kitchen" in Europe: Postwar Domestic Modernity and Marshall Plan Strategies of Enchantment // *Cold War Kitchen: Americanization, Technology, and European Users* / Ed. by R. Oldenziel, K. Zachmann. Cambridge, 2009. P. 38–40.

¹⁸² Ibid. P. 47–48.

этом сам Совет был тесно связан с продвижением американского образа жизни, о чём далее будет сказано подробнее. Поскольку понятие «американский образ жизни» стало ключевым в американской системе ценностей 1950-х гг., имеет смысл кратко проследить историю этого понятия и его значение для американского общества.

Выражение американский образ жизни (American Way of Life) начало часто употребляться и приобрело своё культурно-идеологическое значение в 1930-е гг. В 1937 г. журнал “Harper’s Magazine” объявил конкурс с призом в тысячу долларов за лучшее эссе на тему о том, что для американцев значит эта фраза. В редакцию поступило 1570 эссе на заявленную тему, но единство в них отсутствовало: американцы приводили разные аргументы и упоминали элементы разных экономических систем, которые не укладывались в единое понимание американского образа жизни¹⁸³. В прессе проходили и другие обсуждения вокруг того, что значит жить по-американски¹⁸⁴, а знаменитые драматурги Джордж Кауфман и Мосс Харт именно в те годы написали пьесу «Американский образ жизни»¹⁸⁵ (1939) о семье эмигрантов, которая проходила путь ассимиляции в американское общество. Пьеса была поставлена на Бродвее и выдержала 164 представления¹⁸⁶.

Показ пьесы совпал со Всемирной выставкой в Нью-Йорке 1939 г., темой которой был «Мир завтрашнего дня», т.е. впервые в истории подобных выставок речь шла не об уже достигнутых результатах, а о перспективах развития. Американская экспозиция среди прочего демонстрировала диораму города будущего под названием «Демократия». Комитет выставки хотел отразить идею гармоничного развития общества, требующего центрального планирования при помощи взаимосвязанности его разных частей. Успех «Нового курса» Рузвельта вдохновил

¹⁸³ Wall W. L. *Inventing the “American Way”. The Politics of Consensus from the New Deal to the Civil Rights Movement*. N.Y., 2008. P. 15.

¹⁸⁴ The Search for an American Way // *Scribner’s Magazine*. 1936. July. P. 22–27; Davis E. On the American Way of Life // *Harper’s Magazine*. 1937. February. P. 329–332.

¹⁸⁵ Kaufman G.S., Hart M. *The American Way* (1939) // George S. Kaufman [official website]. URL: <https://georgeskaufman.com/plays/extended-collection/the-american-way-1939/> (дата обращения: 29.08.2026).

¹⁸⁶ Wall W. L. *Inventing the “American Way”. The Politics of Consensus from the New Deal to the Civil Rights Movement*. N.Y., 2008. P. 15.

членов оргкомитета на образ полностью спланированного сообщества, которое функционировало бы как дом или машина¹⁸⁷.

После Второй мировой войны общие ценности и дух единства стали важны как оружие против социальной нестабильности и способ поддержания гармоничной и единой нации. Американские элиты хотели продлить эффект общественного единения военных лет. Проступающие очертания холодной войны только усилили эти настроения. При этом историческая память о социально-политической нестабильности после Первой мировой войны – забастовках, массовых увольнениях, линчеваниях на юге и расовых волнениях в городах – стимулировала беспокойство в среде политического истеблишмента, равно как и тревогу по поводу того, что возможное возвращение рецессии могло привести к возрождению практик «Нового курса» Рузвельта¹⁸⁸.

В последние месяцы Второй мировой войны в Колумбийском университете прошла серия лекций, на основе которой позднее опубликовали книгу под названием «Единство и различия в американской жизни»¹⁸⁹. Лекторы говорили о демократической судьбе американцев, которая способствовала развитию их индивидуальных особенностей, но также означала наличие общих идей и ценностей. Редактор сборника, социолог Роберт Маклвер, обосновывал необходимость общественной гармонии для существования американской идентичности и американского образа жизни¹⁹⁰. Идея первенства общего над индивидуальным на время вытеснила в либеральной среде обсуждение расового и экономического неравенства¹⁹¹.

Это не означало, что расовых и экономических разногласий в тот период не существовало, как раз наоборот: афроамериканцы возвращались с войны и

¹⁸⁷ Beese B. The Fair of the Future: Developments in Society and Modernity at the 1939 New York World's Fair // The Macksey Journal. 2021. Vol. 2. Art. 115. URL: <https://mackseyjournal.scholasticahq.com/api/v1/articles/28032-the-fair-of-the-future-developments-in-society-and-modernity-at-the-1939-new-york-world-s-fair.pdf> (дата обращения: 26.11.2025).

¹⁸⁸ Wall W. L. *Inventing the "American Way": The Politics of Consensus from the New Deal to the Civil Rights Movement*. N.Y., 2008. P. 169.

¹⁸⁹ *Unity and Difference in American Life: A Series of Addresses and Discussions*. / Ed. by R.M. MacIver. N.Y., 1947.

¹⁹⁰ Ibid. P. 121.

¹⁹¹ Wall W. L. *Inventing the "American Way": The Politics of Consensus from the New Deal to the Civil Rights Movement*. N.Y., 2008. P. 166.

требовали лучшего к себе отношения, что, в свою очередь, вызывало категорических ответ со стороны белых американцев на Юге; из-за антияпонской пропаганды военных лет продолжались нападения на американцев азиатского происхождения. Однако, вместо решения этих проблем политики и представители бизнеса делали упор на межгрупповую толерантность и общенациональные устремления. Враждебность между разными группами наёмных рабочих могла навредить их продуктивности и высокому уровню потребления в обществе. Для того, чтобы сгладить расовые и социальные противоречия, использовались противопоставления с коммунистическим Другим, т.е., между теми, кто верит в свободное общество, и сторонниками тоталитарных режимов¹⁹².

В послевоенные годы бизнес, правительство, активисты, университеты запустили большее количество культурных проектов, нацеленных на конструирование национального единства. Они стремились создать иллюзию того, что либеральный консенсус относительно единых американских ценностей уже сложился¹⁹³. Центральное место в этом конструировании образа американской реальности занимал Совет по рекламе (Advertising Council), который был создан еще во время войны как Военный совет по рекламе (War Advertising Council¹⁹⁴). Он выступал связующим звеном между федеральным правительством, деловыми кругами, журналистами и индустрией развлечений.

В 1950-е гг. Совет по рекламе начал тиражировать представления о военной мощи США, антикоммунистической угрозе и финансировать «Радио Свобода»¹⁹⁵. Патриотические ценности помогали продавать государственные облигации (U.S. Savings Bonds), мобилизовать население на сдачу крови в больницы и на нужды армии (Red Cross Blood Program) и привлекать американцев к программам по гражданской обороне, ориентированным на защиту населения от ядерной угрозы со стороны СССР (Civil Defense) с помощью рекламных материалов Управления

¹⁹² Ibid. P. 168.

¹⁹³ Ibid. P. 172.

¹⁹⁴ Некоммерческая организация, занималась разработкой общественных кампаний во время Второй мировой войны (например, плакаты «Loose Lips Sink Ships», образ «Rosie the Riveter» и др.).

¹⁹⁵ «Радио Свобода» признана в Российской Федерации нежелательной организацией.

гражданской обороны, адресованных в том числе и детям, как, например, “Duck and Cover”¹⁹⁶.

Главным идеологическим проектом Совета по рекламе в послевоенные годы стал «Поезд Свободы» (Freedom Train). Инициатором выступило Министерство юстиции США, в то время как Совет обеспечивал поддержку со стороны крупного бизнеса и занимался продвижением проекта в обществе. «Поезд Свободы» символизировал американские ценности и противопоставлял их ценностям советского блока. Он проехал 48 штатов, перевозя подлинники главных исторических американских документов: Декларацию независимости, Конституцию США, Билль о правах, письма американских президентов, документы об отмене рабства¹⁹⁷.

Выработка концепции «американского образа жизни» была необходима для консолидации общества, продвижения государственных программ и стимулирования потребления товаров, сопутствующих этому образу жизни. Набор ценностей, который американцы воспринимали общими для своей нации, формировал границы американского общества и образ врага, который эти ценности отвергал, представляя угрозу американскому образу жизни.

Он подразумевал жизнь в достатке, с возможностью покупать многочисленные товары, иметь современный дом, наполненный бытовыми приборами и декорированный как на картинках в журналах. Носителями этого образа жизни выступали нуклеарные семьи, состоящие из мужа-добытчика, жены-домохозяйки и нескольких детей. Они устраивали барбекю на лужайке в модной одежде рядом с припаркованным личным автомобилем и тем самым олицетворяли собой образцовую ячейку американского общества¹⁹⁸.

Американский образ жизни оказался не только внутренним идеологическим продуктом, но и экспортным. Дом, наполненный бытовой техникой, ухоженная лужайка и нуклеарная семья в окружении товаров массового потребления

¹⁹⁶ Wall W. L. *Inventing the “American Way”: The Politics of Consensus from the New Deal to the Civil Rights Movement*. N.Y., 2008. P. 187-240.

¹⁹⁷ То есть все штаты. Аляска и Гавайи стали штатами в 1959 г.

¹⁹⁸ Подробнее об образе идеальной американской семьи и американском образе жизни см.: Cucuz D. *Winning Women’s Hearts and Minds: Selling Cold War Culture in the US and USSR*. Toronto, 2023.

превратились в визуальную презентацию американских ценностей – демократии, достатка, потребительской свободы и традиционной семьи. Именно эти элементы стали основой для зарубежных выставок, призванных показать союзникам и нейтральным странам привлекательность американской модели жизни.

К концу 1950-х гг. этот набор визуальных символов американского образа жизни был хорошо отработан в ходе выставок и рекламных кампаний. Американская национальная выставка в Москве 1959 г. лишь перенесла этот набор в столицу государства, которое для США выступало главным идеологическим противником и конституирующим Другим.

До 1959 г. американские выставки как инструмент мягкой силы не использовались в отношениях с Советским Союзом. Этому мешали не только продолжающееся идеологическое противостояние, но и отсутствие институциональной базы для взаимодействия между США и СССР¹⁹⁹.

В 1955 г. на совещании лидеров СССР, США, Великобритании и Франции в Женеве впервые стала обсуждаться идея культурных обменов. Последующие события: XX съезд ЦК КПСС, на котором Н.С. Хрущев провозгласил курс на «мирное сосуществование», а также Венгерский²⁰⁰ и Суэцкий кризисы²⁰¹ – актуализировали необходимость улучшения внешнеполитического имиджа советского государства, поэтому СССР стремился активно развивать культурную коммуникацию с западными странами. Наконец, в январе 1958 г. специальным помощником госсекретаря США по обмену между Западом и Востоком У.С. Лейси и советским послом Г.Н. Зарубиным было подписано соглашение об обменах в культурной, технической и образовательной областях²⁰². Этот договор создал широкие возможности для развития студенческих и научных программ, взаимных

¹⁹⁹ Журавлева В.И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуре в начале холодной войны (1947—1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Том 13. Выпуск 9 (119). URL: <https://history.jes.su/S207987840022753-7-1> (дата обращения: 12.10.2025).

²⁰⁰ Подробнее см.: Стыкалин А. С. Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

²⁰¹ Подробнее см.: Мельвиль А. Ю. Холодная война и международные кризисы. М., 1998; Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М., 2011.

²⁰² Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields, January 27, 1958 // Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. X, pt. 2: Eastern Europe; Finland; Greece; Turkey. Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v10p2/d2> (дата обращения: 07.09.2026).

переводов и публикаций книг, гастролей музыкантов и артистов, а также организации выставок. Изначально договор был рассчитан на два года, но впоследствии неоднократно продлевался и стал основой культурной дипломатии СССР и США периода холодной войны²⁰³. Именно в рамках этого соглашения страны договорились об обмене выставками в Москве и Нью-Йорке²⁰⁴.

Изначально выставка в СССР должна была пройти так же, как и другие американские выставки в Европе того времени. Однако неожиданное влияние на подготовку американской национальной выставки в Москве оказало письмо простой американки, миссис У.А. Райс из города Грейсон, штат Кентукки. Дочь миссис Райс в то время жила в Германии со своим мужем, американским военным. В очередном письме матери она высказала досаду по поводу того, что на Всемирной выставке в Брюсселе 1958 г. не был представлен типичный американский дом. Судя по трудностям, с которыми впоследствии столкнулись при поиске строительной компании, готовой построить и перевезти американский дом в СССР, отсутствие подобного дома в Брюсселе могло быть связано с описанными выше бюрократическими реформами: переподчинением внешней пропаганды Информационному агентству США и перекладыванием финансовой ответственности за выставки на американский бизнес.

Миссис Райс не хотела, чтобы подобная оплошность повторилась в Советском Союзе, поэтому написала письмо сенатору от своего штата Джону Шерману Куперу. Она была уверена, что «русским» нужно обязательно показать, как живут американцы, и предложить им идеи, не связанные с военным противостоянием между двумя сверхдержавами. Кроме того, миссис Райс была подписана на журнал «СССР», на страницах которого она увидела поразившие ее некрасивые, плохо декорированные и тесные квартиры советских людей. Содержавший множество фотографий журнал «СССР» выходил с 1950 г. и служил пропагандистским целям: в нем демонстрировались достижения СССР в экономике, науке, культуре, спорте, с

²⁰³ Подробнее см.: U.S.–Soviet Cultural Exchanges: Diplomacy Beyond the Cold War. / Ed. by Y. Richmond, M. David-Fox. London; New York, 2016.

²⁰⁴ Об обмене выставками подробнее см.: Журавлёва В.И. Общее прошлое русских и американцев = The Common Past of Russians and Americans: курс лекций. Москва, 2021. С. 233-247.

которыми мог познакомиться американский читатель. Но вместо этого миссис Райс увидела контраст между типичным американским домом и советской квартирой.

Она решила, что американский дом способен передать американские ценности и идеалы лучше, чем любые другие средства пропаганды. В своём письме сенатору Куперу она изложила конкретные рекомендации: дом, который нужно показать «русским», должен иметь три спальни, ванную и кухню, шторы из стекловолокна, поролоновые подушки, пружинные матрасы, ковровое покрытие и продуманную цветовую палитру. Сенатор передал письмо директору выставки Г. Макклеллану, который согласился с предложением и начал в срочном порядке инициировать подготовку «типичного» американского дома для экспозиции в Сокольниках²⁰⁵.

Дом был разделён широким проходом ровно по середине для удобства посетителей выставки. Это дизайнерское решение привело к тому, что дом получил прозвище «Сплитник» благодаря созвучию слов “split” (то есть, «разделение» по-английски) и “Sputnik”. Таким образом, американский дом должен был не только продемонстрировать преимущества американской капиталистической системы в обеспечении бытового комфорта, но и стать своеобразным ответом на запуск «Спутника-1», который нанес удар по национальной гордости американцев²⁰⁶. Именно комфорт и достаток, идея о том, что вещи служат людям, а не наоборот, противопоставлялись интеллектуальной и технологической победе Советского Союза.

Сам дом и его наполнение должны были показать типичному советскому гражданину то, как живут американские рабочие с зарплатой в 100 долларов в неделю. Барбекю и уличная мебель в личном дворе дома демонстрировали типичный семейный отдых на открытом воздухе²⁰⁷.

Интерес к готовящейся выставочной экспозиции проявляла и американская пресса. Журнал “U.S. News&World Report” взял интервью у американских рабочих,

²⁰⁵ Oldenziel R. Staging the Kitchen Debate: How Splitnik Got Normalized in the United States // Cold War Kitchen: Americanization, Technology, and European Users. / Ed. by R. Oldenziel, K. Zachmann. Cambridge, 2009. P. 63-64.

²⁰⁶ Подробнее о реакции США на запуск «Спутника-1» смотри: Mieczkowski Ya. Eisenhower’s Sputnik Moment: The Race for Space and World Prestige. Ithaca, 2013.

²⁰⁷ Oldenziel R. Staging the Kitchen Debate: How Splitnik Got Normalized in the United States // Cold War Kitchen: Americanization, Technology, and European Users / ed. by R. Oldenziel, K. Zachmann. Cambridge, 2009. P. 68.

которые собирали дом в СССР²⁰⁸. Согласно их рассказу, русские не могли понять, почему стены дома такие тонкие, и посчитали, что он летний, хотя представители компании “All-State”, которая взяла на себя разработку и строительство выставочного дома, настаивали на возможности пользоваться домом и в зимние месяцы. Однако и журналист газеты “New York Times” в своей статье также предположил, что дом подходит разве что для жизни в Калифорнии²⁰⁹.

Дискуссия развернулась и вокруг цены выставочного дома и его доступности для «среднего» американца. Во время общения с прессой директор “All-State” заявил, что если бы “Splitnik” строили на Лонг-Айленде, где его фирма тогда занималась застройкой, то за вычетом стоимости земли он бы обошелся покупателям в 11-12 тысяч долларов²¹⁰. Бюджет на внутреннюю обстановку дома составлял, по его словам, ещё примерно 5 тысяч. Так как типичным покупателем такого дома был заявлен рабочий с зарплатой 100 долларов в неделю или 5200 долларов в год, вокруг правдоподобности этого заявления развернулась острая общественная дискуссия²¹¹. Директор выставки Г. Макклеллан позже признал, что дом не являлся достоверным отражением жилищных условий семьи рабочего, впервые купившей дом. С. Келогг, редактор раздела “New York Times”, посвящённого домохозяйству, не согласилась с Макклелланом: она посчитала дом вполне доступным для семьи с подобным уровнем дохода²¹². В поддержку мнения о возможности американцев владеть таким домом и обеспечивать семью также выступила региональная пресса²¹³. Интересно, что это дискуссия продемонстрировала и серьезное непонимание особенностей жизни в европейских капиталистических и социалистических странах: в США большие покупки часто совершались в кредит, что было совершенно нехарактерно для европейцев и особенно для жителей социалистического лагеря, и о чем американские участники дебатов даже не задумались.

²⁰⁸ How They Work in Russia: Interview with Two American Workmen Back from Moscow // U.S. News & World Report. August 10, 1959. P. 47–49.

²⁰⁹ Stern W. Moscow Will See L.I. Ranch House // The New York Times. 1959. March 12. P. 3, 9.

²¹⁰ Позже цена дома поднялась до 14.000 долл. Именно эту цифру называет Р. Никсон в разговоре с Н. Хрущёвым. Oldenziel R. Staging the Kitchen Debate: How Splitnik Got Normalized in the United States // Cold War Kitchen: Americanization, Technology, and European Users / ed. by R. Oldenziel, K. Zachmann. Cambridge, 2009. P. 69.

²¹² Kellogg C. An American Home in Moscow // The New York Times Magazine. July 5, 1959. P. 24–25.

²¹³ Meet the Typical U.S. Worker Who Owns His Own Home: The Man Russian Says Isn't Real // Hot Springs. June 26, 1959. P. 73.

Развернувшиеся в прессе дискуссии показали двойственность восприятия как выставки, так и американского образа жизни в самих Соединенных Штатах. С одной стороны, модель дома воплощала в себе американские идеалы и ценности, важнейшей из которых был сам образ жизни, а с другой стороны вызвала обсуждение этих идеалов и ценностей, а также и того, насколько достоверный образ США транслируется в европейские и социалистические страны.

Важной темой для обсуждения стал вопрос о том, как американский дом и американский образ жизни будут восприняты в Советском Союзе. Уже за месяц до открытия выставки американская пресса начала готовить своих читателей к тому, что “Splitnik” будет принят с недоверием, а советских граждан убедят в сфабрикованности уровня жизни рабочих в США²¹⁴. В то же время утверждалось, что «у красных отпала челюсть» от американских домов²¹⁵ и что выставка превзошла все ожидания²¹⁶, хотя она еще даже не открылась.

Журналист “Washington Post” М. Линдси выпустила заметку с метафористичным заголовком: «Американский дом вступил в холодную войну»²¹⁷. Действительно, выставку еще не успел увидеть ни один обычный советский гражданин, но заочный диалог с ним уже начался. Например, в газете “Baltimore Sun” от 22 июля 1959 г., т.е. за три дня до открытия выставки, появилась карикатура с изображением советской бабушки, разглядывающей чудеса американской выставки в Сокольниках, с подписью: «Посмотрите лучше на дома карикатуристов и других работников с низким доходом»²¹⁸. Широкая американская общественность получила возможность посмотреть на дом и его обстановку в торговом центре “Roosevelt Field” на Лонг-Айленде. Посетителям предлагалось самостоятельно оценить, что именно так поразило советских граждан и вызвало у них недоверие²¹⁹. Магазин “Macy’s”, ответственный за меблировку и декор «Сплитника», начал

²¹⁴ Caruthers O. Khrushchev Sees U.S. Exhibit Site // New York Times. May 5, 1959. P. A6.

²¹⁵ Means M. Reds’ Jaws Drop at U.S. Home // Pittsburgh Sun-Telegram. June 30, 1959.

²¹⁶ Nothing to Fear but the Truth // Stockton Record. 1959. July 17, 1959. P. 59.

²¹⁷ Lindsey M. U.S. Typical Home Enters Cold War // Washington Post. May 20, 1959.

²¹⁸ Missions to Moscow // Baltimore Sun. July 22, 1959.

²¹⁹ Oldenziel R. Staging the Kitchen Debate: How Splitnik Got Normalized in the United States // Cold War Kitchen: Americanization, Technology, and European Users / ed. by R. Oldenziel, K. Zachmann. Cambridge, 2009. P. 74.

принимать заказы на воссоздание его интерьера в домах по всей стране²²⁰, таким образом, предлагая американцам превратить экспортный образ жизни в реальный.

Итак, к тому моменту, когда по американскому телевидению показали запись «кухонных дебатов» Никсона и Хрущёва, тема их спора уже широко обсуждалась в прессе. Американцам заранее рассказали, что советская сторона не поверит в реалистичность привезенной модели дома и бытовых удобств. По этой причине многие из них были заранее готовы к критике со стороны Хрущёва. Однако, эмоциональный ответ на критику советского лидера оказался довольно неожиданным.

Во время «кухонных дебатов» 24 июля 1959 г. на фоне модели американского дома в Сокольниках Никсон и Хрущёв действительно начали спорить о том, чья система обеспечивает людям лучшую повседневную жизнь. Они ходили по кухне, указывали на плиты, холодильники и другую технику и в ходе разговора об удобстве и доступности бытовых приборов обсуждали превосходство капитализма или социализма, уровень свободы, темпы технического прогресса и будущее обеих стран. Диалог шёл на повышенных тонах, с взаимными шутками и подколами, и с самого начала был рассчитан на кинокамеры и телевизионную аудиторию, а не только на присутствующих в павильоне людей.

Американцы, увидевшие «кухонные дебаты» по телевизору, были убеждены в том, что советская сторона ставит под сомнение их образ жизни. Более того, Хрущёв говорил энергично и эмоционально, что спровоцировало американцев на такую же эмоциональную защиту своих ценностей. Благодаря цветному телевидению, они смогли лично лицезреть, как советский лидер высмеивает американский образ жизни, оказавшись в интерьерах их кухней и гостиных. Помимо доступности выставочного дома и бытовых приборов для простых американцев Никита Сергеевич также не верил в то, что его разговор с Никсоном вообще покажут по цветным телевизорам без купюр с переводом на английский язык²²¹.

²²⁰ Stern W. U.S. Fair House for Moscow Exhibit to Be Mass-Built on L.I. Tract // The New York Times. 1959. March 15. P. 1, 8.

²²¹ Nixon-Khrushchev Kitchen Debate. July 24, 1959 // C-SPAN. URL: <https://www.c-span.org/video/?110721-1/nixon-khrushchev-kitchen-debate> (дата обращения: 29.08.2026).

Телевизионная трансляция «кухонных дебатов» стала первым поводом для обращения американцев к главе советского правительства. Они начали сотнями писать Хрущеву личные письма, отвечая на его колкие замечания об их образе жизни. Стремясь доказать Хрущеву его неправоту, американцы начали приглашать его посетить их страну и их дома, чтобы он мог лично убедиться в достоверности экспонатов выставки²²²:

«Это сообщение является ответом на Ваши сомнения в том, что Ваше с мистером Никсоном интервью появится на американском телевидении. Оно появилось. В нашем городе находится несколько миллионов телевизоров, на которых ваше интервью еще будут повторять.

Я уверен, что высказываюсь от имени многих американцев, которые надеются, что вы посетите нашу Страну, чтобы увидеть наши города, магазины, дома и ещё многие места, которые доставят вам удовольствие.

Надеюсь, что ваш тур приведет вас в наш великий Город Лос-Анджелес, и если это будет зимой, то вы насладитесь его мягким климатом, у нас, как и у Флориды, не бывает зимы.

Дружески Ваш»²²³.

Автор письма отвечает на сомнения Хрущёва, защищая наличие телевизоров (цветных или черно-белых) в большинстве американских домов и открытость правительства в предоставлении информации гражданам, т.е. американский образ жизни и американскую свободу. Подобная эмоциональная реакция, выраженная среди прочего в использовании заглавных букв для слов «страна» и «город», показывает важность демократических и капиталистических благ для автора письма. Так, среди вещей, которые он хочет показать Никите Сергеевичу указаны американские магазины, которые символизируют развитое общество потребления. Эта часть американской жизни играла большую роль в конструировании идентичности и особого американского пути²²⁴. Другой составляющей частью этой реакции является желание автора не просто опровергнуть слова Хрущёва, но и

²²² Это произошло ещё до официального объявления о предстоящем визите Хрущёва в США, которое состоялось 2 августа 1959 г. Слухи о возможности визита начали циркулировать после визита А.И. Микояна в США в начале 1959 г. Объявление о предстоящем визите лишь спровоцировало дальнейший поток писем-приглашений.

²²³ Письмо из Лос-Анджелеса, 28 июля 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1335. Л. 151.

²²⁴ Wall W. L. *Inventing the "American Way": The Politics of Consensus from the New Deal to the Civil Rights Movement*. New York: Oxford University Press, 2008.

разъяснить ему то, что он не понимает об американцах. Ответом на критику стало приглашение в гости, намерение лично познакомить советского лидера с американской действительностью.

Американцы скромного достатка, в том числе не имевшие телевизора или модели с цветным изображением, также писали Хрущёву, рассказывая о себе и приглашая его в гости. Например, Гарри Блэксли, как и многие другие авторы, не стеснялся несоответствий своей жизни той картинке, которую американская сторона продемонстрировала советской публике в Сокольниках:

«Я пишу это письмо, чтобы заверить вас, что наш вице-президент не “шутил” вчера, когда пообещал, что вас обоих увидят и услышат по всем Соединенным Штатам.

У меня черно-белый телевизор, он не показывает цвет и автоматически не переводит русский язык на английский, но если перевод был правильным в Москве, то таким он был и у нас, так как трансляция передалась нам в мельчайших деталях...

Мы с женой насладились шоу и надеемся, что оно принесет много добра как вам и вашему народу, так и нам»²²⁵

Авторы писем стремились не просто доказать советскому лидеру его неправоту. Как демонстрирует доброжелательное окончание письма Г. Блэксли, ещё одной эмоцией для американцев стала надежда, надежда на диалог и мир, на добро для советского и американского народа. Сам факт того, что хотя Никсон и Хрущёв поспорили, однако реальной эскалации советско-американских отношений не последовало, продемонстрировал американцам, что самым важным является сама возможность диалога между США и СССР.

Многие письма воспроизводят эту простую схему: их авторы начинают с эмоциональной защиты в ответ на главное сомнение советского лидера насчет того, что дебаты покажут по телевидению (что стало главным поводом к написанию письма), но быстро переходят к выражению надежды на продолжение диалога, который может помочь избежать настоящей войны:

²²⁵ Письмо Гарри Дж. Блэксли, 27 июля 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1335. Л. 139.

«Просто хочу дать вам знать, что мы видели вас по телевизору прошлым вечером! С полным (и приятным) переводом с вашего русского на английский язык!

Мы насладились словесной битвой между Вами и вице-президентом Никсоном. Пусть между нами будет больше подобной коммуникации. Это познавательно и плодотворно и провоцирует на рассуждения.

Мы можем не соглашаться в политике, но словесные битвы должны поощряться больше, чем разговоры о реальной войне»²²⁶.

Эмоциональный ответ на критику со стороны советского лидера должен был быть отрицательным. Но вместо того, чтобы ответить на дебаты враждебностью, как это было на страницах газет и журналов еще до открытия выставки, авторы писем приветствовали словесную битву Никсона и Хрущёва. Последний нападал на ценности американцев, сомневался в их успехах, делал всё то, что предсказали репортёры, но это словесное противостояние позволило авторам писем увидеть альтернативу ядерной войне и путь для мирного сосуществования. Яркий телевизионный образ Хрущева и других советских людей помимо прочего реактуализировал память о союзничестве во время Второй мировой войны. Американцы не только приглашали Никиту Сергеевича к себе, но и сами раздумывали о поездке в СССР:

9 мая 1959 г. я имел удовольствие познакомиться и поговорить с Вами в компании с ещё шестью ветеранами из США о наших общих проблемах... После этого... я говорил со многими группами ветеранов и другими организациями о нашей поездке в Россию. Это была, кстати говоря, моя вторая поездка.

... Я считаю, что после того, как Ваша с Никсоном запись была показана здесь, многие американцы начали говорить, что Вас нужно пригласить в Америку, где Вам покажут, как мы живем и производим (товары). Что мирное сосуществование наших различных форм правления возможно»²²⁷.

²²⁶ Письмо Мэрили Форд из Глендора, Калифорния, 25 июля 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1335. Л. 89.

²²⁷ Письмо Александра Лича из Лос-Анжелеса, 27 июля 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1335. Л. 147-144.

Возможность увидеть Хрущёва в живом, пусть и несколько агрессивном диалоге с вице-президентом помогла разрушить карикатурный образ СССР как обезличенного и бесчеловечного врага, который сформировался в предыдущий период в условиях острых международных кризисов, шпиономании и «второй красной угрозы». Яркое, излишне эмоциональное выступление Хрущева, адресованное широкой публике, раскрыло его человеческую природу, помогло усложнить представления о противнике, желающем уничтожения «американского образа жизни». В отличие от безликого врага, с человеком можно иметь дело: спорить и переубеждать, делиться с ним своими страхами и надеждами. Авторы писем ухватились за эту возможность. Они захотели познакомиться с Хрущёвым, показать ему себя, свою жизнь и достижения, но не как свидетельство превосходства, а как проявление человечности:

«За последнюю неделю наша семья и еще по крайней мере 50 тысяч семей в Америке слышали и видели Ваш разговор с вице-президентом Никсоном, а также слышали его по радио. Некоторые из крупных телевизионных компаний сделали как минимум один повтор этой записи. Миллионы колонок на первых полосах газет были отведены обсуждениям Вашей встречи.

Большинство американцев познакомилось с помощью этих разговоров с новым для них Хрущёвым, который может и сохранил схожесть с традиционным русским медведем, но его рык стал разбавлен ухмылками. Мы в Америке считаем, что там, где есть юмор, есть и надежда.

Теперь, когда шоу Ника и Дика стало самым тиражированным во всём эфире, мы можем ждать постановку Айка и Ника²²⁸, которая получит еще большую мировую аудиторию.

Если, на что я надеюсь, ваши люди в СССР имеют тот же доступ к правдивой неразбавленной информации по этим встречам, то все народы мира могут начать думать о том, сколько добра они могут принести друг другу вместо вреда.

Искренне ваш,
От имени одной объединённой семьи,

²²⁸ Имеется ввиду панибратское сокращение имен лидеров, принятое в американской политической культуре: Хрущев здесь обозначен как «Ник» от Никита, Никсон – «Дик», традиционное сокращение от имени Ричард, а «Айк» - прозвище президента Д. Эйзенхауэра.

Джордж Логан Принс²²⁹»

Принс снова называет «кухонные дебаты» шоу. Здесь важно вернуться к тому, что 1950-е гг. стали в США телевизионным десятилетием. Первые экспериментальные телешоу начали появляться в 1940-е гг., но у них не было большой аудитории. Массовое распространение телевизоров в первой половине 1950-х гг. привело к настоящему буму телешоу и становлению их основных жанров. Более того, как уже было сказано выше, в 1952 г. появились первые политические рекламные ролики Эйзенхауэра. Его команда сразу же нашла правильный формат для положительных откликов американских граждан: короткие ролики, появлявшиеся во время популярных телепередач, в которых Эйзенхауэр общается с избирателями²³⁰. Развитие эмоциональной инфраструктуры, важнейшей частью которой стало телевидение, позволяющее передавать интонации, мимику и жесты политиков, радикально сокращали дистанцию между властью и обществом. Трансляция «кухонных дебатов» позволила Хрущеву, подобно американским политикам, впервые обратиться к американцам напрямую, также резко сократив существующую дистанцию.

Неудивительно, что на этом фоне авторы писем увидели в дебатах Хрущёва и Никсона прежде всего телевизионное шоу с участием политиков. Важно другое: это шоу им понравилось, и они захотели его продолжения. Спор, разыгранный на кухне демонстрационного дома, стал для них не только поводом защитить «американский образ жизни», но и шансом вообразить будущее, в котором конфликты между сверхдержавами решаются не ракетами, а словами.

Человечность, проступившая в этом публичном споре, становится новым качеством советско-американских отношений и позволяет американцам формировать образ новой глобальной идентичности. Идея объединения людей в одну семью или народ планеты Земля начала активно оформляться в 1950-е гг. под влиянием страхов перед последствиями ядерных испытаний и загрязнением

²²⁹ Письмо Джорджа Логана Принса из Малибу, 30 июня 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1335. Л. 91.

²³⁰ Wood S. C. Television's First Political Spot Ad Campaign: Eisenhower Answers America // Presidential Studies Quarterly. 1990. Vol. 20. № 2. P. 265–283.

окружающей среды, которые угрожали будущим поколениям всех народов, даже напрямую не вовлечённых в гонку вооружений. В это время развиваются новые формы движений за защиту окружающей среды: природа всё чаще мыслится не только через призму её влияния на здоровье людей, но и как самостоятельная ценность, за сохранение которой человечество несёт ответственность²³¹. Эта идея еще не стала доминирующей в Соединенных Штатах, но формировалась в контексте тех изменений в мировосприятии, которые начали происходить под влиянием страхов за жизнь и здоровье американцев и остального населения Земли в условиях ядерного века. Более подробно эта тема будет обсуждаться в следующей главе, посвященной ядерной угрозе как фактору формирования образов СССР в США.

Стоит отметить, что приведённые письма не отражают реакцию всего американского общества на «кухонные дебаты». Присланные после встречи Хрущёва и Никсона, они писались только теми американцами, которые испытывали к нему хоть какие-то положительные эмоции. Противники Никиты Сергеевича на данном этапе не стремились писать ему письма и приглашать в гости. «Кухонные дебаты» 1959 г. привлекли ту часть американского общества, которая восприняла личное общение Хрущёва с политиками США и обычными людьми позитивно в надежде на мирное будущее своей страны и мира в целом.

Таким образом, Американская национальная выставка в Сокольниках, развернувшиеся вокруг нее дебаты в американской прессе и многочисленные письма американцев в адрес Хрущева дают нам уникальную возможность проследить процесс формирования национальной идентичности с использованием образа советского Другого в качестве конституирующего. Сама идея зарубежных выставок, возникшая в рамках плана Маршалла и подтолкнувшая Соединённые Штаты к визуализации американского образа жизни, получила новое развитие в момент непосредственного взаимодействия с лидером СССР и советскими посетителями выставки в Сокольниках. Обсуждение процесса ее подготовки вызвало бурные дебаты о содержании американских ценностей, главными из которых становились

²³¹ Аванская В.А. Страхи и надежды ядерного века: возобновление ядерных испытаний в СССР как фактор формирования новых идентичностей у американцев // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2024. Т. 15. Вып. 10 (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840032960-5-1/>

возможность потребления и доступность «американского образа жизни» для рядовых американцев.

Эти вопросы заботили не только журналистов. Критика со стороны Хрущева стала актом эмоциональной дипломатии: его сомнение в достоверности представленного на выставке дома хотя и коррелировали с сомнениями самих американцев, тем не менее стимулировали в них желание защитить «американский образ жизни», одновременно символизировавший эти ценности и на них опиравшийся.

Однако стремление ответить на провокацию советского лидера стало поводом к переосмыслению образа СССР как такового. «Очеловечивание» образа Хрущева повлекло за собой и частичное «очеловечивание» советско-американских отношений, открыв новые возможности для мирного сосуществования. Приглашая советского лидера в свои дома, американцы стремились не только показать ему уровень достатка и потребления, но и познакомить его со своей повседневностью, надеждами и представлениями о достойной жизни. Так американский образ жизни переставал быть только набором вещей, интерьером и кухней, он стал основой для воображаемого диалога об общих для всего человечества проблемах.

Приглашения Хрущёва «зайти на кухню» обычных американцев и размышления самих авторов писем о поездке в СССР подготовили почву для следующего шага. Уже вскоре после выставки и «кухонных дебатов» американцам предоставилась возможность увидеть Хрущёва не на телеэкране, а в реальных американских городах, на фабриках, фермах и в домах, поскольку после «кухонных дебатов» было объявлено об обмене визитами между лидерами двух стран.

1.5. Визит Н.С. Хрущёва в эмоциональных репрезентациях американцев

Визит Хрущёва в США состоялся 15-27 сентября 1959 г. и стал первой официальной поездкой советского лидера за океан. Хрущёв посетил Вашингтон, побывав на базе Морской авиации США Эндрюс и вступил в Национальном клубе печати. В Нью-Йорке он выступил в Экономическом клубе, посетил штаб-квартиру ООН, встретился с Н. Рокфеллером, американским предпринимателем, государственным и политическим деятелем. В Лос-Анджелесе Хрущёв осмотрел киностудию «20-й век Фокс», а в Сан-Франциско – штаб-квартиру IBM (ведущий производитель программного и аппаратного обеспечения). Далее он поехал в штат Айова, где в городе Де-Мойн выступал перед фермерами и представителями бизнеса, и заехал к фермеру-миллионеру Р. Гарста, который жил рядом с городом Куин-Рэпидс и с которым он познакомился, когда тот приезжал в СССР в составе делегации американских фермеров. В штате Пенсильвания он побывал в городе Питтсбург, где встретился с представителями промышленности и общественными деятелями. Поездка закончилась встречей с президентом Эйзенхауэром в загородной резиденции Кэмп-Дэвид.

Готовясь к визиту в США, Хрущёв прислушался к совету А.И. Микояна, первого заместителя председателя Совета министров СССР, и взял с собой жену и детей. Микоян уже дважды бывал в Соединённых Штатах, в 1936 г. и в начале 1959 г., когда занимался подготовкой визита Хрущёва, и хорошо понимал важность семейного образа для американцев.

Несмотря на тщательную подготовительную работу, первая часть тура сложилась неудачно. Хрущёв не смог наладить живой диалог с журналистами и политиками, в то время как публичные выступления лишь усиливали взаимное непонимание. В Национальном пресс-клубе в Вашингтоне его попросили объяснить, что он имел в виду, произнося свою знаменитую фразу «мы вас закопаем». Хрущёв трактовал ее как выражение уверенности в исторической победе социализма, но такая интерпретация не сняла напряжения, а скорее усугубила его. На улицах городов Хрущёва и его семью часто встречали молчаливые толпы, рассматривающие

их почти как инопланетян. Между тем сам Хрущёв хотел показать, что у него нет «рогов», а страна, которую он представляет, реальна, любима им и может быть понята американцами. Неудачные попытки установить контакт с американцами его очень расстраивали.

Причины этих неудач Хрущёв видел в американской организации поездки и обвинял сопровождавшего его представителя США в ООН Генри Кэбота Лоджа и государственный департамент, которые «не допускали» его до прямого общения с американским народом. В Калифорнии, к примеру, его встречал киномагнат Виктор Картер, иммигрант с юга России. Этот выбор Хрущёву показался крайне неудачным. Дополнительным разочарованием стала отмена поездки в Диснейленд: Хрущёв её очень ждал, видя возможность непосредственного контакта с публикой, а не только с официальными лицами²³².

Американцы, со своей стороны, тоже были заинтересованы в таком общении. Как написал в своей статье в “New York Times” Гаррисон Солсбери: «Никита С. Хрущёв обрушился на Соединенные Штаты подобно прыгучему динамическому объекту из космоса. Воздействие было огромным, но последствия пока нельзя оценить. Но один факт бросается в глаза: за первые пять дней пребывания г-на Хрущёва в Америке, он не смёл страну с ног, но и не вызвал враждебности. Главной реакцией людей стало искреннее любопытство»²³³.

Напряжённость усилилась во время званого ужина в Лос-Анджелесе. Мэр города Норрис Поулсон включил в свою речь фразу «мы вас закопаем». Лодж, заранее раздобывший текст выступления, пытался отговорить его от этого, опасаясь реакции Хрущёва, но мэр отказался менять готовый текст. Реплика Поулсона действительно вывела Хрущёва из себя, и уже в гостинице он всерьёз говорил о возможном досрочном сворачивании поездки.

В этот момент Лодж сыграл ключевую роль. Он понял, что продолжение тура возможно только в том случае, если дать Хрущёву то, чего тот добивался с самого

²³² Фурсенко А. А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущёва: тайная история противника Америки. М., 2018. С. 259-261.

²³³ Salisburу Н. Е. Khrushchev Visit: Impact in U. S.; Public Is Curious but Far From Convinced // The New York Times. 1959. Sept. 20.

начала – прямой контакт с американцами. Лоджа осенило, что визит можно переформатировать в типичную предвыборную кампанию американского политика. Следующей остановкой должен был стать Сан-Франциско, куда делегация ехала поездом. Лодж предложил организовать по пути короткие остановки в небольших городах с выступлениями и живым общением с местными жителями, а американским журналистам разрешить ехать с Хрущёвым на поезде, чего ранее не случалось²³⁴.

Перестройка формата дала немедленный эффект. Характер Хрущёва раскрылся в полной мере: он охотно ходил по вагонам, подолгу разговаривал с репортёрами, отвечал на вопросы, шутил. На промежуточных станциях Никита Сергеевич спешил сойти с поезда и затеряться в толпе местных жителей, которые в небольших городках встречала его куда теплее, чем в крупных мегаполисах. У Хрущёва, наконец, появилась возможность говорить, импровизировать, очаровывать собеседников и спорить с ними вживую, а не через протокольные встречи.

С этим новым настроением Хрущёв прибыл в Айову на ферму Росуэлла Гарста, что в эмоциональном смысле можно считать кульминацией всего американского визита. Гарст ещё в 1955 г. побывал в СССР, где рассказывал Хрущёву о своих успехах в кукурузоводении и животноводстве. Между ними завязалась дружба, они переписывались, обсуждали аграрные технологии²³⁵. Так что приглашение посетить ферму Гарста Хрущёв принял с большим энтузиазмом.

Ферма произвела на советскую делегацию огромное впечатление. Хрущёв и его окружение увидели высокоэффективное производство, налаженную систему управления и одновременно очень домашнюю, неофициальную атмосферу. Важным стало и то, как Гарст и его семья принимали гостей, и как, в свою очередь, вели себя Хрущёв и его родственники. Американцы могли наблюдать Хрущёва и его жену в роли типичных бабушки и дедушки, общающихся с детьми американского фермера, отпускающих шутки и позирующих для фотографий. Эта сцена семейной близости работала против привычного демонического образа советского лидера. Яркие,

²³⁴ Фурсенко А. А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущёва: тайная история противника Америки. М., 2018. С. 263.

²³⁵ Журавлёва В. И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». 2013. № 21 (122). С. 121–146.

цветные фотографии смеющегося Хрущева в окружении фермеров, по-дружески беседующего с Гарстом, держащего букет из початков кукурузы печатались на обложках ведущих американских журналов и облетели все Соединенные Штаты²³⁶.

Опыт общения на ферме Гарста задал новый тон оставшейся части визита. Ободренный тёплым приёмом и ощущением взаимного интереса, Хрущёв отправился на финальные переговоры с Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвид уже в другом настроении. Хрущёв смог показать свой вариант советского Другого Америке и увидеть в американцах не только людей по другую сторону железного занавеса, но и потенциальных партнёров по разговору о будущем²³⁷.

До и во время визита американцы продолжали отправлять Хрущёву письма. Те, кто писал ему после анонса визита, относились к нему по-разному, но приветствовали желание Хрущева лично увидеть американцев и познакомиться с их повседневной жизнью. Среди авторов не было убеждённых противников самого приезда, хотя в отдельных текстах уже можно уловить следы недовольства. Например, текст одного из писем был следующим:

«В сегодняшней газете появилась статья о том, что вы можете посетить мистера Росуэлла Гарста, фермера из Куин-Рэпидс, Айова. Так как Куин-Рэпидс, Айова находится совсем недалеко от Миннеаполиса, некоторым из нас, работникам Профессиональной реабилитации подразделения Миннеаполиса, пришло в голову, что вам могло бы быть интересно посетить нас, а для нас это стало бы большой честью.

Этот офис является частью федерального государственного агентства, призванного помогать людям с ограниченными возможностями вернуться к работе.

Хорошо известно, что посещая другие страны вы имеете привычку проявлять интерес к рабочему классу, и хотя может показаться, что это приглашение от государственного агентства, на самом деле это личное приглашение от индивидуальных работников. Мы призываем вас думать об этом визите как о строго неформальном и неофициальном.

Грустная правда состоит в том, что, к сожалению, наш мэр публично не выразил энтузиазма по поводу вашего визита в Миннеаполис; так что если вы

²³⁶ См. например, обложку журнала "Life": Life. Oct. 5, 1959.

²³⁷ Фурсенко А. А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущёва: тайная история противника Америки. М., 2018. С. 263-266.

решите принять это приглашение, то вам лучше приехать напрямую по адресу 1807 Lyndale Avenue South (это наш новый офис с первого сентября 1959 г.), где мы примем вас со всей теплотой и дружелюбием и обещаем разговор на час или два. Возможно, Вы даже сможете взять интервью у нашего клиента или двух, чтобы лично узнать о нашей хорошей работе.

Надеемся вскоре получить от вас вести»²³⁸.

Визит позволил американцам увидеть советского лидера на своей земле, на американских предприятиях, разговаривающим с американским народом напрямую и открыто. Количество статей и репортажей о нём резко возросло, его лицо стало легко узнаваемым. Важную роль сыграло и то, что Хрущёв путешествовал с семьёй: американцы видели его не только на трибунах и в кортежах, но и рядом с женой, детьми и внуками, что делало образ более сложным и одновременно более располагающим к себе и понятным. После поездки практика написания писем Хрущёву закрепились: одни и те же люди писали по несколько раз, отправляли открытки к праздникам²³⁹ и поздравляли с достижениями в космосе²⁴⁰. Учителя предлагали школьникам писать личные и коллективные обращения к Никите Сергеевичу. Дети просили прислать материалы для докладов о Советском Союзе²⁴¹, взрослые и подростки просили фотографии, автографы, матрёшек и другие сувениры²⁴².

Таким образом, существовавшая в американской культуре практика написания писем своим политикам неожиданно была распространена и на советского лидера. Личное знакомство Хрущёва с американской публикой в рамках «кухонных дебатов» и последующего тура по городам США создало между ним и аудиторией за океаном своеобразный канал эмоциональной дипломатии. Он перестал быть абстрактным «первым секретарём коммунистов», с которыми у США идёт противостояние, и стал фигурой, с которой можно вступить в личный контакт: человеком, мужем, отцом, дедом. Даже письма, в которых Хрущёва ругали или выражали гнев по отношению

²³⁸ Письмо Л.М. Кефарт, Р.Дж. Хэнз из Миннеаполиса, штат Миннесота, 7 августа 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1330. Л. 25.

²³⁹ ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1306. Л. 54.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1507. Л. 39.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 95. Д. 1208. Л. 96.

²⁴² ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 95. Д. 1208. Л. 78.

к его действиям, демонстрируют, что он воспринимался как тот, кого можно попытаться отчитать, устыдить или переубедить.

«Мы очень рады, что Вы приезжаете в Соединенные Штаты. Для меня, как для матери семерых детей, мир — самое важное в жизни. Я уверена, что, когда мы узнаем Вас, а Вы узнаете нас, это пойдёт на пользу обоим нашим народам.

Можем ли мы пригласить Вас к нам домой? Мы будем очень рады принять Вас — я знаю, что у вас будет много официальных обедов и вечеринок, — но, если Вы приедете к нам, Вы увидите настоящую американскую семью — без горничной, без Кадиллака и без телевизора»²⁴³.

Такие приглашения свидетельствуют о том, насколько новый образ Хрущёва повлиял на авторов писем. Как только стало известно о визите, авторы писем перестали винить Хрущёва в том, что он не знает американской жизни, вместо этого они начали приглашать его к себе, желая познакомить с настоящей американской реальностью. Страх перед возможным ядерным конфликтом стал эмоциональным инструментом мобилизации для американских матерей: в своих письмах они часто упоминали детей, которые могли стать жертвами атомных испытаний и войны, и подчеркивали, что мир важнее любых идеологических разногласий.

Мужчины тоже писали Хрущёву, но обычно с меньшим акцентом на детях:

«Мы с женой были рады узнать, что Вы собираетесь посетить Америку. Мы простые американцы, которые считают, что мир возможен, когда искренние люди собираются вместе и пытаются понять друг друга. Конечно, самонадеянно с нашей стороны полагать, что Вы сможете встретиться с нами, но мы все равно хотим пригласить Вас в нашу квартиру в Нью-Йорке на ужин в любое удобное для Вас время. Надеюсь, Ваша поездка будет приятной и ценной для мира во всем мире»²⁴⁴.

Знакомство с советским лидером и приглашение его в дом приобретают особое значение. Автор письма приглашает Хрущёва, понимая, насколько маловероятно, что тот действительно приедет. Многие авторы подчеркивали, что отдают себе отчёт в том, что Хрущёв, возможно, никогда даже не прочитает их письма. Тем не менее они продолжали его приглашать к себе. Им было важно, чтобы советский лидер в принципе знал об их существовании и представлял себе, что его готовы видеть не

²⁴³ Письмо, 6 июля 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1335. Л. 110.

²⁴⁴ Письмо, 7 августа 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1335. Л. 149

только в крупных городах и в богатых домах. Приглашения, почти наверняка обречённые остаться без ответа, выполняли другую функцию: так люди привыкли начинать знакомство и завязывать дружбу. Это способ заявить о себе и одновременно предложить более интимный формат общения, не просто встретиться на приёме, а впустить человека в дом, показать ему повседневный быт, наладить с ним эмоциональную связь.

«К тому времени, как Вы достигнете Западного побережья нашей страны, Вас уже напоят и накормят, как принято у политических шишек. Это может быть частью протокола, который следует выдержать. Если Ваш осмотр достопримечательностей Западного побережья нашей страны будет включать посещение района Лос-Анджелеса (а он должен бы), я сочту за честь, если я, простой рабочий, смогу принять Вас в качестве гостя на барбекю на открытом воздухе. Такое мероприятие – самая неформальная манера приема пищи, какую только можно представить»²⁴⁵.

Здесь автор противопоставляет официальный протокол и подлинную жизнь. Всё, что связано с кортежами, банкетами и речами, он воспринимает как неизбежную и скучную часть визита, которую нужно просто пережить. В ответ он предлагает Хрущёву то, что сам считает подлинной ценностью – неформальное общение за барбекю. Разумеется, он не может знать, разделяет ли Хрущёв это отношение, но в момент написания письма переносит на него собственные эмоции и представления о хорошо проведенном времени.

Чтобы обратиться к Хрущёву с таким приглашением автор должен был хотя бы на момент написания письма ассоциировать себя с ним, то есть представить человека, который устал от протокола и хочет обычного человеческого общения. Такое воображаемое совпадение желаний не значит, что автор всегда относился к Хрущёву тепло или включал его в свою эмоциональную группу. Однако в момент написания письма эта группа как минимум частично создаётся ради мира и взаимопонимания. Он идентифицирует себя с Хрущёвым, приписывает ему свои ценности и намерения.

Показательно и то, что автор называет себя «простым рабочим» и приглашает на барбекю. Отчасти это отсылка к недавним «кухонным дебатам», где обсуждался

²⁴⁵ Письма, 13 августа 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 93. Д. 1335. Л. 62.

дом «рядового рабочего» с лужайкой и оборудованием для барбекю в качестве ключевого элемента американского образа жизни. Но вместе с тем это реально существовавший способ проведения досуга и налаживания новых знакомств в послевоенной Америке. Приглашая советского лидера на барбекю, автор приглашает его не только на свой двор, но и в символическое пространство своего представления о нормальной, достойной и мирной жизни.

Приглашения на ужин в нью-йоркской квартире, в офис реабилитационного агентства, на барбекю во дворе «простого рабочего» свидетельствуют о том, что советский лидер перестаёт быть исключительно абстрактным врагом и превращается в потенциального гостя. Приглашая его за свои столы и к своим мангалам, авторы писем одновременно защищают собственное представление об американском образе жизни и делятся им как чем-то, что должно быть понятно и значимо такому же человеку по другую сторону железного занавеса.

Желание персонализировать контакт с Хрущёвым, показать ему настоящую Америку без «Кадиллака» и цветного телевизора, но с детьми, работой и барбекю становится элементом «очеловечивания» советского лидера. Оно также открывает возможность через образ Хрущёва вообразить образ советских людей, чья уязвимость перед ядерной угрозой заставляет думать о них и о себе как о части одной, пусть и воображаемой глобальной семьи. На этом фоне представление об американском образе жизни становится не просто набором товаров и интерьеров, а символическим языком, на котором американцы пытаются говорить с советским Другим о мире, взаимопонимании и совместном будущем.

Подводя итог первой главе, следует подчеркнуть, что американский образ жизни в послевоенные десятилетия одновременно конструировался внутри США и проецировался вовне. Столкновение с советским Другим заставляло американцев заново проговаривать его содержание. В 1930-е–1950-е гг. этот образ, продвигавшийся государством, бизнесом, рекламой и культурной дипломатией, формировался из таких составляющих, как потребление, достаток, нуклеарная семья

и бытовой комфорт. Зарубежные выставки, как часть плана Маршалла, сформировали набор визуальных маркеров американского образа жизни. Дом, кухня, лужайка и барбекю стали витриной демократии, процветания и предполагаемого социального консенсуса. Имиджевое противостояние с СССР, с одной стороны, усилило внутренние сомнения в том, насколько этот уровень жизни доступен для простых американцев, т.е. для всех, а с другой стороны, спровоцировало эмоциональную защиту американского образа жизни от внешней критики и придало ему новое измерение в контексте разговора о мире и глобальной уязвимости перед ядерной катастрофой.

Американская национальная выставка в Сокольниках, «кухонные дебаты» и последующий визит Хрущёва в США образуют единый, хотя и растянутый во времени процесс «очеловечивания» не только лидера СССР, но и советского Другого в целом. Выставка с её демонстрационным домом и кухней дала наглядное, материальное представление об американском образе жизни, вокруг которого развернулись дискуссии о содержании и доступности этих ценностей как в прессе, так и среди обычных граждан. «Кухонные дебаты» превратили этот спор в зрелище: на глазах миллионов зрителей советский лидер не только подверг предмет американской гордости резкой критике и поставил его под сомнение, но и впервые предстал как живой, эмоциональный человек, с которым можно обмениваться шутками и вступать в спор.

Визит 1959 г. перенёс этот воображаемый диалог в реальное пространство: на фермы, предприятия и, в конечном итоге, благодаря телевидению в гостиные американцев. Поток писем, адресованных Хрущеву после выставки и «кухонных дебатов», стал подготовительным этапом для приглашения увидеть «настоящую Америку». Эти приглашения свидетельствуют о том, что советский лидер становится адресатом практик, прежде направленных главным образом на американских политиков.

Важную роль в этом сдвиге сыграли новые каналы эмоциональной инфраструктуры. Телевидение, фотожурналы и массовая пресса перенесли практику «интимного» общения президентов с простыми гражданами на освещение визита

советского руководителя. Медиа-механизмы, которые позволили Эйзенхауэру предстать настоящим лидером Америки, понимающим нужды и чаяния простых американцев, использовались и в отношении Хрущёва, усложняя вызываемую им палитру эмоций и чувств. В результате американский образ жизни превратился в язык, на котором жители США пробуют говорить с персонифицированным и коллективным советским Другим о разделяемых страхах и возможном общем будущем.

Глава 2. Ядерные страхи во взаимоотношениях США и СССР от 1950-х к 1960-м годам

Вместе с процессом «очеловечивания» образа СССР, образ советского Другого и советский вектор американской внешней политики в 1950-х – начале 1960-х гг. находились под влиянием ядерных страхов. Представления о ядерной угрозе начали развиваться вскоре после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в среде ученых и небольшого круга журналистов, однако только к началу 1950-х гг. развитие ядерного оружия начинает всерьез заботить американское общество.

Формирование образов ядерного апокалипсиса, Третьей мировой войны и страхов перед невидимой радиационной угрозой происходит постепенно. Отношение американских политиков, общественных деятелей и простых граждан к ядерному оружию всегда было двойственным: с одной стороны, именно оно было способно защитить Соединенные Штаты от коммунистического вторжения; с другой стороны – его дальнейшее развитие начинало представлять все большую угрозу для самих американцев.

Исследование ядерных страхов 1950-х гг. позволяет особенно ярко продемонстрировать политический потенциал групповых эмоций. Общественные деятели и журналисты с одной стороны формировали тревожный эмоциональный фон, а, с другой стороны – использовали страхи американцев для влияния на политиков США и СССР, конвертируя общественные настроения в политические действия.

Во второй главе рассматривается то, как ядерные испытания формировали эмоциональный климат 1950-х гг., обуславливавший реакции американского общества на события холодной войны. Особое внимание уделяется тому, как страх перед радиоактивным загрязнением и возможность ядерной войны трансформировали представления об ответственности государства, стимулировали новые общественные движения, выступающие против ядерного оружия, и, в

конечном счёте, влияли на то, как американцы видели себя, Советский Союз и будущее всей планеты.

2.1. Влияние ядерного оружия на эмоциональный климат холодной войны в 1950-е гг.

В декабре 1941 г. Япония нанесла воздушный удар по американской военно-морской базе Пёрл-Харбор на острове Оаху (Гавайский архипелаг). Последствием этого шага стало вступление США во Вторую мировую войну на стороне Антигитлеровской коалиции и, в конечном счёте, безоговорочная капитуляция Японии после ядерных ударов по Хиросиме 6 августа 1945 г. и Нагасаки 9 августа 1945 г.²⁴⁶.

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки стали не только финальным актом Второй мировой войны, но и отправной точкой для последовавшей за ней холодной войны. Эти события побудили И.В. Сталина сделать советскую ядерную программу главным приоритетом и поставило создание советской атомной бомбы под контроль и ответственность Л.П. Берии, народного комиссара внутренних дел, а также Специального комитета при Совете министров СССР (неофициально – Специальный комитет по использованию атомной энергии). Он был создан через 14 дней после атомной бомбардировки Хиросимы для максимально быстрого достижения ядерного паритета с США²⁴⁷. Так началась советско-американская гонка ядерных вооружений.

Ядерное оружие появилось в период создания биполярной системы международных отношений, в рамках которой любой военный конфликт между двумя сверхдержавами воспринимался как потенциальный переход к тотальной войне. Дж. Херц применил к этой системе концепцию «дилеммы безопасности», описывавшую возникший парадокс: наращивание ядерного арсенала, призванное гарантировать безопасность, одновременно увеличивало риск взаимного

²⁴⁶ Подробнее см.: Dower J.W. War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. New York, 1986; Iriye A. The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. London, 1987; Asada S. From Mahan to Pearl Harbor: The Imperial Japanese Navy and the United States. Annapolis, 2006.

²⁴⁷ Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939-1956 / пер. с англ. Новосибирск, 1997. С. 185.

уничтожения, превращая безопасность в состояние институционализированной тревоги для всех участников системы²⁴⁸.

Американская ядерная монополия, обеспечивавшая США значительную свободу действий во внешней политике и чувство защищённости для американских граждан, завершилась 29 августа 1949 г., когда на Семипалатинском полигоне была успешно испытана советская атомная бомба РДС-1. Это испытание превратило СССР во вторую ядерную сверхдержаву. Ядерный фактор с этого момента определял правила игры в холодной войне, цена прямого военного столкновения между сверхдержавами стала невероятно высокой, а само существование ядерного оружия подталкивало к непрерывной гонке вооружений²⁴⁹.

Советское испытание атомной бомбы в 1949 г. запустило новый виток ядерной гонки. В январе 1950 г. администрация президента Г. Трумэна приняла решение о разработке водородной бомбы. Американские физики, ещё недавно вдохновлённые образами «атома во имя мира», оказались вовлечены в создание термоядерного оружия, чья разрушительная мощь многократно превосходила бомбы, сброшенные на Японию в 1945 г. В ноябре 1952 г. Соединённые Штаты провели испытание первой термоядерной бомбы, а уже в августе 1953 г. СССР испытал собственное водородное оружие, вновь ликвидировав временное технологическое преимущество США²⁵⁰.

Наращивание темпов проведения ядерных испытаний стало одним из ключевых маркеров наступившей Атомной эпохи. Между ноябрём 1952 г. и октябрём 1958 г. Соединёнными Штатами было произведено 150 тестовых взрывов ядерных бомб²⁵¹.

В свою очередь, американское общество после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, которые ассоциировались с американским триумфом во Второй мировой войне, начинало испытывать нарастающую тревогу в условиях нарастающей ядерной

²⁴⁸ Herz J.H. *International Politics in the Atomic Age*. New York, 1959.

²⁴⁹ Gaddis J. L. *We Now Know: Rethinking Cold War History*. Oxford: Clarendon Press; Oxford University Press, 1997. P. 99-101.

²⁵⁰ Ibid. P. 110-11.

²⁵¹ Blades D.M., Siracusa J.M. *A History of U.S. Nuclear Testing and Its Influence on Nuclear Thought, 1945-1963*. Lanham, 2014. P. 51.

гонки США с СССР. Атомная бомба стала одновременно символом победы над японским врагом и более опасной конфронтации с Советским Союзом. Долгое время в западной культуре конец света мыслился как событие, открывающее путь к обновлению мира божественными силами. С началом Атомного века этому представлению стала противопоставляться альтернативная картина бессмысленного Апокалипсиса, вызванного действиями людей и не несущего за собой никакого небесного порядка. При этом оба видения зачастую сосуществовали и пересекались в религиозных и светских дискурсах²⁵².

С 1951 г. ядерные испытания в атмосфере начали проводиться на материковой части США в штате Невада. Комиссия по атомной энергии (АЕС) сознательно занижала риски для населения американского Запада, превратив его в невольных участников большого радиационного эксперимента. В официальных текстах АЕС радиоактивные осадки описывались как естественное и контролируемое явление, тогда как их реальные последствия выражались в росте онкологических заболеваний и гибели домашнего скота, формируя «телесное» измерения ядерного страха²⁵³.

Тем временем журналисты со всей Америки съезжались в Неваду для освещения ядерных испытаний. Они в основном сосредотачивались на визуальной составляющей, отображая ставший знаменитым атомный гриб взрыва и описывая его последствия своим читателям. Возможный вред ядерных выбросов не освещался, иногда даже прямо отрицался. Всеобщее принятие атомной бомбы на начальном этапе испытаний превратило её в символ США, который можно было видеть на вывесках всевозможных заведений, на обложках книг и даже в коктейльной карте баров. Музыка, кинематограф, литература оказались пронизаны образами складывающегося Атомного века²⁵⁴.

Во время президентства Эйзенхауэра доктрина «массированного возмездия», дискуссии об уязвимости городов перед ядерными ударами, кризис, вызванный

²⁵² Wojcik D. Embracing Doomsday: Faith, Fatalism, and Apocalyptic Beliefs in the Nuclear Age // *Western Folklore*. 1996. Vol. 55, № 4. P. 297.

²⁵³ Rice J.S. Downwind of the Atomic State: Atmospheric Testing and the Rise of the Risk Society. New York; London, 2023. P. 71; 76-77.

²⁵⁴ Titus A.C. Bombs in the Backyard: Atomic Testing and American Politics. 2nd ed. Reno, 2001. P. 94-101; Tichi C. Midcentury Cocktails: History, Lore, and Recipes from America's Atomic Age. New York, 2022. P. 143-146.

началом космической гонки после запуска советского «Спутника-1», заставили американцев переосмысливать образ США как неуязвимой державы, защищённой океаном. Вместо этого пришло осознание того, что потенциальная ядерная война развернётся на их собственной территории. В этот момент Атомный век превратился из абстрактного научного, технологического и геополитического понятия в причину повседневной тревоги. Гражданам США предлагалось одновременно верить в эффективность политики сдерживания и готовиться к сценарию, в котором ни государство, ни военная мощь не гарантировали их выживание²⁵⁵.

1950-е гг. стали временем наиболее масштабных и экологически разрушительных ядерных испытаний за всю историю холодной войны. Американский полигон на атолле Бикини и советский в Семипалатинске сотрясались от взрывов всё большей мощности. Радиационное загрязнение охватывало огромные территории и затрагивало жизни десятков тысяч людей, живших вблизи полигонов. Вместе с тем ядерное оружие превращалось не только в военную силу массового поражения, но и в элемент статуса сверхдержавности²⁵⁶.

На фоне нараставшей разрушительной силы испытаний ядерная риторика прочно вошла в дипломатический язык. Угрозы применения ядерного оружия в кризисных ситуациях, от Берлина до Тайваньского пролива, соседствовали с заявленной политикой «мирного сосуществования» в интерпретации Хрущёва и «осторожной разрядкой» в интерпретации администрации Эйзенхауэра. В то же время обе стороны начали осознавать парадокс собственного положения: чем больше испытаний проводилось и чем более мощные бомбы создавались, тем вероятнее становился сценарий взаимного уничтожения²⁵⁷.

Ключевую роль в формировании американской политики атомных испытаний в 1952–1958 гг. сыграл Л. Штраусс, сменивший Г. Дина на посту председателя АЕС. Штраусс тщательно фильтровал те данные и оценки, которые попадали к президенту, и тем самым ограничивал доступ Эйзенхауэра к альтернативным позициям внутри

²⁵⁵ Melosi M.V. Atomic Age America. New York; London, 2013. P. 118-146.

²⁵⁶ Зубок В., Плешаков К. Внутри кремлёвской холодной войны: от Сталина до Хрущёва / пер. с англ. М., 1996. С. 138-173.

²⁵⁷ Holloway D. Nuclear Weapons and the Escalation of the Cold War, 1945-1962 // The Cambridge History of the Cold War. Vol. 1. Cambridge, 2010. P. 383-384.

экспертного сообщества. Его влияние стало ослабевать после успешного запуска советского «Спутника-1» в октябре 1957 г. В ноябре того же года Эйзенхауэр создал Президентский комитет по науке во главе с Дж. Киллианом, а в июне 1958 г. Штраусс покинул пост председателя АЕС. Таким образом политика в сфере ядерных вооружений всё в большей степени становилась объектом обсуждения не только военных и профильных чиновников, но и группы научных советников при президенте²⁵⁸.

С этого момента важно учитывать внутреннюю динамику принятия решений в администрации президента, которую помогает понять модель внутренней политики С.Д. Сагана. Он исходит из того, что государственная стратегия формируется под влиянием конкурирующих бюрократических и политических акторов, преследующих собственные интересы²⁵⁹. Д.М. Блэйдс и Д.М. Сиракуза адаптировали эту модель к периоду президентства Эйзенхауэра и выделили три ключевые силы влияния на ядерную политику: Комиссию по атомной энергии (АЕС), Объединённый комитет начальников штабов США (ОКНШ) и Объединённый комитет Конгресса США по атомной энергии (ОККАЭ). Борьба и взаимодействие этих акторов в итоге определили основные параметры политики администрации Эйзенхауэра в отношении ядерного оружия после 1957 г.²⁶⁰.

И АЕС, и ОКНШ настаивали на увеличении количества и мощности испытаний. Обладание ядерным оружием и его регулярное тестирование постепенно стали нормой и превратились в один из элементов американской государственной идентичности. Количество и масштаб испытаний постоянно нарастали. Если при Трумэне в испытаниях случались перерывы (в 1947 г., 1949 г. и 1950 г.), то при Эйзенхауэре они проводились ежегодно вплоть до введения моратория в 1958 г. При этом в президентство Трумэна стояла задача принципиального технологического скачка, т.е. разработки термоядерной бомбы, тогда как при Эйзенхауэре речь шла преимущественно о доработке и наращивании существовавших систем. Таким

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Sagan S.D. Why Do States Build Nuclear Weapons? Three Models in Search of a Bomb // *International Security*. 1996/1997. Vol. 21. № 3. P. 63-73.

²⁶⁰ Blades D.M., Siracusa J.M. A History of U.S. Nuclear Testing and Its Influence on Nuclear Thought, 1945-1963. Lanham, 2014. P. 98.

образом вследствие раскручивания спирали гонки ядерных вооружений частота испытаний только нарастала. И это, в свою очередь, подрывало представление об их легитимности в обществе, что в итоге привело к объявлению моратория в 1958 г.²⁶¹.

Эйзенхауэр начал задумываться о возможности прекращения испытаний ещё в 1954 г. Тогда один из комиссаров АЕС Т. Мюррэй предложил рассмотреть переговоры об ограничении испытаний как первый шаг на пути к международному контролю над ядерным оружием. Он изложил свои соображения за месяц до запланированного испытания термоядерного взрывного устройства «Касл Браво» на атолле Бикини в марта 1954 г., в результате которого произошло мощное радиационное заражение окружающей среды²⁶².

Однако внутри администрации существовала и противоположная точка зрения. Адмирал А. Рэдфорд настаивал на том, что в условиях моратория Советский Союз будет продолжать теоретические разработки и может со временем нивелировать имеющиеся преимущества США. Тем временем радиоактивное заражение команды японского рыболовецкого судна «Фукурю-Мару» после испытания «Касл Браво», в результате которого погиб радист Айкити Кубоямы, спровоцировало волну антиядерных протестов. Несмотря на это, Штраусс убеждал президента, что испытания нельзя полностью останавливать²⁶³. Согласно его оценке к 1956 г. АЕС будет готова протестировать малогабаритную бомбу, призванную защитить США от вражеских самолётов. И этот аргумент оказался достаточно сильным, чтобы обсуждать лишь временное ограничение, а не полный отказ от испытаний. Позднее Эйзенхауэр вспоминал, что, несмотря на собственное желание прекратить испытания, он столкнулся с сопротивлением внутри правительства и противоречивым общественным мнением и так и не смог воплотить эту идею в жизнь²⁶⁴.

В 1950-е гг. среди учёных не существовало единого мнения о влиянии ядерных выбросов на здоровье человека: одни настаивали на относительной безвредности

²⁶¹ Ibid. P. 103-104.

²⁶² Greene B.P. Eisenhower, Science Advice, and the Nuclear Test-Ban Debate, 1945-1963. Stanford, 2007. P. 75.

²⁶³ Blades D.M., Siracusa J.M. A History of U.S. Nuclear Testing and Its Influence on Nuclear Thought, 1945-1963. Lanham, 2014. P. 114-117.

²⁶⁴ Ibid. P. 118-120.

низких доз радиации, другие предупреждали о постепенном разрушении человеческой ДНК и возможном появлении «поколения мутантов». На фоне этих научных споров тема испытаний ядерного оружия стала предметом напряженных общественных дискуссий.

Это стало очевидным в ходе второй предвыборной кампании Эйзенхауэра в 1956 г. Страх перед радиоактивным загрязнением окружающей среды, возникший после испытаний «Касл Браво», превратил эту проблему в одну из центральных в ходе дебатов между Д. Эйзенхауэром и его соперником Э. Стивенсоном. Последний поддержал уже циркулировавшую в экспертном сообществе и группах активистов-антиядерщиков идею моратория на испытания термоядерных бомб и сделал её одним из пунктов своей предвыборной кампании. Учёные, такие как химик Х. Браун, физик У. Селов, сотрудники Массачусетского технологического института и Брукхейвенской национальной лаборатории, открыто поддержали инициативу запрета, что заставило многих американцев по-новому отнестись к последствиям радиоактивных выбросов. Однако выборы выиграл Эйзенхауэр, подчёркивавший необходимость продолжения испытаний нового оружия ради обеспечения безопасности Соединённых Штатов²⁶⁵.

Физик и историк науки С.Р. Уирт отмечал, что уже после победы Эйзенхауэра Белый дом захлестнула волна писем с требованиями ввести мораторий на испытания. Их авторы выражали тревогу за судьбу собственных детей и людей во всём мире, они апеллировали к христианской совести и невозможности поддерживать ядерные испытания с точки зрения христианской веры. Эти письма представляют собой ценный и слабо изученный источник для понимания ядерных страхов в американском обществе ещё до возобновления советских ядерных испытаний и до Карибского кризиса²⁶⁶. Сам Уирт лишь вскользь упоминает эти письма, практически не используя их в рамках своего исследования.

Несмотря на ещё более убедительное поражение на выборах, кампания Стивенсона оказала значительный эффект на антиядерные настроения: тема

²⁶⁵ Weart S.R. The Rise of Nuclear Fear. Cambridge, 2012. P. 96-109; 112-113.

²⁶⁶ Ibid. 112-113.

моратория вышла за пределы узкого круга политиков, учёных и активистов и стала предметом широкой общественной дискуссии, а исследования последствий радиоактивного заражения получили дополнительный стимул.

В рамках предвыборного противостояния Эйзенхауэр оказался в положении, когда ему пришлось публично оппонировать Стивенсону, занижая риски тестов для здоровья американцев и подчёркивая стратегическую необходимость лидерства США в ядерной сфере. Таким образом, сама логика избирательной борьбы на время затруднила открытое признание опасностей, связанных с продолжением испытаний²⁶⁷.

Социологические опросы позволяют увидеть то, как эта тема входила в повестку дня американцев. В 1950-е–1960-е гг. в США проводились замеры общественного мнения по поводу гонки вооружений и ядерных страхов американцев. Однако они были фрагментарными и редко становились предметом систематического анализа. Лишь в 1983 г. вышла статья, посвящённая отношению американцев к ядерному оружию и ядерной войне в период между 1945 г. и 1982 г., авторы которой систематизировали данные опросов, хранившихся в Роуперовском центре изучения общественного мнения. Один из их выводов состоял в том, что проблема ядерных вооружений эпизодически становились темой широкой дискуссии, но главным образом в связи с международными кризисами или техническими прорывами в ядерной сфере. В разделе, посвящённом эмоциональным реакциям, исследователи отмечают, что с 1958 г. по 1982 г. уровень ядерной тревоги вырос. Однако люди, испытывавшие подобные страхи, оставались в меньшинстве²⁶⁸.

Вместе с тем, когда в 1980-е гг. начала разворачиваться кампания за ядерную заморозку, предусматривавшая прекращение производства, хранения и разработки ядерного оружия, американское общество довольно быстро приняло её основные лозунги, несмотря на противодействие со стороны президента Р. Рейгана.

Психолог Р. Лифтон предложил возможное объяснение этой противоречивой динамики. В своих частях книги «Непростительное оружие: политические и

²⁶⁷ Ibid. 22-24.

²⁶⁸ Kramer B.M., Kalick S.M., Milburn M.A. Attitudes Toward Nuclear Weapons and Nuclear War: 1945-1982 // Journal of Social Issues. 1983. Vol. 39. № 1. P. 7-24.

психологические аргументы против нуклеаризма», которую он написал в соавторстве с Р. Фалком, он описал состояние американцев как психическое «ощепенение». Оно позволяло сохранять повседневную рутину, не позволяя тревоге перерасти в постоянную панику, однако и не устраняя фундаментального ощущения бессмысленности этой рутины перед возможностью катастрофы. Согласно Лифтону, страх ядерной войны отличается от привычного страха смерти тем, что он предполагал гибель не одного конкретного человека, а всех, кого он знал и любил²⁶⁹. Гипотеза «ощепенения» может помочь объяснить, почему всплески ядерных страхов наблюдались в американском обществе эпизодически, а не присутствовали постоянно.

Однако эта интерпретация не лишена проблем. Ее критики указывают, что она фактически оправдывает и одновременно предполагает нехватку источников, прямо фиксирующих ядерные страхи: если общество пребывает в оцепенении, то отсутствие свидетельств становится ожидаемым и не требует объяснения. В результате гипотеза оказывается трудно проверяемой, поскольку игнорирует проблему дефицита данных²⁷⁰.

Несмотря на то, что во время выборов 1956 г. оппозиция проведению испытаний ядерного оружия оставалась относительно ограниченной, уже во второй половине 1950-х гг. ситуация стала меняться. В качестве одной из причин можно назвать изменения, произошедшие в способе подачи в СМИ информации об опасных последствиях ядерных испытаний. После окончания Второй мировой войны публичный имидж испытаний курировала АЕС, созданная в 1946 г. для контроля над развитием атомной энергетики в мирное время. Правительство США стремилось убедить общество в необходимости продолжения испытаний, делая акцент, во-первых, на борьбе с коммунистической угрозой, во-вторых, на потенциале «мирного атома», и, в-третьих, на строгих мерах техники безопасности, которые обеспечивали отсутствие риска радиоактивного заражения для населения²⁷¹.

²⁶⁹ Lifton R.J., Falk R. *Indefensible Weapons: The Political and Psychological Case Against Nuclearism*. New York, 1982.

²⁷⁰ Cordle A.D. In *Dreams, In Imagination: Suspense, Anxiety and the Cold War in Tim O'Brien's The Nuclear Age* // *Critical Survey*. 2007. Vol. 19. № 2. P. 101-120.

²⁷¹ Titus A.C. *Bombs in the Backyard: Atomic Testing and American Politics*. Reno; Las Vegas, 2001. P. 70.

В 1951 г. испытания перенесли на полигон в Неваде, расположенный сравнительно недалеко от густонаселённых районов страны. Это неизбежно привлекло внимание прессы. Часть журналистов начала задаваться вопросом, насколько на самом деле безопасны взрывы в таком месте. Одновременно с этим в массовой культуре росла популярность фильмов и книг о потрясающих воображение последствиях выброса радиации для людей, животных и насекомых²⁷². Обеспокоенная реакцией публики, АЕС развернула широкую пропагандистскую кампанию, призванную убедить американцев в полной безопасности испытаний. Значительная часть прессы поддержала эту линию, опираясь на высокий уровень доверия к Комиссии и военным экспертам.

Переломным моментом стала уже упомянутая серия термоядерных испытаний на атолле Бикини 1 марта 1954 г. и история японского рыболовецкого судна «Фукурю-Мару», команда которого подверглась сильному радиационному воздействию вследствие чего у ее членов вскоре проявились симптомы острой лучевой болезни. 31 марта председатель АЕС Штраусс публично заявил, что испытания проходили под полным контролем, а судно якобы зашло в заранее обозначенную опасную зону. В действительности термоядерный взрыв оказался гораздо более мощным, чем ожидалось, и радиоактивные осадки распространились далеко за пределы объявленной зоны. Несоответствие официальных комментариев и фактов подорвало доверие к заявлениям властей о безопасности²⁷³.

Одновременно обострились и научные споры. Нобелевский лауреат по физиологии и медицине Г. Мюллер утверждал, что даже небольшие дозы излучения могут приводить к значительным генетическим повреждениям. Параллельно группа экспертов Национальной академии наук США настаивала на низком уровне радиации после испытаний, который не должен был нанести серьёзный вред здоровью населения. Для широкой публики эти расхождения экспертных мнений

²⁷² Rose K.D. One Nation Underground: The Fallout Shelter in American Culture. New York, 2004. P. 38-62.

²⁷³ Hewlett R.G., Holl J.M. Atoms for Peace and War, 1953-1961: Eisenhower and the Atomic Energy Commission. Berkeley; Los Angeles; London, 1989. P. 177.

лишь усиливали тревогу: на фоне разногласий специалистов американцам приходилось самим решать, кому верить²⁷⁴.

В ответ на усиление тревог и страхов в обществе администрация Эйзенхауэра пыталась представить ядерное оружие как «обычное», но самое мощное в современном военном арсенале. Так 16 марта 1955 г. Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции, что Соединённые Штаты рассматривают возможность применения тактического ядерного оружия наравне с обычными боеприпасами: «точно такими же, как пуля или любое другое средство»²⁷⁵. Перед ним стояла задача примирить американцев с идеей, что атомные бомбы могут восприниматься как конвенциональное оружие, инструмент сдерживания и ведения войны, а не исключительно как средство тотального уничтожения.

Параллельно в Соединенных Штатах начали возникать организации, выступавшие за мир и ограничение ядерных испытаний. Их выступления становились всё более заметными в медийной среде и публичной политике. Одним из поворотных моментов стала информация о радиоактивном загрязнении продуктов питания, прежде всего, молока. В 1956 г. начали поступать сообщения о том, что в результате ядерных выбросов на территории США в молоко попадает радиоактивный стронций-90. Эта новость вызвала особое беспокойство среди матерей, для которых ежедневное употребление молока детьми воспринималось как необходимое условие здорового роста ребенка²⁷⁶.

Ещё более тревожной для родителей оказалась инициатива, направленная на сбор научных данных о последствиях выпадения радиоактивных осадков. В 1958 г. доктор Г.М. Калькар предложил проект «Международного наблюдения за радиацией в молочных зубах» и обратился к родителям, школам и стоматологическим кабинетам с просьбой присылать выпавшие детские зубы. Стронций-90 по своим химическим свойствам близок к кальцию и, попадая в организм, встраивается в

²⁷⁴ Weart S.R. *Nuclear Fear: A History of Images*. Cambridge (Mass.); London, 1988. P. 199-201.

²⁷⁵ Editorial Note // *Foreign Relations of the United States, 1955–1957*. Vol. XIX: National Security Policy / Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v19/d15> (дата обращения: 18.08.2026).

²⁷⁶ Boyer P.S. *By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age*. Chapel Hill, 1994. P. 352; Weart S.R. *Nuclear Fear: A History of Images*. Cambridge (Mass.); London, 1988. P. 183-184.

костную ткань и зубы, что делает его удобным индикатором накопленной дозы радиации. Международного масштаба проект не достиг, но на территории США он быстро набрал обороты. Беспокойство родителей и их активное участие в программе привели к тому, что исследователи начали получать сотни зубов в неделю. К моменту завершения программы в 1970 г. было собрано более 320 тысяч образцов. Анализ показал, что между 1951 г. и 1963 г. содержание стронция-90 в детских зубах выросло в 30 раз²⁷⁷.

Строго говоря, эти данные ещё не являлись прямым доказательством вреда для здоровья: влияние таких отложений на организм ребёнка тогда оставалось малоизученным. Однако для родителей по всей стране сам факт фиксируемых изменений стал убедительным свидетельством того, что последствия испытаний материальны и отражаются на организме детей, причём вне зависимости от удалённости их места жительства от Невады, социального статуса или расы. В этом смысле стронций-90 метафорически «уравнил» американцев, продемонстрировав, что радиоактивные осадки игнорируют социальные и географические границы²⁷⁸. Если опасения за детей оказались оправданными, то и остальные страхи, связанные с Атомным веком, могут подтвердиться.

В конце марта 1958 г. СССР завершил очередную серию термоядерных испытаний и объявил об одностороннем прекращении дальнейших взрывов. 28 апреля того же года США начали первую фазу операции «Хардтак-1», а в июне Штраусс ушёл с поста председателя АЕС. Это произошло отчасти на фоне критики после запуска «Спутника-1», отчасти из-за его кампании против Р. Оппенгеймера, руководителя Манхэттенского проекта, в рамках которого были разработаны первые образцы ядерного оружия. В августе завершилась серия высотных испытаний «Аргус», после чего 22 августа 1958 г. Эйзенхауэр объявил о добровольном моратории на ядерные испытания сроком на год с момента начала международных переговоров по данному вопросу²⁷⁹. 31 октября 1958 г. США, СССР и Великобритания установили временный мораторий на ядерные испытания

²⁷⁷ Kalckar H.M. An International Milk Teeth Radiation Census // *Nature*. 1958. Aug. 2. Vol. 182. № 4631. P. 283-284.

²⁷⁸ Rice J. *Downwind of the Atomic State: Atmospheric Testing and the Rise of the Risk Society*. New York, 2023. P. 250-251.

²⁷⁹ *Ibid.* P. 260.

одновременно с началом переговоров в Женеве. Причем мораторий был не результатом международно-правового акта, а жестом доброй воли, и не предусматривал внешних инспекций, что объясняло его недолговечность.

Таким образом, ядерные испытания в 1950-е гг. были не только элементом военного и идеологического соперничества США и СССР, но и фактором, оказывавшим непосредственное влияние на эмоциональный климат американского общества. Ядерная угроза постепенно переставала восприниматься как абстракция. Она ассоциировалась и с возможностью войны на территории самих США, и с радиоактивным загрязнением окружающей среды, и с продуктами питания и здоровьем детей. Страх перед атомной войной не всегда выражался в открытой панике или последовательном антиядерном протесте, однако он проявлялся в письмах граждан президенту, научных дискуссиях, росте недоверия к заявлениям АЕС и готовности родителей участвовать в исследованиях ядерных осадков.

Вместе с тем реакция американского общества была противоречивой. Значительная его часть продолжала принимать аргументы о стратегической необходимости испытаний и сдерживании Советского Союза, а государство стремилось представить ядерное оружие одновременно гарантией безопасности и управляемым, контролируемым военным инструментом. Однако последствия испытаний, особенно испытания «Касл Браво» на атолле Бикини, а также обнаружение стронция-90 в детских зубах постепенно разрушали представление о том, что атомные взрывы могут быть полностью безопасны для населения. В этих условиях мораторий 1958 г. стал не только результатом международных переговоров и изменения внутривнутриполитического баланса в администрации Эйзенхауэра, но и ответом на усиливавшееся в обществе сомнение в оправданности продолжения ядерных испытаний.

2.2. Формирование и деятельность антиядерной оппозиции в США

Для того, чтобы реконструировать эмоциональный климат 1950-х гг. и продемонстрировать влияние ядерных страхов на формирование идентичности американцев, необходимо к трем ключевым акторам, оказывавшими воздействие на политику в области использования атомной энергии – Комиссии по атомной энергии (АЕС), Объединённому комитету начальников штабов США (ОКНШ) и Объединённому комитету Конгресса США по атомной энергии (ОККАЭ) добавить еще одного – общественную оппозицию ядерному оружию. Ее представители объединяются в единую группу при помощи разделяемых ими ценностей и эмоций, не формируя при этом какого-либо монолитного протестного движения. Речь идет об учёных, врачах, журналистах, политиках и активистах, которые, прежде всего, ценили человеческую жизнь, главенствующую над политическими и идеологическими ценностями. Они также разделяли страхи перед долгосрочными негативными последствиями ядерных испытаний и перед потенциальным уничтожением человечества в ходе ядерного Армагеддона и прилагали максимальные усилия, чтобы препятствовать как первому, так и второму. Для этого оппозиция против ядерного оружия предпринимала попытки мобилизовать общественное мнение и оказать давление на политиков.

Важнейшим инструментом этой мобилизации, помимо распространения научной информации, стала трансляция ядерных страхов и тревог, направленная на формирование эмоциональной группы, оппозиционной испытаниям ядерного оружия в военных целях. Таким образом, общественные деятели, журналисты и ученые наряду с политиками, апеллировавшими к их аргументам, и журналами, предоставлявшими им возможность для выражения этих оппозиционных взглядов, становились элементами эмоциональной инфраструктуры, с помощью которых описанные выше страхи и тревоги могли обрести политический потенциал и трансформироваться в политические действия.

Противников ядерных испытаний было достаточно много, чтобы описать их всех в рамках данного диссертационного исследования. Поэтому следует

остановиться на одной из центральных фигур этой сети Нормане Казинсе, политическом журналисте, борце за мир, будущем участнике разработки текста Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 г., а также главном редакторе журнала “Saturday review of literature”, популярного среди либеральной интеллектуальной элиты. Характеристика деятельности Казинса позволяет представить основные этапы развития общественной оппозиции ядерному оружию в США в 1950-е – начале 1960-х гг.

О Казинсе как о борце за мир и антиядерном активисте написано не так много. Главными работами по этой теме являются книги А. Пьетробона²⁸⁰ и книга Дж. Уорнера и М. Шумана²⁸¹, в которой одна из глав посвящена Казинсу. Эти монографии важны для автора диссертации в фактологическом плане. Тем не менее, особый интерес для него представляют интерпретации деятельности Казинса не просто как борца за мир, а как связующего звена между группами американского общества и как человека, направляющего общественные страхи в политическое русло.

Считается, что выражение Атомный век родилось в статьях Г.М. Дэвиса, журналиста “New York Times”. 12 августа вышла его статья, упоминающая Атомный век в заголовке²⁸². 18 августа того же года, после ядерной бомбардировки Хиросимы, Казинс подхватил это выражение в своём знаковом редакционном тексте «Современный человек устарел»²⁸³. Он писал о том, что ядерное оружие не только закончило Вторую мировую войну, но и может стать причиной новой, еще более страшной войны, а также об универсальных страхах и подозрениях. С самого начала Казинс высказывал альтернативную точку зрения на новое оружие, видя в нем угрозу для всего мира.

«Современный человек устарел» стал текстом, который на протяжении многих лет сохранял свою актуальность. За последовавшую после публикации неделю в

²⁸⁰ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. 440 p.

²⁸¹ Warner G., Shuman M.H. Citizen Diplomats: Pathfinders in Soviet-American Relations — and How You Can Join Them. New York, 1987. P. 157-188.

²⁸² Davis H.M. We Enter a New Era – the Atomic Age // The New York Times. 1945. Aug. 12. P. 5; 41 // TimesMachine. URL: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1945/08/12/305956812.html?pageNumber=112> (дата обращения: 31.08.2026).

²⁸³ Cousins N. Modern Man Is Obsolete // Saturday Review of Literature. 1945. Aug. 18. P. 5-9.

редакцию пришло 150 писем читателей, которых задела за живое эта статья. Авторы многих из них просили выпустить номер дополнительным тиражом, чтобы они смогли послать статью друзьям, родственникам и своим представителям в Конгрессе. Меньше чем через месяц после публикации Казинс извинился перед читателями и сообщил, что печатные станки работают на пределе своих возможностей, так как он получил около 35 тыс. запросов на допечатку. На тот момент у “Saturday review of literature” было всего 22 тыс. подписчиков. Через некоторое время к Казинсу обратилось издательство «Викинг пресс» и предложило расширить первоначальный текст статьи до полноценной книги, которая в итоге выдержала четырнадцать изданий и которую прочитали 40 миллионов человек по всему миру²⁸⁴.

Среди читателей «Современного человека» оказался А. Эйнштейн, пожелавший немедленно встретиться с Казинсом и убедить его в необходимости быть ещё более жёстким по отношению к ядерному оружию в редакционных текстах. В результате, начиная с 1945 г., Казинс систематически использовал свой журнал для критики американских ядерных проектов и для призывов к контролю над использованием атомной энергии как в военных, так и в мирных целях. На тот момент “Saturday review of literature” было единственным подобным изданием, поэтому оно предоставляло свои страницы учёным-ядерщикам, критиковавшим ядерные исследования.

Это подтолкнуло Казинса к участию в кампании по сбору средств для создания журнала бывших участников Манхэттенского проекта, в котором ученые могли бы открыто выступать против ядерной угрозы. В результате появился журнал «Бюллетень учёных-атомщиков», первый выпуск которого вышел в декабре 1945 г., а с 1947 г. началось постоянное издание новых номеров. В 1960-е гг. журнал получил широкую известность благодаря «Часам судного дня» – символической метафоре, отмечающей уровень ядерного напряжения во всем мире. «Часы» стали важной частью эмоциональной инфраструктуры, помогая транслировать опасения ученых на широкую аудиторию, формируя антиядерную группу. Жертвуя крупные суммы из

²⁸⁴ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. Pp. 10-12.

личных средств и помогая собирать деньги, Казинс также оказывал поддержку Федерации американских учёных, которая продвигала идею ответственности ученых за то, чтобы плоды их работы использовались на благо человечества²⁸⁵. Таким образом, к началу 1950-х гг. Казинс оказался в центре неформальной группы интеллектуалов, выступавших за ограничение ядерного оружия.

В августе 1952 г. накануне президентских выборов Казинс написал ещё одну редакционную колонку, привлёкшую внимание американцев. Он структурировал текст как речь кандидата в президенты, который обращается к избирателям и выразил опасения той части американцев, которая выступала против ядерного оружия или начинала склоняться к этому: «Наше глобальное сообщество не имеет организации как таковой, но от этого не перестаёт им быть. Мы населяем одну планету. Эта планета сделала нас соседями. У нас есть общие потребности, общая опасность, общие надежды, общие страхи. Это центральная тема нашего времени; это то, что отличает XX век от всех предыдущих веков. Семейство людей началось с единой ячейки и разрослось на разные территории, пересекло последний фронт и снова собралось в единую ячейку. Станет ли эта ячейка, это сообщество соседей безопасным местом для человечества?»²⁸⁶

Кандидат в президенты от демократов Стивенсон как раз находился в поисках цели, к которой можно было бы вести американцев. Он вдохновился идеями колонки и захотел привлечь Казинса к своей предвыборной компании²⁸⁷. Несмотря на то, что выборы закончились убедительной победой Д. Эйзенхауэра, Стивенсон, однако, не опустил руки после поражения. Он начал готовиться к следующим выборам, для чего он в том числе обратился за советом к Казинсу, которому участие в предвыборной кампании придало уверенность в правильности выбранного им пути. После окончания кампании он принял решение сменить название своего журнала с «Субботнего обозрения литературы» на «Субботнее обозрение» для того, чтобы

²⁸⁵ Ibid C. 32-34.

²⁸⁶ Cousins N. Speech for a Presidential Candidate // Saturday Review of Literature. 1952. Aug. 2. P. 22.

²⁸⁷ Pietrobbon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. Pp. 85.

обратить внимание читателей на переход от исключительно культурной ориентации издания к освещению проблем политики и международных вопросов²⁸⁸.

За счет активного участия Стивенсона и других демократов эмоциональная инфраструктура разрасталась: теперь противники ядерного оружия могли не только аккумулировать общий тревожный фон и формировать общественные настроения, но и интегрировать их в реальную политическую борьбу.

В 1953 г., когда президент Эйзенхауэр объявил программу «Атом для мира», но не остановил разработку водородной бомбы, отдавая приоритет ядерному оружию перед обычным, Н. Казинс увидел в этом еще большую опасность для всего человечества. Он полагал, что сведение средств военной защиты к использованию ядерного оружия лишало американскую внешнюю политику маневренности и увеличивало шансы на то, что, планируя атаку на США, противник тоже будет использовать ядерное оружие. В 1954 г. он перешел от борьбы за контроль над ядерным вооружением к попыткам добиться полного разоружения. По его мнению, США вышли на тот этап гонки вооружений, когда ядерная политика перестала быть национальной, став вместо этого не просто международной, но и затрагивающей моральные и этические ориентиры.

В начале 1950-х гг. АЕС уже обладала информацией о влиянии ядерных выбросов на здоровье человека, но среди персонала существовало мнение, что американцам нужно смириться с ядерными осадками как с новой нормой жизни. Тогда же Федеральное управление гражданской обороны США (ФУГО США) начало разрабатывать и распространять через прессу и радиопередачи протоколы действий в случае ядерной атаки со стороны СССР. ФУГО предоставляло прессе готовые статьи и редакционные материалы для облегчения их задачи, тем самым стирая границы между результатами деятельности свободной прессы и прогосударственной пропагандой²⁸⁹. Вера прессы в авторитет ФУГО и состоявших в нем учёных толкала многие издания к бездумному перепечатыванию предоставляемых им текстов без необходимой критической рефлексии.

²⁸⁸ Ibid. Pp. 88-89.

²⁸⁹ Ibid. P. 101.

Однако после испытаний «Касл Браво» на атолле Бикини 1 марта 1954 г. ситуация начала меняться. АЕС и поддерживающие её СМИ пытались минимизировать недочёты в расчётах того, какого размера территория вокруг взрыва станет опасной для жизни и насколько действительно опасна радиация. Им стали парировать учёные. Через несколько месяцев после «Касл Браво» физик-ядерщик Р.Э. Лэпп опубликовал статью в «Бюллетене учёных-ядерщиков» под названием «Гражданская оборона сталкивается с новой угрозой». Лэпп настаивал на необходимости рассекретить реальную информацию об опасности ядерных осадков для того, чтобы организации гражданской обороны на местах могли подготовиться к последствиям ядерного удара: «Федеральной администрации гражданской обороны необходимо предоставить доступ к засекреченным данным о радиоактивных осадках. Кроме того, агентство должно иметь возможность интерпретировать эти данные или «дезинфицировать», чтобы дать американскому народу реалистичное представление о радиационной опасности. Местные сообщества не должны действовать вслепую, нельзя также ставить их в положение, при котором они вынуждены получать информацию из газетных сообщений»²⁹⁰.

В 1955 г. этот текст вдохновил британского философа и математика Б. Рассела на создание антивоенного манифеста, который получил название «Манифест Рассела-Эйнштейна». Последний успел подписать его незадолго до своей смерти, так что документ стал последним публичным политическим заявлением Эйнштейна. Всего под документом подписалось одиннадцать учёных и интеллектуалов. Манифест был написан от лица всего человечества, а не конкретных стран или народов, и нацелен на предотвращение его уничтожения: «Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всём остальном. Если вы сможете сделать это, то перед вами открыт путь в новый рай; если вы этого не сделаете, то – перед вами опасность всеобщей гибели»²⁹¹. Манифест был обнародован 9 июля 1955 г. в Лондоне в огромном зале, полностью забитом людьми, в том числе журналистами, представлявшими разные печатные

²⁹⁰ Lapp R.E. Civil Defense Faces New Peril // Bulletin of the Atomic Scientists. 1954. Vol. 10. № 9. P. 351.

²⁹¹ Манифест Рассела-Эйнштейна, 1955 г. // Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН. URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>. (дата обращения: 10.08.2026).

издание, радио и телевидение²⁹². Благодаря этому манифест получил мировую известность и сделал ядерную угрозу предметом международного обсуждения.

Испытание водородной бомбы на атолле Бикини стало причиной ещё одного международного манифеста. Как говорилось выше, из-за неправильных расчётов радиуса поражения ядерными осадками пострадала команда рыболовного судна «Фукурю-мару». Мало того, что жертвами ядерного взрыва снова стали японцы, что актуализировало травму Второй мировой войны, параллельно местные врачи обратились к прессе с критикой «Комиссии по учёту последствий атомных взрывов». Комиссия была учреждена для исследований последствий воздействия радиации на жертв в Хиросиме и Нагасаки. Японские врачи обращались к комиссии за необходимой для лечения пострадавших информацией, однако работники комиссии отказались их консультировать, сославшись на занятость исследованиями. После облучения команды «Фукурю-Мару» японские врачи и учёные добивались информации о составе выпадений и способах лечения лучевой болезни, но власти США ограничивали её передачу, ссылаясь на требования секретности, так как раскрытие изотопного состава осадков могло раскрыть устройство термоядерного заряда²⁹³.

Это событие придало дополнительный импульс антиядерным настроениям, позволив связать в единую цепь событий ядерные бомбардировки японских городов в 1945 г. с современными испытаниями термоядерного оружия. Для этого активисты использовали не только научные статьи и манифесты, но и эмоционально нагруженные визуальные образы, которые начали появляться в американской прессе в начале 1950-х гг.

До 1952 г. в американской прессе нельзя было публиковать фотографии последствий ядерных взрывов с живыми или мёртвыми людьми, поэтому главными образами ядерных разрушений стали грибовидные облака и разрушенные здания без людей. В апреле 1952 г. начал действовать Сан-Францисский мирный договор,

²⁹² Rotblat J. The Russell-Einstein Manifesto // Pugwash Newsletter. 1985. № 2. P. 1-4.

²⁹³ Okuaki S. How Japanese Scientists Confronted the U.S. and Japanese Governments over Radiation Research after the Lucky Dragon Incident // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2019. Vol. 17. № 17 [Электронный ресурс]. URL: <https://apjif.org/2019/17/okuaki>. (дата обращения: 18.08.2026).

закончилась оккупация Японии, а вместе с ней и военный контроль над японской прессой. Тогда же и в американской прессе начинают появляться до того запрещённые визуальные материалы²⁹⁴.

В сентябре 1952 г. журнал “Life” опубликовал снимки японских фотографов, на которых крупным планом были изображены люди, пострадавшие от атомных бомбардировок²⁹⁵. В ответ “Life” получил большое количество писем от американцев, осознавших вину за причинённый жителям Хиросимы и Нагасаки ущерб. Яркий эмоциональный всплеск вскоре пошел на убыль, внимание американцев переключилось на другие темы, но представление об опасности использования атомной энергии дополнилось пугающими изображениями конкретных людей, пострадавших от ядерной энергии. Таким образом, термоядерные испытания на атолле Бикини интегрировались в данный эмоциональный контекст.

За год до них, в 1953 г., Казинс в очередной раз посетил Японию и встретился с преподобным Танимото, взявшим под опеку группу девушек, пострадавших в ядерной бомбардировке Хиросимы. Девушки, как и другие выжившие, не получали должной медицинской помощи. Японские врачи не умели оказывать помощь пострадавшим от радиации, так что они оказались предоставлены самим себе. Несмотря на большую занятость, Казинс занялся организацией помощи 25 молодым женщинам, которые получили в американской прессе прозвище «хиросимские девы»²⁹⁶.

Государственный департамент США первоначально дал согласие на оказание им помощи, но после испытаний «Касл Браво» его сотрудники испугались реакции японской и международной прессы, которая могла поставить под угрозу усилия, направленных правительством США на «очищение» атома от ассоциаций со смертью и разрушениями.

²⁹⁴ Dower J.W. The Bombed: Hiroshimas and Nagasakis in Japanese Memory // Diplomatic History. 1995. Vol. 19. № 2. P. 275-295.

²⁹⁵ Mitchell G. Hiroshima Film Cover-up Exposed: Censored 1945 Footage to Air // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2005. Vol. 3. № 8. URL: <https://apjpf.org/greg-mitchell/1554/article>. (дата обращения: 07.08.2026).

²⁹⁶ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 104-105.

Американское внешнеполитическое ведомство попыталась заблокировать приезд «хиросимских дев», нуждавшихся в пластических операциях на лице и теле, однако отменить поездку не удалось благодаря генералу Дж.Э. Халлу, главнокомандующему Дальневосточным регионом США, который проигнорировал телеграмму с приказом отменить вылет военного самолёта с девушками. Халл получил приказ уже на взлётной полосе и принял решение «прочитать» сообщение позже в своём кабинете²⁹⁷. Таким образом, в мае 1955 г. «хиросимские девы» всё же оказались в Соединенных Штатах. В связи с их приездом эмоциональная реакция американского общества стала выстраиваться вокруг чувства вины. Многие люди, писавшие в журнал “Life” после публикаций фотографий жертв ядерной бомбардировки в 1952 г., с готовностью принимали «хиросимских дев» у себя дома на время их пребывания в Соединенных Штатах²⁹⁸.

Американская пресса проявляла повышенный интерес к приезду девушек и их лечению. Казинс стремился подпитывать этот интерес, договорившись о нескольких интервью на телевидении и в прессе. Государственный департамент США был крайне недоволен освещением этого вопроса в СМИ. 2 июня 1955 г. помощник государственного секретаря США по делам Дальнего Востока У. Робертсон провел встречу с Казинсом, на которой убеждал его не использовать «хиросимских дев» в антиядерной пропаганде, поскольку в ведомстве опасались развития антиядерных настроений в США. Казинс понимал, что визы девушек могут быть отозваны, поэтому пообещал ограничить их взаимодействие со СМИ и не писать собственные критические тексты в «Субботнем обозрении», однако выразил уверенность в том, что их пребывание в Америке способно приблизить всеобщий мир²⁹⁹.

Несмотря на обещания Казинса, историки не нашли свидетельств того, что Казинс выполнил свои обещания³⁰⁰. Как пишет Р. Джейкобс, пресса писала о «хиросимских девах» много и охотно, создавая образ застенчивых детей, которым

²⁹⁷ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 114.

²⁹⁸ Mitchell G. Atomic Cover-up: Two U.S. Soldiers, Hiroshima & Nagasaki and the Greatest Movie Never Made. New York, 2012. P. 9.

²⁹⁹ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 116-117.

³⁰⁰ Помимо указанной литературы особое внимание можно обратить на книгу: Martin M.G. The Hiroshima Maidens: A Story of Courage, Compassion, and Survival. Boston, 2015. В книге приведено много фактологии по пребыванию «хиросимских девушек» в США и его освещению СМИ.

была нужна защита и помощь. В прессе смаковались подробности об их «смешных» ошибках в английском языке, непонимании особенностей американской потребительской культуры, дешёвой и мешковатой одежде, которую им быстро помогли сменить на модные наряды. Японских девушек стремились интегрировать в привычную среду социальной жизни американской женщины, устремления которой сводились к красивой одежде, ухоженному внешнему виду, хороших перспективах для удачного замужества. Язык, которым описывалось лечение девушек, сглаживал все острые углы. Пластические операции описывались как косметические, необходимые для заключения брака, а не полноценной жизни без боли и ограничений. Пребывание в США было не вынужденным последствием травм, полученных в результате американской ядерной бомбардировки, а возможностью увидеть развитое общество потребления и безграничных возможностей³⁰¹. Таким образом, описанная в предыдущей главе концепция «американского образа жизни», которая была напрямую связана с пониманием американцами Себя и своего места в мире, вновь оказалась в центре внимания прессы.

Истинными благодетелями «хиросимских дев» выступали высококвалифицированные американские врачи, образ которых помогал транслировать превосходство США в науке и медицине. Акцент делался не на последствиях использования ядерного оружия, а на целительной силе медицины. Вместе с тем далеко не все представители СМИ решались показать аудитории масштаб повреждений, нанесенных девушкам атомными бомбардировками. Так, в их первое появление на телеэкранах в шоу «Это твоя жизнь», их расположили за мутной перегородкой, которая позволяла увидеть только их силуэты³⁰².

По итогу поездки, которая продлилась с мая 1955 г. по июнь 1956 г. для одной части группы и по ноябрь 1956 г. для оставшихся девушек, собрали около 175 тыс. долларов пожертвований. И это с учётом того, что большая часть операций была

³⁰¹ Jacobs R. Reconstructing the Perpetrator's Soul by Reconstructing the Victim's Body: The Portrayal of the "Hiroshima Maidens" by the Mainstream Media of the United States // *Intersections: Gender and Sexuality in Asia and the Pacific*. 2010. № 24. URL: <https://intersections.anu.edu.au/issue24/currier.htm>. (дата обращения: 07.08.2026).

³⁰² Ibid.

проведена бесплатно, а проживание и питание девушкам обеспечивали семьи, которые приняли их по доброй воле и без оплаты. Оставшиеся деньги были перечислены на помощь другим жертвам Хиросимы и Нагасаки. Сыгравший ключевую роль в организации поездки Казинс получил за время проекта около 25 тыс. писем из США и из заграницы, в которых авторы благодарили его за работу и выражали сочувствие и вину за причиненные девушкам увечья³⁰³. Вместе с тем, к 1956 г. тираж «Субботнего обозрения» перевалил за 190 тыс. экземпляров³⁰⁴.

Таким образом в очередной раз сложились условия, когда одна часть общества воспринимала приезд «хиросимских дев» с точки зрения нанесенного им ущерба, а другая – могла сосредоточиться на официальном дискурсе, в рамках которого основное внимание уделялось помощи, оказанной им в США. Американцы, испытывавшие страх перед ядерным оружием и видевшие в нем угрозу человечеству, глядя на обожжённые лица «хиросимских дев» получали дополнительное подтверждение своим опасениям. Если же в их иерархии ценностей научное превосходство США и развитое общество потребления стояли выше, а страх перед ядерным оружием был недостаточно выраженным, то фокус смещался на результаты их поездки, преобразившие девушек.

В августе 1956 г. на волне успеха проекта «хиросимских дев», Казинс написал редакционную колонку под названием «Подумайте о человеке»³⁰⁵, приурочив её к одиннадцатой годовщине бомбардировки Хиросимы. В этом тексте он повторял многие идеи Лэппа и «Манифеста Рассела-Эйнштейна». Казинс писал о радиации как о чём-то, что угрожает самой жизни и продолжает наносить вред и после первоначального акта насилия – взрыва бомбы. Более того, радиация не знает географию и не уважает границы государств, тем самым угрожая и не вовлечённым в конфликт странам.

Статья «Подумайте о человеке» произвела большое впечатление на читателей и других журналистов. Через два дня после публикации статьи, Казинс получил письмо от президента Эйзенхауэра, который похвалил текст и сообщил, что

³⁰³ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 118.

³⁰⁴ Ibid. P. 99.

³⁰⁵ Cousins N. Think of a Man // Saturday Review. 1956. Aug. 4. P. 9-14.

разделяет выраженные в нем взгляды на мир и ядерное оружие, что он и сам стремится продемонстрировать американскому народу необходимость мира³⁰⁶. В контексте пропагандистской деятельности АЕС, это заявление удивило Казинса, но позволило ему использовать этот прецедент для продолжения переписки с президентом.

Благодаря этой редакторской колонке с Казинсом также связались учёные из Вашингтонского университета в Сент-Луисе и пригласили его для того, чтобы познакомить с результатами своей научной деятельности. Группа во главе с биологом Б. Коммонером изучала влияние ядерных выбросов на человеческий организм. Учёные продемонстрировали результаты исследований почвы недалеко от Чикаго, которые подтвердили содержание стронциума-90 и объяснили, что существует угроза заражения овощей, выращиваемых на этой почве, и молока коров, пасущихся на пастбищах в пределах заражённой территории. Кроме того, они обследовали зубы студентов Сент-Луиса и обнаружили повышенное содержание того же стронция-90.

Речь идёт о том самом проекте, который обсуждался в предыдущем параграфе. В 1958 г. Б. Коммонер создал Комитет Сент-Луиса по ядерной информации. В его задачи входило информирование общества в доступной форме по поводу того, что радионуклиды, выбрасываемые в атмосферу в ходе ядерных испытаний, попадают в пищевые цепи и тело человека³⁰⁷.

Получив очередные доказательства радиоактивного заражения, Казинс с энтузиазмом подключился к предвыборной кампании Э. Стивенсона в 1956 г. Он писал ему черновики предвыборных речей, в которых говорилось о вреде ядерных отходов для здоровья людей и окружающей среды.

Таким образом, в середине 1950-х гг. эмоциональная инфраструктура, которая объединяла разрозненные научные группы, публицистические издания, политиков в одну сеть и придавала ядерным страхам и тревогам американцев политический потенциал, все более расширялась.

³⁰⁶ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 124.

³⁰⁷ Metcalf A.S., Quatrano R.S. A Brief Early History of Plant Science in St. Louis and the Partnership between Washington University and the Missouri Botanical Garden // *Annals of the Missouri Botanical Garden*. 2021. Vol. 106. P. 68. URL: <https://annals.mobot.org/index.php/annals/article/download/647/584/>. (дата обращения: 08.08.2026).

Постепенно эта инфраструктура пересекла границы Соединённых Штатов, расширив свой состав за счет акторов из других стран. Уже к середине 1950-х гг. в ней принимали участие британские ученые, такие как Бертран Рассел, а также японские врачи, «хиросимские девы» и пострадавшие от испытаний японские моряки, образы которых стали эмоциональными символами ядерной угрозы.

В последующие годы сеть расширялась, в том числе и за счет акторов из Советского Союза, образ которого в США продолжал трансформироваться. Так, в 1954 г. Всемирная федерация научных работников поставила перед собой задачу организовать международную конференцию учёных для обсуждения угрозы ядерного оружия. «Манифест Рассела-Эйнштейна» 1955 г. послужил финальным толчком в этом направлении. В июле 1957 г. в канадском городке Пагуош, встретились учёные из разных стран мира, включая СССР и США, для обсуждения возможных способов контроля над ядерным оружием и опасностей его применения. После этого оформилось Пагуошское движение учёных, позволившее вести неофициальный экспертный диалог между учёными по обе стороны железного занавеса³⁰⁸. Первая конференция на территории СССР прошла в 1960 г. в Москве, тема звучала как: «Разоружение и международная безопасность»³⁰⁹.

После поражения Стивенсона на выборах 1956 г. Казинс опубликовал редакционную колонку «Это лишь вопрос морали», в которой он подчеркивал: «Воздух вокруг нашей планеты не принадлежит ни нам, ни Советскому Союзу. Он принадлежит всему человечеству, населяющему планету Земля»³¹⁰. По совету премьер-министра Индии Дж. Неру, с которым Казинса связывала дружба, он обратился к лауреату Нобелевской Премии Мира доктору А. Швейцеру.

В то время Швейцер руководил больницей на территории нынешней Габонской Республики, куда Казинс отправился в январе 1957 г. Под влиянием встречи с Казинсом Швейцер решил действовать. В апреле 1957 г. он зачитал в радиозфире, транслировавшимся в 50-ти странах, текст своей «Декларации

³⁰⁸ Егорова Н. И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М., 2016. С. 159-169.

³⁰⁹ Петрова Т. М. Пагуошская конференция 1960 года в Москве в контексте культурной дипломатии Советского Союза // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 4. С. 1367-1383.

³¹⁰ Cousins N. It's Only Moral // *Saturday Review*. 1956. Nov. 10. P. 22.

Совести», в которой он рассказал об угрозе со стороны ядерных осадков всему миру. Хотя декларация Швейцера привлекла внимания всего мира, в Соединённых Штатах её не передала ни одна радиостанция, а из крупных газет коротко упомянула только газета “New York Times”.

«Субботнее обозрение» стало единственным американским изданием, разместившим полный текст «Декларации Совести» на своих страницах. Позже Казинс писал, что получил наибольшее количество запросов на допечатку, чем когда-либо до этого. Представители АЕС выступили с опровержением позиции Швейцера, которое Казинс напечатал в своём журнале вместе с ответом уже другого учёного – химика Г. Брауна³¹¹. Давление ученых оказало эффект: всего лишь месяц спустя Конгресс США создал специальный подкомитет для изучения влияния радиоактивных осадков на людей³¹².

В том же месяце, в котором вышла «Декларация Совести», Л. Скотт, секретарь Американского комитета «Друзей на службе обществу» связался с Казинсом и К. Пикеттом, квакерским деятелем-пацифистом, и предложим им вместе создать организацию, которая могла объединить ведущих антиядерных активистов. Так в октябре 1957 г. появился Комитет за разумную ядерную политику (SANE), первыми сопредседателями которого стали Казинс и Пикетт³¹³. Целями комитета стало прекращение атмосферных ядерных испытаний, ограничение гонки вооружений и налаживание диалога с Советским Союзом.

15 ноября 1957 г. Комитет за разумную ядерную политику опубликовал рекламу на целую страницу с заголовком «Мы стоим перед проблемой, не похожей ни на одну другую...»³¹⁴. В тексте рекламы объяснялись цели организации и прилагались два купона. Один из них был с текстом обращения к президенту Эйзенхауэру с просьбой прекратить ядерные испытания и передать инспекцию ядерного оружия и полигонов, а также ракеты и космические спутники под контроль

³¹¹ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 131-134.

³¹² Ibid. P. 137.

³¹³ Wittner L.S. Resisting the Bomb: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1954-1970. Stanford, 1997. Pp. 51-59.

³¹⁴ We Are Facing a Danger Unlike Any Other Danger That Has Ever Existed... [Advertisement] // The New York Times. 1957. Nov. 15. P. 15. URL: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1957/11/15/issue.html?login=email&auth=login-email>. (дата обращения: 10.08.2026).

ООН. Второй купон был адресован комитету и давал возможность пожертвовать ему деньги, узнать, есть ли ячейка комитета поблизости от тебя и получать дополнительную информацию о комитете и его программе. За шесть недель комитет получил 2500 писем и собрал 12 тыс. долларов³¹⁵. Этот нехитрый прием позволял американцам легко конвертировать эмоциональные тревоги в политическое действие – обращение к президенту и поддержку антиядерного движения.

В октябре 1957 г. Америку потряс «эффект Спутника», о котором шла речь в первой главе. Казинс также испытал его влияние. Он не увидел в спутнике символ отставания США в науке и технике, но интерпретировал шоковый эффект как печальные последствия комплекса превосходства. В редакционной статье, посвященной «Спутнику-1», он писал об опасности начала космической гонки и о необходимости отказаться от постоянного соперничества: «Реагировать на советский спутник призывом к срочному устранению советского лидерства недостаточно. Задача сегодня та же, что стояла в 1945 году, только значительно более насущная. Не нужно придумывать более эффективных способов уничтожения мира. Наша главная задача состоит в том, чтобы в полной мере использовать наш разум и нравственное воображение для создания работающего проекта лучшего будущего, в котором могли бы принять участие все народы мира»³¹⁶.

Вместе с тем «эффект Спутника» подтолкнул Казина к переоценке его собственных представлений об СССР. Когда он писал в своей статье о чувстве превосходства американцев над Советским Союзом, он говорил и о себе. У Казинса была личная эмоциональная связь с СССР, поскольку его родители когда-то эмигрировали из Российской империи. Он несколько раз подавал запрос на получение визы, чтобы посетить СССР в качестве репортёра, но каждый раз получал отказ.

Казинс, который видел свою миссию в недопущении ядерной войны и дальнейшего радиационного заражения окружающей среды, понимал, что это зависит не только от Соединённых Штатов, но и от Советского Союза. После

³¹⁵ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 143.

³¹⁶ Cousins N. Sense and Satellites // The Saturday Review. 1957. Oct. 19. P. 26.

запуска «Спутника-1» он решил приложить дополнительные усилия для поездки в СССР. Он воспользовался случаем, который ему предоставился благодаря проекту «хиросимских дев». Активистка К. Ферридей, которая была вдохновлена визитом японских девушек в США, обратилась к Казинсу за помощью для группы польских женщин, над которыми нацистские врачи проводили медицинские эксперименты в концлагере Равенсбрюк. Узнав историю жертв, получивших прозвище «равенсбрюкские “кролики”», Казинс сразу согласился помочь. Он организовал кампанию по лекалам «хиросимских дев» и вместе с Ферридей собрал средства на лечение и пребывание польских женщин в США. Казинс использовал статьи в своём журнале, посвященные лечению пострадавших женщин, для оказания политического и общественного давления на ФРГ. В итоге 35 женщин были привезены в США и получили лечение в 12 американских городах. В 1961 г. удалось добиться от правительства ФРГ признания польских жертв нацистских экспериментов и выплат им денежных компенсаций через Международный комитет Красного Креста. До этого правительство Аденауэра не рассматривало возможность выплат жертвам нацистского режима, живущим в социалистических странах Восточной Европы³¹⁷.

Помощь «равенсбрюкским “кроликам”», сопровождавшаяся репортажами из Польши, принесла Казинсу известность и престиж в коммунистическом мире. После заключения соглашения Лэйси-Зарубина 27 января 1958 г. Казинс стал одним из первых американцев, получивших приглашение в СССР³¹⁸. К своему большому сожалению, Казинс не смог поехать в Советский Союз в 1958 г. Однако получил возможность для продвижения своих идей: когда после проведения успешных термоядерных взрывов СССР заявил о добровольном одностороннем моратории на дальнейшие испытания, Казинс стал настаивать на том, что Соединенные Штаты должны присоединиться к мораторию. В августе 1958 г. Эйзенхауэр наконец объявил о прекращении американских ядерных испытаний.

³¹⁷ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 146–148, 154.

³¹⁸ Ibid. С. 157.

Визит Казинса в СССР состоялся только летом 1959 г. Благодаря этому ему удалось посетить Американскую выставку в Сокольниках и лично наблюдать «кухонные дебаты» между Хрущевым и Никсоном. На следующий день, 25 июля 1959 г., в «Субботнем обозрении» была опубликована речь Казинса перед президиумом Советского комитета защиты мира, сопровождавшаяся комментариями для американских читателей. Причем, присутствовавшим иностранным журналистам не позволили отправить речь в редакции. В свою очередь, советская пресса тоже никак не осветила это выступление.

В своей речи Казинс обратился к слушателям с уже знакомыми для его постоянных читателей идеями о необходимости ограничения гонки ядерных вооружений. Кроме того, он рассказал о том, за что он лично и большинство американцев осуждают Советский Союз: берлинский вопрос, венгерское восстание, деятельность американской коммунистической партии. В завершение своей речи Казинс призвал к консолидации усилий по достижению мира: «Я обращаюсь к вам сейчас как к собратьям по человечеству, членам единой человеческой семьи, а не как гражданин страны, противостоящей вашей. Нам дан дар жизни. Нам дан разум. Мы связаны друг с другом. Мы можем жить в мире»³¹⁹. Для достижения лучшего взаимопонимания и обсуждения злободневных вопросов он призвал к развитию гражданской дипломатии и организации регулярных встреч между американскими и советскими гражданами.

Нетрудно предположить, что Казинс писал свою речь не только для советских слушателей, но и для американских читателей. В данном контексте критика советского режима могла в первую очередь использоваться для защиты от обвинений в симпатиях коммунизму, которые он уже получал до этого. В остальном речь пронизана положительными эмоциями в адрес советских людей. Так, например, в начале выступления он упоминает, как попросил указать дорогу советского полицейского, который оказался бывшим солдатом, принимавшим участие во встрече на Эльбе:

³¹⁹ Cousins N. An Address in Moscow // The Saturday Review. 1959. July 25. P. 28.

«Буквально на днях я спросил дорогу у регулировщика в центре Москвы. Когда он узнал, что я американец, он обнял меня с такой сердечностью, что едва не расцеловал в обе щеки. Оказалось, он служил в той части советской армии, которая встретилась с американцами на Эльбе. Так я стал невольным адресатом его тёплых воспоминаний»³²⁰. Напоминание о союзничестве времен Второй мировой войны имело принципиальное значение для поддержания надежд на возможность диалога между США и СССР.

Текст речи сопровождался фотографиями. На встрече президиума Советского комитета защиты мира присутствовал архимандрит Никодим, которого Казинс ошибочно называет архиепископом, занимавший тогда пост заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений. Фото Никодима сопровождает подпись с просьбой передать сообщение религиозной коммуне Америки. Рядом размещена фотография улыбающихся ленинградских детей, а на следующем развороте – фото счастливой советской семьи с маленьким ребёнком, с восторгом наблюдавшей за представлением на арене цирка³²¹. Таким образом, в своём первом послании из Советского Союза Казинс хотел создать визуальные образы священников в «безбожном СССР», счастливых семей и беззаботного детства, основанные на ценностях веры, семьи, светлого будущего для подрастающего поколения. Меньше чем через два месяца похожие изображения будут сопровождать поездку Н.С. Хрущёва по США. Американцы увидят улыбающегося Хрущёва в кругу его семьи, держащим на руках американских детей и беседующим с их родителями. И эти фотографии сыграют большую роль в «очеловечивании» образа Хрущева и Советского Союза в целом, о чем уже говорилось в предыдущей главе.

Вместе с тем, важно не упустить из виду, как опасность ядерной угрозы способствует формированию новой советско-американской идентичности, основанной на общечеловеческих ценностях и общем прошлом русских и американцев³²². Еще в статье 1956 г. Казинс писал о том, что воздух не принадлежит

³²⁰ Ibid. P. 10.

³²¹ Ibid. P. 11, 27.

³²² Журавлёва В. И. Общее прошлое русских и американцев: курс лекций. М.: РГГУ, 2021.

ни США, ни СССР, а принадлежит всему человечеству³²³. Расширение эмоциональной инфраструктуры за счет привлечения иностранных ученых, обращения к народам других стран и фотографиям советских детей, способствовало формированию наднациональной идентичности и в перспективе готовило почву для окончания холодной войны в умах и сердцах людей по обе стороны «железного занавеса».

В ревизионистском дискурсе американского кинематографа эта идея нашла отражение в фильме «На берегу» 1959 г. Основанный на романе Невилла Шюта 1957 г. фильм рассказывает о последних днях человечества, пережившего Третью мировую войну. В конце фильма в кадр попадает крупный баннер с надписью «Есть еще время, братья!»³²⁴.

Фильм произвел большое эмоциональное впечатление в США и заставил американцев еще раз задуматься об угрозе ядерного Апокалипсиса. «Очеловечивание» образа лидера СССР и советского Другого в целом после поездки Хрущева в США, подсказало американцам еще один способ превращения их эмоций в политическое действие. Через месяц после выхода фильма, в конце января 1960, Сэм Пек из Нью-Йорка написал письмо Никите Сергеевичу:

«Дорогой премьер-министр Хрущев!

Мне всего 10 лет, но я читаю о том, что произойдет, если разразится Третья мировая война. Я прочитал рецензию о фильме «На берегу», который рассказывает о том, что случится, если начнется Третья мировая.

Мой отец, Дим Пек, предпринимает много усилий для предотвращения этого. Одна из его акций состоялась два года назад. В Тихом океане планировалось провести испытания новой бомбы. Он вышел на своей девятиметровой лодке в океан и остановил испытания. Я хочу начать работать против войны прямо сейчас.

Искренне Ваш, Сэм Пек.

P.S. Я написал такое же письмо Эйзенхауэру»³²⁵.

³²³ Cousins N. It's Only Moral // Saturday Review. 1956. Nov. 10. P. 22.

³²⁴ On the Beach / dir. by S. Kramer. 1959.

³²⁵ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 94. Д. 1239. Л. 33-34.

Интересно, что фильм был показан и в Советском Союзе. В 1962 г. ООН призвал все страны показать киноленту «На берегу!» одновременно в День мира 21 сентября. В Москве фильм был показан всего в одном кинотеатре. По свидетельству Б.Н. Стругацкого, который был на закрытом показе, он произвел огромное впечатление: братья-писатели захотели создать собственный роман-предупреждение, но понимали, что он не сможет пройти советскую цензуру. В результате появился роман-катастрофа «Далекая радуга», в котором люди переживают последние дни в связи с техногенной, а не ядерной катастрофой³²⁶. Таким образом, эмоциональная инфраструктура позволяла транслировать эмоции и послания через океан, используя разных акторов и разные медиа.

Казинс опубликовал всего три репортажа из Советского Союза. Помимо речи, которую он привёл дословно и сопроводил комментарием, это было интервью с неназванным советским должностным лицом³²⁷ и обзор поездки в Грузию³²⁸. После возвращения в США Казинс продолжил публиковать материалы, связанные с поездкой по Советскому Союзу, вплоть до конца 1959 г. Среди них были записи бесед с советскими писателями³²⁹, рассказ о любви советских граждан к Э. Хемингуэю³³⁰ и о разговорах Казинса с самыми разными людьми на тему мира и ядерного оружия³³¹. В них он писал о том, что вызывает осуждение в политике Советского Союза, но вместе с тем рассказывал о реальных достижениях советских людей, о гостеприимстве и вере в будущее народов, населявших эту огромную страну. Он рассказывал американцам о таких же как они людях, живущих по другую сторону «железного занавеса», которые стремились не к Третьей мировой войне, а к миру и были открыты для диалога о его сохранении. Эти статьи, выходившие на фоне визита Хрущева в США, помогали усложнить образ СССР, отказавшись от его дихотомического изображения.

³²⁶ Стругацкий Б.Н. «Далекая радуга» // Комментарии к пройденному. 1961-1963 гг. // URL: <https://www.rusf.ru/abs/books/bns-03.htm> (дата обращения: 17.08.2026).

³²⁷ Cousins N. Interview with a Soviet Official // The Saturday Review. 1959. August 1. Pp. 10-12, 32-34.

³²⁸ Cousins N. A Toast in Georgia // The Saturday Review. 1959. August 8. Pp. 9-11, 34-35.

³²⁹ Cousins N. Readers and Writers in Russia // The Saturday Review. 1959. August 8. Pp. 15-17, 44.

³³⁰ Cousins N. For Whom the Bells Ring // The Saturday Review. 1959. August 22. P. 18.

³³¹ Cousins N. Number One on the Agenda // The Saturday Review. 1959. August 15. P. 20.

10 ноября 1959 г. Казинс получил письмо от Советского комитета защиты мира, в котором ему предложили организовать советско-американские встречи. Государственный департамент США поддержал эту идею. Казинс начал составлять список интеллектуалов и общественных деятелей США и получил «зелёный свет» для организации первой встречи. Этим, кроме него, занимался профессор Колумбийского университета Ф. Мозли при финансовой поддержке Фонда Форда. Первая конференция открылась 29 октября 1960 г. в Дартмутском колледже³³². Так зародились дартмутские встречи – канал неофициального советско-американского диалога, созданный для поддержания контактов между двумя обществами и снижения конфронтации³³³.

Таким образом, на протяжении 1950-х гг. группе общественно-политических деятелей, в центре которой находился Н. Казинс, удалось конвертировать тревожный фон Атомного века в политические действия. Активное участие американских ученых, получивших возможность транслировать свои мнения и их новейшие исследования о вреде радиации и опасности ядерного оружия, способствовало развитию политического потенциала эмоций.

В результате наметились контуры новой идентичности, основанной на общности эмоций и общечеловеческих ценностей и объединявшей жителей всего мира, но прежде всего американцев и советских людей, в единую группу, противостоящую ядерной угрозе. Свое развитие эти тенденции получили в начале 1960-х гг.

³³² Pietrobon A. Norman Cousins: *Peacemaker in the Atomic Age*. Baltimore, 2022. P. 165-166.

³³³ Егорова Н. И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М., 2016. С. 200-222; Voorhees J. *Dialogue Sustained: The Multilevel Peace Process and the Dartmouth Conference*. Washington, D.C., 2002.

2.3. Мобилизация американского общества в условиях биполярного противостояния начала 1960-х гг.

На выборах 1960 г. от партии демократов в качестве кандидата в президенты был выдвинут Дж. Кеннеди, а от республиканской партии – вице-президент обеих администраций Эйзенхауэра Ричард Никсон. Главным отличием кампании 1960 г. от всех предыдущих стало то, что во время неё состоялись первые и на долгое время единственные телевизионные дебаты кандидатов в президенты – следующие дебаты такого рода прошли только в 1976 г.³³⁴

Эйзенхауэр предупреждал Никсона, что ему стоит отказаться от телевизионных дебатов и не давать Кеннеди общенациональную трибуну, но Никсон не последовал этому совету. Дебаты проходили в четыре раунда в Чикаго, Вашингтоне, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Принято считать, что Кеннеди был лучше готов к дебатам, так как он лично встретился с телевизионной командой и выяснил все интересующие его вопросы, например то, в каких цветах будет оформлена студия и где будут располагаться камеры. В результате он пришёл в синем костюме, выделявшемся на фоне серой студии, выглядел расслабленным и подготовленным. Никсон, который недавно вышел из больницы после травмы колена, заметно потел под светом софитов и сливался с фоном в летнем светлом костюме³³⁵.

Победителем в первых дебатах стал Кеннеди, Никсону удалось взять реванш во вторых и третьих дебатах, а четвертый раунд закончился ничьей. Однако, первый раунд посмотрело наибольшее число зрителей – около 70 миллионов человек, а последующие трансляции собрали на 20 миллионов зрителей меньше. Интересно, что радиослушатели отдавали предпочтение Никсону, в то время как телезрители – Кеннеди, что наглядно демонстрирует силу визуальных образов в формировании эмоционального восприятия политических событий. В современной историографии

³³⁴ Campaign Debates in Presidential General Elections // Federal Election Commission. URL: https://www.fec.gov/resources/legal-resources/rulemakings/nprm/cand_debates/1999debatepetitionexhibits.pdf. (дата обращения: 18.08.2026).

³³⁵ White T.H. The Making of the President, 1960. New York, 1988. P. 282-283.

политической коммуникации преобладает мнение, что 1960 г. открыл эпоху доминирования телевидения в американской политике³³⁶.

Кандидат от демократов был моложе, красноречивее и харизматичнее своего конкурента, и телевидение позволяло использовать эти преимущества, включая фотогеничность Кеннеди, который отлично смотрелся на экранах телевизоров. Его предвыборный штаб задействовал все возможности телевидения и создал более 200 рекламных роликов с использованием нарезок из дебатов с Никсоном, сопровождавшихся видеорядом сторонников Кеннеди. В роликах также снималась Жаклин Кеннеди, жена кандидата в президенты, позже ставшая иконой стиля и одной из самых популярных первых леди в истории США, известный певец Г. Белафонте и актёр Г. Фонда. В свою очередь, Никсон снимал свои предвыборные ролики в кабинете и делал основной акцент на собственном политическом опыте³³⁷.

Впоследствии Кеннеди стал первым по-настоящему телевизионным президентом, давшим 64 пресс-конференции за свой один неполный срок, а его инаугурация привлекла к экранам телевизоров 65 миллионов человек. Он, кроме того, стал первым президентом США, согласившимся вести пресс-конференций в прямом эфире, без задержек и предварительного монтажа и учредил позицию официального фотографа Белого Дома³³⁸.

Однако, помимо силы визуальных образов, важным фактором, оказавшим влияние на победу Кеннеди стал поддерживаемый им миф об отставании США от СССР. Еще во время президентской кампании Кеннеди использовал страхи, зародившиеся после запуска советского «Спутника-1» и испытания ракеты Р-7, и настаивал на необходимости ликвидировать «ракетный разрыв», т.е., отставание США от СССР в производстве межконтинентальных баллистических ракет. Утверждая, что США отстали в военном и экономическом плане из-за политики республиканцев, он обещал американцам «снова заставить Америку двигаться вперед» (get America moving again) в случае своей победы. При этом Кеннеди на тот

³³⁶ Druckman J.N. The Power of Television Images: The First Kennedy-Nixon Debate Revisited // The Journal of Politics. 2003. Vol. 65. № 2. P. 559-571.

³³⁷ The Living Room Candidate: Presidential Campaign Commercials, 1952-2024 // Museum of the Moving Image. URL: <https://www.livingroomcandidate.org/>. (дата обращения: 18.08.2026).

³³⁸ Kennedy J.F. The Letters of John F. Kennedy / ed. by M.W. Sandler. New York, 2013. P. VII-VIII.

момент не имел доступа к разведывательным данным и лишь ссылался на якобы известные ему оценки экспертов. Эйзенхауэр стремился опровергнуть эти заявления, утверждая, что США обладали преимуществом и в количестве бомбардировщиков, и в объеме арсенала ракет средней дальности³³⁹.

Широкому использованию «советской карты»³⁴⁰ в президентской кампании Кеннеди способствовало окончание «холодной оттепели» в советско-американских отношениях, которое актуализировало страхи перед коммунистической угрозой и возможным ядерным ударом со стороны СССР. «Холодная оттепель», пиком которой стал визит Хрущева в США в 1959 г., оборвалась весной 1960 г., когда над территорией СССР был сбит американский самолет-разведчик У-2, а пилот Ф.Г. Пауэрс попал в плен. Политические последствия оказались катастрофическими для налаживающихся отношений между СССР и США: саммит на высшем уровне в Париже был сорван, а ответный визит Эйзенхауэра в СССР отменен, тем более что он публично солгал в своем заявлении, будто самолет не принадлежал США. И этот момент особенно оскорбил Хрущева, установившего с президентом личный доверительный контакт во время встречи в Кэмп-Дэвиде. Начавшийся новый этап конфронтации позволил Кеннеди успешно использовать образ советской угрозы в своей президентской кампании³⁴¹.

Через две недели после победы на выборах назначенный на пост министра обороны Р. Макнамара выступил с публичным заявлением о том, что «ракетного разрыва» не существует³⁴², а к концу 1961 г. это признала и администрация президента³⁴³. Миф о «ракетном разрыве» и мнимом остывании США позволял Кеннеди воплотить идеи своей программы «Новой экономики»³⁴⁴, которая предполагала увеличение оборонных расходов с последующим созданием рабочих

³³⁹ Preble C.A. John F. Kennedy and the Missile Gap. DeKalb, 2004. P. 108, 113.

³⁴⁰ Журавлева В.И. Россия как «Другой» в президентских выборах в США 2016 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002446-9-1/>. DOI: 10.18254/S0002446-9-1.

³⁴¹ Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США: учебник для студентов вузов. М.: Международные отношения, 2012. С. 374, 379.

³⁴² Preble C.A. John F. Kennedy and the Missile Gap. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2004. P. 155.

³⁴³ Ibid. С. 164.

³⁴⁴ «Новая экономика» была американским вариантом активного кейнсианства. В администрации президента Кеннеди её продвигал председатель Совета экономических консультантов У. Хеллер.

мест, что должно было привести к последующему экономическому росту. Побочным эффектом этой стратегии стало нарастание страхов и тревог в американском обществе, что, в свою очередь, стимулировало соперничество с СССР. Победа Кеннеди на выборах стала лишь началом этого процесса.

В условиях обострения биполярного противостояния президент-демократ выдвинул программу «Новых рубежей». Во внутренней политике это означало преодоление расовой сегрегации, гендерного и социального неравенства, а также обеспечение основ экономического роста, что стало ответом на мессианское послание СССР о социальной справедливости и интернационализме, на советскую критику расовой сегрегации, отсутствие социальных гарантий и безработицы в США. Внешнеполитическая часть новой программы предполагала пересмотр основных направлений политики Эйзенхауэра. Критикуя предыдущего президента за доктрину «массированного возмездия», в рамках которой проводилось сокращение военного бюджета и делалась ставка на ядерное сдерживание, Кеннеди предложил концепцию «гибкого реагирования». Молодой президент полагал, что США должны отвечать на угрозы пропорционально, комбинируя дипломатические инструменты, контролируемую эскалацию, применение обычных и ядерных вооружений³⁴⁵. Такая стратегия предполагала наращивание всех видов оружия, увеличение военного бюджета, которое должно было привести к созданию новых рабочих мест и экономическому росту и в конечном итоге способствовать реализации экономической составляющей программы³⁴⁶.

Новый курс, тем не менее, не означал, что США полностью отказываются от производства и применения ядерного оружия. Образ войны с использованием ядерного оружия хотя и был ослаблен мораториями на ядерные испытания и усложнением образа СССР как врага № 1, тем не менее, не ушел в прошлое. 25 мая 1961 г. Кеннеди в специальном послании Конгрессу США заявил о том, что лучшей защитой от ядерной атаки станет возможность ответного удара такой мощи, которая

³⁴⁵ McNamara R. S. Reappraisal of Capabilities of Conventional Forces : memorandum from the Secretary of Defense to President Kennedy, 16 May 1961 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. VIII: National Security Policy. Document 27. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v08/d27> (дата обращения: 01.09.2026).

³⁴⁶ Dallek R. Camelot's Court: Inside the Kennedy White House [Электронный ресурс]. New York: Harper, 2013. EPUB. Ch. 3: "A Ministry of Talent".

гарантирует уничтожение агрессора. При этом он подчеркнул, что такая защита работает только при условии рационального поведения участников конфликта. На случай ошибки или случайности необходимо готовиться к худшему сценарию в рамках программы гражданской обороны³⁴⁷.

Уже в первые месяцы президенства Кеннеди начался новый этап космической гонки. Спустя четыре года после запуска «Спутника-1», 12 апреля 1961 г., советский космонавт Юрий Гагарин вышел на околоземную орбиту и привёл в космосе 1 час 48 минут. Соединенные Штаты снова оказались позади, отстав от СССР меньше чем на месяц. Лишь 5 мая 1961 г. астронавт А. Шепард совершил короткий суборбитальный полёт, длившийся 15 минут 22 секунды.

Поражение на очередном этапе космической гонки укрепляло миф об общем научно-технологическом отставании США от СССР, который Кеннеди активно использовал в период президентской кампании. Новой администрации было необходимо преодолевать разрыв в науке и технике. 25 мая 1961 г. Кеннеди выступил перед сессией Конгресса США, провозгласив в качестве приоритетной цели высадку американского астронавта на Луне до конца десятилетия. В своей речи он признал преимущество СССР в разработке ракетных двигателей, но в то же время призвал американский народ приложить все силы для достижения собственного успеха: «Ибо, хотя мы не можем гарантировать, что однажды окажемся первыми, мы можем гарантировать, что любой отказ от этих усилий сделает нас последними»³⁴⁸.

Еще одним ответом на имиджевое противостояние с Советским Союзом стало создание Корпуса мира. Эта идея родилась случайно во время предвыборного выступления в Мичиганском университете³⁴⁹. Кеннеди спросил у молодых американцев, готовы ли они работать на дипломатической службе и путешествовать

³⁴⁷ Кеннеди Дж. Ф. Специальное послание Конгрессу США о неотложных национальных нуждах. 25 мая 1961 г. // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/united-states-congress-special-message-19610525> (дата обращения: 15.08.2026).

³⁴⁸ President John F. Kennedy's May 25, 1961 Speech before a Joint Session of Congress // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/history/the-decision-to-go-to-the-moon/> (дата обращения: 12.08.2026).

³⁴⁹ Kennedy J. F. Remarks of Senator John F. Kennedy at the University of Michigan, Student Union Building Steps, Ann Arbor, Michigan, October 14, 1960. URL: <https://www.archives.gov/files/presidential-libraries/research/podcasttext-jfk-02.pdf> (дата обращения: 01.09.2026).

по миру, применять свои знания в странах третьего мира. Ответом стала петиция тысяч студентов, откликнувшихся на призыв президента.

Кеннеди вдохновился этой реакцией и создал еще один канал внешнеполитического влияния. 1 марта 1961 г. он подписал указ, учреждавший временное агентство – Корпус мира. Новое ведомство ставило перед собой задачу подготовить квалифицированные кадры в странах-партнёрах, улучшить образ американцев за рубежом, повысить уровень знаний о США за границей, а также помочь самим американцам больше узнать о других народах и культурах³⁵⁰. Тысячи американцев откликнулись на новость о создании Корпуса мира и захотели стать добровольцами³⁵¹. Еще до окончательного законодательного оформления Корпуса мира, которое произошло 22 сентября, в конце августа 1961 г. первые группы американских граждан начали отправляться в страны Африки. Кеннеди лично напутствовал их перед отъездом³⁵², эмоционально побуждая действовать в духе своего призыва, озвученного в инаугурационной речи: «Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спрашивайте, что вы можете сделать для своей страны»³⁵³.

Однако новый виток советско-американского противостояния требовал мобилизации общества не только вокруг крупных научно-технических проектов и внешнеполитических инициатив. Тревоги по поводу комплексного военного и технического отставания США способствовали вовлечению американцев в новые повседневные практики, ориентированные на повышение физического и интеллектуального уровня общества.

Примером подобной «мягкой» конкуренции с Советским Союзом стали инициативы Кеннеди по повышению уровня физической подготовки американцев. Первым шагом стало переименование учреждённого президентом Эйзенхауэром в

³⁵⁰ Peace Corps // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/jfk-in-history/peace-corps> (дата обращения: 12.08.2026).

³⁵¹ Kennedy J.F. The Letters of John F. Kennedy / ed. by M.W. Sandler. New York, 2013. P. 125.

³⁵² Kennedy J.F. Remarks at a White House Ceremony for the First Peace Corps Volunteers Departing for Ghana and Tanganyika, August 28, 1961 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/jfk-in-history/peace-corps>. (дата обращения: 18.08.2026).

³⁵³ Kennedy J. F. Remarks of Senator John F. Kennedy at the University of Michigan, Student Union Building Steps, Ann Arbor, Michigan, October 14, 1960. URL: <https://www.archives.gov/files/presidential-libraries/research/podcasttext-jfk-02.pdf> (дата обращения: 01.09.2026).

1956 г. Президентского совета по физической подготовке молодёжи в Совет президента по физической подготовке, что расширяло возрастные полномочия Совета. Перед ним была поставлена задача привлекать к своей деятельности гражданских лиц и общественные организации³⁵⁴.

Кеннеди выступил на конференции по физической подготовке молодёжи и ещё до вступления в должность президента он написал статью в “Sports Illustrated”, где рассказывал о необходимости организации спортивных площадок и стадионов, благоустройстве пустующих полей для спортивных целей, что должно было способствовать повышению уровня подготовки американских граждан к возможной борьбе с агрессорами³⁵⁵. Его опасения по этому поводу подкреплялись результатами тестов Крауса-Вебера, показавшими, что 57.9% американских школьников не прошли хотя бы одно разработанное авторами задание, тогда как среди европейских детей – 8.7%³⁵⁶. Таким образом повседневные пространства превращались в поле противостояния с советским Другим.

В то же время Рекламный совет запустил общенациональную рекламную кампанию, в которой Кеннеди лично призывал американцев совершать 50-мильные походы (около 80 км). Брат президента, генеральный прокурор США Р. Кеннеди, осуществил в рамках рекламной кампании такой поход по снегу и слякоти. В рамках этой программы снимались образовательные фильмы, организовывались региональные клиники для мониторинга физического состояния, повышалась мотивация для семейного и школьного спорта посредством организации соревнований и спортивных фестивалей³⁵⁷.

Причиной такой увлечённости Кеннеди физической подготовкой американцев была вера в то, что федеральное правительство несло за нее особую ответственность. Приоритетной задачей президент считал физическую подготовку школьников, так

³⁵⁴ History of the Council // Office of Disease Prevention and Health Promotion, U.S. Department of Health and Human Services. URL: <https://odphp.health.gov/pcsfn/history-council> (дата обращения: 12.08.2026).

³⁵⁵ Kennedy J.F. The Soft American // Sports Illustrated. 1960. Dec. 26. URL: <https://archive.org/details/the-soft-american-kennedy/mode/1up>. (дата обращения: 12.08.2026).

³⁵⁶ Kraus H., Hirschland R.P. Minimum Muscular Fitness Tests in School Children // Research Quarterly. 1954. Vol. 25. № 2. P. 178-188.

³⁵⁷ History of the Council [Электронный ресурс] // Office of Disease Prevention and Health Promotion, U.S. Department of Health and Human Services. URL: <https://odphp.health.gov/pcsfn/history-council>. (дата обращения: 18.08.2026).

как, по его мнению, они отставали от своих сверстников в СССР, регулярно сдававших нормы ГТО. В результате кампании уже к декабрю 1961 г. количество учащихся, успешно прошедших тестирование физической подготовленности школьников США, удвоилось³⁵⁸. Многие дети писали Кеннеди, заверяя его, что стараются каждый день заниматься спортом. Как писал один из мальчиков: «Я буду выполнять все эти упражнения и прогулки, поскольку знаю, что сильный мальчик превращается в сильного мужчину, а сильный мужчина делает сильной свою страну»³⁵⁹.

Как уже было сказано в первой главе, «эффект Спутника» запустил переоценку роли женщин в американском обществе. Наблюдая, как в Советском Союзе пользуется интеллектуальный и физический потенциал женской части населения, американцы задумались над тем, не упускают ли они возможности, которыми пользуется СССР. Рассуждая о физической подготовке подрастающего поколения, Кеннеди имел в виду не только мальчиков, но и девочек.

В итоге общенациональная программа физической подготовки Кеннеди нашла широкий отклик среди американской молодёжи и большинства населения. Она смогла мобилизовать ее на самосовершенствование ради блага страны. Причем девочки и женщины также почувствовали себя причастными к борьбе США в ходе холодной войны и начали требовать равного доступа к занятиям спортом.

Несмотря на это, на местах не всегда поддерживали инициативы федерального правительства. В письмах к президенту девочки жаловались на сопротивление школьных администраций. Так, например, в одной из школ учитель физкультуры при поддержке директора не разрешал девочкам заниматься спортом вместе с мальчиками, просто отправляя школьниц домой: «Но мистер президент, это не честно по отношению к девочкам, мы хотим заниматься спортом всей группой, а не отдельно. Мальчики пользуются спортивным залом, и мы тоже хотим иметь к нему доступ»³⁶⁰.

³⁵⁸ Kennedy J.F. The Letters of John F. Kennedy / ed. by M.W. Sandler. New York, 2013. P. 124.

³⁵⁹ Ibid. P. 147.

³⁶⁰ Ibid. P. 145.

Помимо этого, девочки сталкивались с целым рядом ограничений, например, отсутствие подходящей для физических занятий женской одежды и сообщали об этом президенту: «Ваша программа физической подготовки находится в самом разгаре, став отличной идеей. Однако существует одна проблема. Как могут поддерживать физическую форму женщины и девочки-подростки с деформированными ногами? Невозможно найти туфли со скруглённым носом и на плоской подошве в размерах, которые подойдут девочкам предпубертатного возраста. Уверена, вы не ожидаете от солдат или морских пехотинцев, что они пойдут в поход на 50 миль в обуви с заострёнными носами, а у девочек даже спортивная и домашняя обувь имеет такую форму»³⁶¹.

Тем не менее, несмотря на возникавшие трудности, образ и манера общения Кеннеди, а также эффективное использование новых медиаинструментов подкупили молодое поколение американцев. Президент смог превратить научно-техническую гонку с СССР из внешнеполитического вызова в инструмент мобилизации американского общества. Кеннеди преобразовал страх перед советскими научно-техническими и социальными достижениями в политические программы, направленные на преодоление отставания, возвращение лидерства и доказательство жизнеспособности собственной политической и общественной системы.

Космическая программа, Корпус мира и кампания по физической подготовке придали американцам уверенность и расширили их понимание сопричастности той борьбе, которую США вели с СССР в ходе холодной войны. Учёным и студентам предлагалось принимать участие в технологическом рывке и будущей высадке на Луне, молодежи – служить стране и миру за рубежом в составе Корпуса мира, и абсолютно всем гражданам – укреплять здоровье и приобретать хорошую физическую форму ради национальной безопасности. Таким образом Кеннеди превратил советско-американское соперничество в личный и эмоциональный опыт, который можно разделить со своими согражданами. Соревнование с СССР стало ассоциироваться не только со страхом и тревогой, но и с надеждой, верой в будущее страны и возможностью личного участия в возвращении лидерства.

³⁶¹ Ibid. P. 144.

Вместе с тем страхи перед советской угрозой никуда не исчезли в условиях обострившейся ситуации в Берлине, где начался очередной кризис, поставивший СССР и США перед угрозой непосредственного военного столкновения в Европе. Это создавало условия для консолидации американского общества не только на основе позитивной повестки, но и за счет новых опасений и тревог.

Еще в 1958 г. Хрущёв потребовал, чтобы США, Великобритании и Франции вывели свои войска из Западного Берлина в течение шести месяцев. Главной целью советского руководства было международное (включая ФРГ) признание ГДР как независимой социалистической республики, чему мешало присутствие западных войск в Берлине. Он также планировал превратить Западный Берлин в демилитаризованный «вольный город». Ни того, ни другого добиться не удалось, и германский вопрос оставался открытым в 1961 г.³⁶²

Для решения этой проблемы уже в первый год президентства Кеннеди была достигнута договорённость о встрече на высшем уровне в Вене в июне 1961 г. Во время нее обсуждалась гражданская война в Лаосе, вопросы разоружения и Германский вопрос. Если в первом случае между двумя лидерами было достигнуто взаимопонимание, то о статусе Берлина договориться не удалось. Хрущёв представлял положение Западного Берлина как пережиток военного времени, а Кеннеди апеллировал к правам стран-победительниц и говорил о гарантиях свободы для Западного Берлина. В итоге Хрущёв повторно выдвинул ультиматум: в течение полугода США должны были вывести войска из Берлина или произойдет военная эскалация.

Дополнительную напряженность встрече придавал эмоциональный настрой двух лидеров. Кеннеди восстанавливался после травмы спины во время торжественной посадки дерева в Канаде, поэтому чувствовал себя не вполне уверенно. Перед саммитом он говорил, что «не хочет приезжать к Хрущёву как калека на костылях». Хрущёв, в свою очередь, находился под впечатлением от провальной операции США в заливе Свиней, нацеленной на смену режима Фиделя

³⁶² Фурсенко А.А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущёва: тайная история противника Америки / пер. с англ. О.Р. Щелоковой, В.Т. Веденеевой. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 219-220.

Кастро, о чем пойдет речь в третьей главе. При личной встрече он только укрепился в своём мнении о том, что Кеннеди слишком молодой, неопытный и слабый политик³⁶³. После завершения Венского саммита в частной беседе с обозревателем газеты “New York Times” Кеннеди сказал: «У меня серьёзная проблема. Если он считает меня неопытным и лишённым твёрдости, то пока мы не избавим его от этих представлений, мы ни о чем с ним не договоримся. Поэтому нам необходимо действовать»³⁶⁴.

Вернувшись из Вены, Кеннеди не отказался от возможности продолжения переговоров с СССР, но параллельно занялся укреплением гражданской обороны, подготовкой населения к возможности ядерных ударов по американской территории и увеличением военного бюджета.

25 июля 1961 г. Кеннеди выступил с радио- и телеобращением к американскому народу, посвященным обострению Берлинского кризиса. Президент сообщил, что запросил у Конгресса дополнительные 3,247 млрд долларов на вооружённые силы, попросил увеличить численность армии с 875 тыс. человек до 1 млн и расширить его полномочия призывать резервистов. Эта часть речи отразила упомянутый переход от доктрины «тотального возмездия» к новой внешнеполитической концепции «гибкого реагирования»³⁶⁵.

Кеннеди также запросил у Конгресса 207 млн. долларов на отбор помещений, подходящих для переоборудования в бомбоубежища и способных защитить от ядерных осадков: «На нас лежит и другая серьёзная ответственность. Признать возможность ядерной войны в ракетную эпоху, но не обеспечить граждан знаниями о том, что им делать и куда идти, если начнут падать бомбы, значит не выполнить свой долг <...> В отличие от наших друзей в Европе, необходимость в такого рода защите для нашей страны является новым явлением. Но начинать нужно уже сейчас. В ближайшие месяцы я надеюсь довести до сведения каждого гражданина, какие

³⁶³ Beschloss M.R. The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960-1963. New York: Edward Burlingame Books, 1991. EPUB. Ch. 8: “Not as a Cripple”.

³⁶⁴ Kempe F. Berlin 1961: Kennedy, Khrushchev, and the Most Dangerous Place on Earth. New York, 2011. P. 133-134.

³⁶⁵ Кеннеди Дж. Ф. Радио- и телеобращение к американскому народу по Берлинскому кризису. 25 июля 1961 г. // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/berlin-crisis-19610725> (дата обращения: 15.08.2026).

меры он может без промедления принять для защиты своей семьи в случае нападения»³⁶⁶.

Речь всерьез напугала американцев, мобилизовав общество вокруг ядерных страхов, исходящих от советского Другого. Защита от ядерной атаки и строительство бомбоубежищ становятся центральными темами в общественно-политическом дискурсе.

Люди начали требовать от правительства разъяснений, как именно они должны были выживать в случае ядерной войны. Управлению гражданской обороны США пришлось впопыхах разрабатывать текст, способный ответить на вопросы граждан. К декабрю 1961 г. была выпущена брошюра «Защита от радиоактивных выпадений: что необходимо знать и делать в случае ядерного нападения»³⁶⁷.

Брошюра была плохо принята научным сообществом и частью журналистов. Так, «Вашингтонская ассоциация учёных», местное отделение «Федерации американских учёных», критиковала авторов брошюры за поверхностное понимание проблемы ядерных осадков, а также наивное моделирование возможного сценария ядерной атаки на США. Даже издания, поддерживающие призыв президента Кеннеди к строительству бомбоубежищ, признавали, что брошюра не имела ничего общего с реальностью³⁶⁸.

В августе 1961 г. в ответ на «берлинскую речь» Кеннеди в «Субботнем обозрении» одновременно появилось две статьи, представляющие две разные точки зрения на проблему подготовки страны к потенциальным ядерным ударам. Помимо собственного взгляда на речь Кеннеди Казин решил предоставить читателям и альтернативную позицию.

Автором первой статьи «Самое важное решение в истории США – и как президент его принимает» стал Дж. Олсоп, политический обозреватель, который поддержал позицию Кеннеди. Он объяснял своё отношение к ней через сравнение Соединённых Штатов с древнегреческими Афинами, защитившими греческий мир

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ United States. Department of Defense. Office of Civil Defense. Fallout Protection: What to Know and Do About Nuclear Attack. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1961. 46 p. (Handbook H-6). URL: <https://digital.library.cornell.edu/catalog/ss:24354782>. (дата обращения: 18.08.2026).

³⁶⁸ Rose K.D. One Nation Underground: The Fallout Shelter in American Culture. New York, 2001. P. 78-79.

от захватчиков с Востока. Проводя параллель с Саламинским сражением 480 г. до н.э., Олсоп писал: «Так афинский народ, рискуя собственным национальным самоубийством, сумел отбить первый великий натиск Востока на Запад»³⁶⁹. Таким образом он считал риск применения ядерного оружия оправданным, если при этом США не придется капитулировать перед коммунистами. В данном контексте наращивание вооружений и строительство убежищ было неизбежным и необходимым: по его мнению, только способная защитить большую часть своего населения от ядерных выбросов страна может быть независимой от ядерного шантажа со стороны СССР³⁷⁰.

Казинс предложил другое сравнение. Его статья «Берлин: никакого уничтожения без репрезентации» ставила вопрос о том: «Имеет ли хоть какое-либо государство право вести войну против всего человечества, преследуя свои национальные цели или удовлетворяя свои национальные потребности?»³⁷¹. Казинс настаивал на том, что вопрос возможной ядерной войны касается всего человечества, а потому не должен решаться исключительно между СССР и США. В конце своего текста он согласился с правоммерностью аналогии Олсопа с греко-персидскими войнами, но интерпретировал это событие иначе: «Настал момент, когда народы греческого мира, разделённые идеологическими, политическими, языковыми и культурными различиями, уже не могли больше выжить без системы права, обязательной для всех. Неспособность ответить на этот вызов стоила Греции жизни»³⁷².

Первоначально точка зрения Казинса, связанная с формированием новой наднациональной идентичности, была скорее маргинальной, поскольку большинство американских изданий поддерживали позицию президента. Дискуссии вокруг строительства бомбоубежищ получили новый импульс осенью 1961 г., когда

³⁶⁹ Alsop J. The Most Important Decision in U.S. History — And How the President Is Facing It // Saturday Review. 1961. Aug. 5. P. 7-9, 27.

³⁷⁰ Ibid.

³⁷¹ Cousins N. Berlin: No Extermination Without Representation // Saturday Review. 1961. Aug. 5. P. 20, 40. Название статьи является парафразом знаменитого лозунга Американской революции: «Нет налогам без представительства» (“No taxation without representation”).

³⁷² Ibid.

Советский Союз возобновил ядерные испытания, проведя целую серию взрывов на разных полигонах своей страны.

2.4. Реакция в США на возобновление советских ядерных испытаний

Добровольный мораторий на ядерные испытания продлился неполных три года. Однако этого времени хватило для того, чтобы возвращение к ядерным испытаниям Советского Союза в сентябре 1961 г. потрясло американское общество. Возникшая гражданская оппозиция ядерному оружию, Берлинский кризис, угрожавший перерасти в новую войну, в которой может быть применено ядерное оружие, призывы Кеннеди и СМИ подключаться к программам гражданской обороны и строить бомбоубежища, сопровождавшиеся заявлениями ряда журналистов и учёных о бесполезности этих убежищ, сформировали новое эмоциональное отношение к происходящему, отличавшееся от существовавшего до введения моратория.

Одним из факторов, оказавшим влияние на изменение отношения к ядерным испытаниям, стало формирование нового типа движений за защиту окружающей среды. Раньше забота о природе, как правило, выводилась из прямой связи между локальной экологической обстановкой и здоровьем населения: загрязнение почвы и воды беспокоило прежде всего тех, кому оно непосредственно угрожало. Подобный взгляд не требовал заботы о состоянии планеты в целом и не провоцировал протесты против загрязнения удаленных от них территорий.

Как уже упоминалось в предыдущих параграфах, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. фокус начал смещаться. Потенциальный вред от ядерных испытаний стал вызывать тревогу у людей в США и Европе, даже если они жили далеко от ядерных полигонов. Всё более мощные взрывы делали очевидной возможность глобального распространения радиоактивных осадков. В 1961 г. после одностороннего выхода СССР из неформального моратория на воздушные и наземные испытания, советская сторона взорвала свою самую крупную на тот момент термоядерную бомбу. Её мощность оказалась настолько велика, что в американской прессе писали о возможности радиоактивных осадков в Западной Европы. Многих американцев это заставило осознать, что взрывы «на другом конце света» могут затронуть и их самих,

а, значит, бороться с испытаниями необходимо не только на национальном уровне, но и в глобальном масштабе³⁷³.

Этот новый взгляд на последствия ядерных взрывов как на угрозу для любого человека независимо от страны проживания, позволил иначе ощутить страх перед ядерной войной. Вместо того чтобы, как рассчитывала официальная пропаганда, усиливать дистанцию между «свободным миром» и «социалистическим лагерем»³⁷⁴ он, напротив, создавал ощущение общей уязвимости. Взрывы и на территории США, и на территории СССР представлялись опасными для всех людей, хуже того – для всех детей, живущих на планете. Государственная риторика была направлена на поддержание ощущения страха перед коммунизмом, который представлял угрозу американскому стилю жизни. Однако ставки в этой борьбе настолько возросли, что американское общество перестало быть единодушным в стремлении одержать победу над Советским Союзом и коммунистическим лагерем любой ценой.

В начале 1961 г. Н. Казинс опубликовал книгу «Вместо безрассудства»³⁷⁵. В ней он подробно описывал разрушения, которые ждут мир в случае ядерной войны. Книга была адресована старшеклассникам. Казинс подобно Кеннеди сознательно сделал ставку на молодое поколение и за свой счёт разослал 1200 экземпляров книги по американским школам. В ответ он получил сотни писем с благодарностями от учителей со всей страны и около двух тысяч просьб об отправке копии книги. Кроме того «Национальный комитет за разумную ядерную политику» (SANE) закупил ещё около 10 тысяч копий для распространения через свои региональные офисы³⁷⁶.

Таким образом, школьники и их родители получили доступ к тексту, написанному профессиональным журналистом и редактором с хорошей репутацией и связями в президентской администрации, чей журнал на тот момент имел 250 тыс. подписчиков. Казинс направил сознательные усилия на новую аудиторию, т.е. на тех, кому предстояло жить в мире, возникшем в ходе холодной войны. Выбранная им

³⁷³ Burkett J. The Campaign for Nuclear Disarmament and Changing Attitudes Towards the Earth in the Nuclear Age // The British Journal for the History of Science, 2012. Vol. 45. № 4. P. 626.

³⁷⁴ Журавлева В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2023. Т. 14. Выпуск 10 (132).

³⁷⁵ Cousins N. In place of folly. N.Y., 1961.

³⁷⁶ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 172–178.

стратегия иллюстрирует важное направление деятельности антиядерной гражданской оппозиции: обсуждение вопросов использования атомной энергии в военных целях пытались сделать частью не только экспертных дебатов, но и школьного чтения, семейных разговоров и повседневной педагогической практики³⁷⁷.

Возобновление советских ядерных испытаний, произошедшее в сентябре того же 1961 г., а также опасность, которую несло применение ядерного оружия, активно обсуждались на страницах прессы³⁷⁸ и в научных журналах³⁷⁹, которые становились общей площадкой для формирования антиядерных общественных организаций³⁸⁰. Речи Кеннеди, включая «берлинскую», которые большинство американцев слушали у себя дома, приносили ядерные угрозы и связанные с ними страхи прямо в их гостиные³⁸¹. Даже те, кто обычно не следил за внешней политикой, получали возможность и ощущали необходимость вникать в детали возможного ядерного столкновения между США и СССР.

В данном контексте дискуссия о строительстве бомбоубежищ и развитии гражданской обороны приобрела особую остроту. Однако первоначально оптимистичный взгляд на эффективность бомбоубежищ начал меняться. Ярким примером этого стали публикации в журнале "Life".

15 сентября 1961 г. журнал подготовил объемный материал, посвященный бомбоубежищам, которые американцы могли построить своими силами. В нём утверждалось, что без убежищ в ядерной войне умрёт четверть населения, а с убежищами меньше 3%. Читателям было предложено три способа оборудовать убежище: укрепить свой подвал дополнительными слоями бетона и дерева, построить убежище на глубине как минимум один метр из бетона или стали или наземный кирпичный бункер с прослойкой грунта или гравия. К каждому варианту прилагались чертежи и инструкции. Кроме того, читателей информировали о

³⁷⁷ Ibid.

³⁷⁸ Nuclear Testing Resumed // The Science News-Letter, 1961. Vol. 80. № 12. P. 187–88.

³⁷⁹ Kuroda P. K., Nix J. Strontium-90 Fallout from the 1961 Soviet Nuclear Detonations // Science. 1962. Vol. 137, no. 3534. P. 991–992.

³⁸⁰ Wittner L.S. Resisting the Bomb: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1954–1970 // International Journal, 1998. № 53 (2), 364. P. 51–59.

³⁸¹ Rose K.D. One Nation Underground: The Fallout Shelter in American Culture. N.Y., 2004. P. 21.

стоимости постройки бункера и приводились примеры уже оборудованных бомбоубежищ нескольких американских семей. Заканчивался материал небольшим инструктажем на случай ядерного удара, основанным на доступных материалах Управления гражданской обороной³⁸².

Важно, что материал предваряло письмо президента Кеннеди от 7 сентября 1961 г., в котором он обращался к американцам с просьбой серьёзно отнестись к статье и подготовиться к опасностям, ожидающим США и весь мир в будущем³⁸³. Таким образом он негласно придавал авторитет материалу “Life” и способствовал тому, что читатели воспринимали его как достоверное руководство.

В «Берлинской речи» Кеннеди говорил о выделении средств на строительство убежищ в государственных и общественных зданиях и их обеспечении всем необходимым. Однако параллельно подчеркивал, что на осуществление этой программы уйдёт время. Поэтому американцам нужно начать самостоятельно готовиться к худшему. Вскоре именно идея личных убежищ стала объектом серьёзной критики.

12 января 1962 г. вышел новый номер журнала, посвященный бомбоубежищам, но на сей раз с намного более осторожными формулировками, в которых говорилось о «повышении шансов выжить» и «возможность того, что в определённых условиях спасутся миллионы американцев»³⁸⁴. Журнал старался не дискредитировать индивидуальные постройки напрямую, но признавал большую эффективность государственных проектов. Неоднократно подчёркивалось, что «многое остаётся неизвестным», «предстоят дальнейшие исследования». Это также показывало изменение тона издания.

Статью сопровождали комментарии обычных американцев, высказывающихся «за» и «против» строительства бомбоубежищ, которые отражали основные

³⁸² Fallout Shelters: You Could Be Among the 97% to Survive If You Follow the Advice in This Article. An urgent letter to all Americans from President Kennedy // Life. 1961. Sept 15. P. 96–108. URL: <https://books.google.ru/books?id=nVQEAAAAMBAJ&pg=PA8> (дата обращения: 18.08.2026).

³⁸³ Kennedy J. F. A Message to You from the President // LIFE. 1961. Sept. 15. P. 95. URL: <https://books.google.ru/books?id=nVQEAAAAMBAJ&pg=PA8> (дата обращения: 18.08.2026).

³⁸⁴ Young W. R. Everybody's Talking About Shelters: The Government Comes Out for Community Protection, and Drawings Give Some Examples; Group Shelters Are a Start — the Facts Require Much More // LIFE. 1962. 12 Jan. P. 34–43. URL: <https://books.google.ru/books?id=nU0EAAAAMBAJ&pg=PA39> (дата обращения: 18.08.2026).

направления дискуссии вокруг этой темы. Банковская служащая Дороти Геннауэй полагала, что убежища не смогу спасти американцев в случае ядерной войны: «Нападение будет совершено не одной бомбой, а множеством. В этих убежищах мы погибнем. Наш лучший шанс – это работать ради мира, направить на это все наши усилия»³⁸⁵. Рабочий-строитель Арнольд Ларсен возражал: «Жизнь должна продолжаться. Поэтому убежища должны быть достаточно большими, чтобы вместить сотни людей... Их следует строить в рамках федеральных программ или программ штатов»³⁸⁶.

Неизменным оставалось детальное и пугающее описание журналистами разрушений и увечий, которые последуют после ядерного удара: «Что известно о самих радиоактивных выбросах? Они образуются, когда гигантский огненный шар от взрыва бомбы соприкасается с поверхностью земли. Его температура, достигающая многих миллионов градусов, испаряет всё, чего он касается: здания, дороги, людей, а также такое количество горной породы и грунта, что образуется воронка шириной в тысячу футов и более и глубиной в сотни футов. По мере подъёма огненного шара поднимается и захваченная им масса вещества, ставшего радиоактивным из-за близости к взрыву; затем она охлаждается. Испарённые частицы вещества, соединённые с радиоактивными продуктами процесса деления, начинают вновь затвердевать: сначала металлы, затем частицы почвы и другие элементы. Образовавшиеся частицы через 15–30 минут создают смертоносный дождь, от которого и должна защищать программа убежищ. <...> Долговременные опасности заключаются в преждевременном старении и сокращении продолжительности жизни, повышенной вероятности заболеть лейкемией и раком костей годы спустя, а возможно, и другими отложенными заболеваниями. Учёные сходятся во мнении, что возрастёт и число генетических мутаций, вызывающих уродства и мертворождения у последующих поколений. Но, располагая скудными данными, они сильно расходятся в оценках того, насколько в действительности серьёзной будет эта проблема. Эти отложенные последствия, как для организма, так

³⁸⁵ Ibid. P. 36.

³⁸⁶ Ibid. P. 37.

и для генов, могут быть вызваны прямым воздействием радиации на тело, употреблением растений, выросших на загрязнённой почве, или молока от коров, питавшихся заражённым кормом»³⁸⁷.

Эта цитата наглядно демонстрирует не только пугающую американцев картину, но и смену тональности обсуждения ядерного оружия в ведущих СМИ. Раньше такие издания как «Бюллетень учёных-ядерщиков» и «Субботнее обозрение» представляли оппозицию, выступавшую с критикой защиты использования ядерного оружия в крупных СМИ. Теперь же ужасы ядерного Апокалипсиса проникли в медийный мейнстрим.

Все это привело к общему изменению эмоционального фона в США. Многие СМИ отмечали апатию и фатализм, поразившие американское общество. Газета “New York Times”, подводя итоги развернувшимся вокруг строительства бомбоубежищ дебатов, писала, что страна была заражена «смесью интереса к гражданской обороне, апатии и фатализма»³⁸⁸. Дж. Рестон, популярный колумнист, чьи колонки покупались и перепечатывались разными газетами и журналами, осуждал Кеннеди за «Берлинскую речь», которая реально напугала население, но при этом не представила чёткого плана действий. Кроме того, отмечал он, это открывало возможности для нечистых на руку компаний, которые начали наживаться на строительстве бомбоубежищ³⁸⁹.

Кроме апатии и фатализма в американском обществе зародился и другой страх, беспокоящий общество значительно более сильно. Иногда его называют по заголовку статьи в журнале “Time”, в которой он был впервые сформулирован «Вооружись против ближнего своего»³⁹⁰. Дело в том, что в условиях постапокалипсиса, который будет сопровождаться недостатком воды, продовольствия и медикаментов, многие хозяева личных бомбоубежищ должны

³⁸⁷ Ibid. P. 39.

³⁸⁸ Waggoner, W. H. Concern over Civil Defense Increases throughout the Nation / W. H. Waggoner // The New York Times. 1961. Sept. 5. P. 1, 20.

³⁸⁹ Reston, J. How to Be Evaporated in Style / J. Reston // The New York Times. 1961. 15 Oct. Sec. E. P. 8; Reston, J. Those Sweet and Kindly Shelter Builders / J. Reston // The New York Times. 1961. 12 Nov. P. 3; Reston, J. Kennedy's Shelter Policy Re-Examined / J. Reston // The New York Times. 1961. Nov. 26. Sec. E. P. 11.

³⁹⁰ Religion: Gun Thy Neighbor? // Time. 1961. August 18. Vol. 78, no. 7. P. 60. URL: <https://time.com/archive/6810334/religion-gun-thy-neighbor/> (дата обращения: 07.09.2026).

будут защищаться от своих соседей с оружием в руках. В прессе развернулись дебаты о допустимости такого поведения.

Казинс в одной из своих редакторских колонок описал рассуждения простых американцев в разных печатных изданиях: «Превращение вполне порядочных людей в холоднокровные машины смерти; психологическая подготовка к эпохе каннибализма; планирование массовых убийств и определение условий, при которых они считаются допустимыми; нравственная самонадеянность тех, кто берётся предписывать обстоятельства, при которых духовно дозволено убивать своих соседей; притупление человеческой реакции на боль; примирение с неизбежностью катастрофы; обесценивание человеческой личности, сопровождаемое безответственным фатализмом – всё это уже характеризует существующую и стремительно разрастающуюся камеру ужасов»³⁹¹.

Разумеется, не все американцы были готовы убивать своих соседей. Для многих сама мысль об этом была неприемлема, а публичное обсуждение подобной возможности ухудшало отношение к бомбоубежищам. По всей стране обсуждался вопрос о том, что идея бомбоубежищ приводит к моральному разложению общества. Дело было не только в той части общества, которая оказалась готова применять насилие к своим согражданам, но и в том, что намерение прятаться под землёй расценивалось как трусость, бегство от борьбы и отказ от идеалов Соединённых Штатов. Часто использовалась метафора возвращения в пещеры, к первобытному образу жизни или перехода к военному государству, которое может контролировать население, запертое в бункерах³⁹².

В этом эмоциональном контексте новым потрясением для американцев стало заявление Кеннеди 17 октября 1961 г., в котором он сообщил о намерении СССР взорвать 50-мегатонный термоядерный заряд: «Поступают сообщения, что Советский Союз планирует взорвать гигантскую ядерную бомбу – эквивалент 50 миллионов тонн тротила. <...> Мы убеждены, что народы всего мира присоединятся к нашему призыву не проводить испытание, которое не может служить никакой

³⁹¹ N. Cousins. Shelters, Survival, and Common Sense. Part II // Saturday Review. 1961. Oct. 28. P. 26.

³⁹² Rose K. D. One Nation Underground: The Fallout Shelter in American Culture. New York: New York University Press, 2001. P. 100-103.

законной цели и лишь добавит огромное количество новых радиоактивных осадков к тем, что уже были высвобождены в последние недели»³⁹³.

В СМИ начались обсуждения того, какого масштаба загрязнения последуют за подобным мощным взрывом³⁹⁴. 30 октября 1961 г. на полигоне «Сухой Нос» прошло испытание РДС-220, впоследствии названного «Царь-бомба». Вместе с тем обсуждалось и то, что бомба такой мощности нужна не столько в практических военных целях, поскольку для уничтожения крупного города подходят и намного менее мощные заряды, сколько для достижения политического эффекта, и ни один серийный самолёт не смог бы поднять её в воздух³⁹⁵.

Соединённые Штаты, в свою очередь, возобновили ядерные испытания в 1962 г. Кеннеди рассказал о первой после объявления моратория американской серии ядерных взрывов 2 марта 1962 г.: «Эти испытания будут проводиться в таких условиях, чтобы свести радиоактивные осадки к абсолютному минимуму — значительно меньшему, чем загрязнение, вызванное советской серией испытаний прошлой осенью. <...> Естественная радиация, как всем известно, всегда присутствовала в окружающем нас воздухе и имеет определённые долговременные биологические последствия. По осторожным оценкам, совокупное воздействие этой серии испытаний будет примерно равно лишь 1 проценту воздействия, обусловленного естественным радиационным фоном. <...> Тем не менее я глубоко сожалею о том, что в атмосферу вообще приходится добавлять какие-либо радиоактивные вещества, что здоровье хотя бы одного человека может быть поставлено под угрозу в обозримом будущем. И какими бы отдалёнными и ничтожными ни были эти риски, я всё же чрезвычайно сожалею о необходимости противопоставлять их опасности для сотен миллионов жизней, которая возникла бы в случае относительного ослабления нашей ядерной мощи»³⁹⁶.

³⁹³ Кеннеди Дж. Ф. Заявление Белого дома относительно советских планов испытать 50-мегатонную бомбу [Электронный ресурс]. 17 октября 1961 г. // The American Presidency Project / online by G. Peters, J. T. Woolley. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/white-house-statement-concerning-soviet-plans-test-50-megaton-bomb> (дата обращения: 15.08.2026).

³⁹⁴ Nuclear Testing Resumed // The Science News-Letter, 1961. Vol. 80. № 12. P. 187–88.

³⁹⁵ The Atom: Testing // Time. — 1961. — 9 Nov. — URL: <https://time.com/archive/6871310/the-atom-testing/> (дата обращения: 18.08.2026).

³⁹⁶ Кеннеди Дж. Ф. Радио- и телеобращение к американскому народу «Ядерные испытания и разоружение» [Электронный ресурс]. 2 марта 1962 г. // The American Presidency Project / online by G. Peters, J. T. Woolley. URL:

Из текста речи видно, что, рассказывая об американских испытаниях, Кеннеди делает упор на осторожности, которую, по его мнению, не проявлял СССР; на наличии естественной радиации в окружающей среде и на том, что американские специалисты будут поддерживать уровень загрязнения близким к естественному фону; на выражении сожаления по поводу того, что ему приходится одобрять даже столь «безопасные» ядерные испытания.

Таким образом, рассказ о ядерном оружии должен был вызывать страх, когда речь шла о советском нападении или об опасной случайности, допущенной СССР в обращении с ядерными боеприпасами. То же самое касалось советских ядерных испытаний, в ходе которых взрывались чрезвычайно мощные бомбы ради политического эффекта. При этом в выступлении Кеннеди почти не упоминалась опасность американских испытаний, зато подчёркивались сдержанность и ответственность США.

Столь разные эмоциональные описания советского и американского военного атома не привели к ожидаемым результатам. Отсутствие чёткого плана действий, противоречивая информация об эффективности бомбоубежищ, нескончаемые подробные рассказы о последствиях ядерных взрывов – всё это вселяло в американцев страх.

Описанные в предыдущих параграфах усилий журналистов, активистов и ученых, создавших эмоциональную инфраструктуру для трансляции своих страхов и опасений и конвертирования их в политические действия, а также использование ядерных страхов администрацией Кеннеди для мобилизации населения и оправдания новой бюджетной политики, не прошли даром. Газетные и журнальные статьи, научные и научно-популярные труды, данные о стронции-90 в молочных зубах и риторика политиков делали ощущение опасности предельно личным. Речь шла не об абстрактной геополитике, а о здоровье детей, о моральном состоянии американских семей, о самом будущем Америки. У граждан США сформировалась

потребность не только пассивно потреблять информацию о ядерной угрозе, но и реагировать на нее.

Именно в данном контексте письма становились одним из немногих доступных способов превратить тревогу в действие. В них американцы могли не только выразить страх и надежду, но и попытаться включить собственный голос в публичную и политическую повестку. Адресатами таких обращений становились не только представители американской власти, но и Хрущёв, который в американском публичном поле воспринимался одновременно и как один из главных источников ядерной угрозы, и как политик, способный эту угрозу остановить. В письмах ядерные страхи переплетаются с новым, «очеловеченным» образом советского лидера.

Уже с августа 1961 г., еще до возобновления советских ядерных испытаний, под воздействием «Берлинской речи» Кеннеди и последовавшего обсуждения в прессе наблюдается рост числа писем, адресованных не только американскому руководству, но и советскому лидеру. Их авторы пытались одновременно выразить тревогу, повлиять на решения «наверху» и восстановить чувство контроля над ситуацией, которая в противном случае казалась им полностью неподвластной.

Гневные письма на имя первого секретаря ЦК КПСС начали поступать практически сразу после возобновления испытаний. Когда об этом стало известно, американские газеты напомнили читателям слова самого Хрущёва, перепечатав фрагмент его речи перед Верховным Советом СССР от января 1960 г.: «Правительство, которое первым начало бы проводить испытания ядерного оружия, взяло бы на себя тяжёлую ответственность перед всеми народами»³⁹⁷.

Американцы начали отправлять советскому лидеру этот отрывок, стремясь устыдить его. Несколько авторов не только прислали цитату, но и попросили Хрущёва разослать её десяти людям как «письмо счастья»³⁹⁸. В этом читается желание язвительно подчеркнуть его отход от собственных слов. Другие ничего не

³⁹⁷ Cousins, N. When One Danger Is Greater than Two / N. Cousins // Saturday Review. 1961. 14 Oct. Vol. 44. P. 38. Возможно, какие-то еще американские издания переиздавали речь Хрущёва, но пока нам не удалось найти такие примеры.

³⁹⁸ См. напр.: ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 95. Д. 1208. Л. 178.

добавляли к цитате: можно предположить, что им было важно показать, что они-то помнят эти слова советского лидера³⁹⁹. В ряде писем адресаты прямо пишут о том, что не понимают, как он мог «свернуть с пути» борьбы за мир, призывают вернуться к прежнему мирному курсу и снова бороться за прекращение гонки вооружений: «Тот, кто относится к детям с такой добротой, которую вы продемонстрировали во время пребывания в нашей стране, должен быть хорошим человеком»⁴⁰⁰.

Некоторые письма отличались значительным объёмом и сложной смесью эмоций. Часть авторов старалась продемонстрировать Хрущёву откровенно негативное отношение, подчёркивая американское моральное, интеллектуальное и даже военное превосходство:

«Дорогой Никки, я время от времени читаю о тебе в газетах и вижу, что ты все больше влипаешь в неприятности. Ты же знаешь, что маленькие мальчики, которые играют с огнем, в конце концов обжигаются, не так ли? Ты просто продолжаешь баловаться, и рано или поздно кто-нибудь даст тебе хорошего пинка под зад... Но война, Никки, означает, что ты умрешь, и я не верю, что ты хочешь совершить самоубийство. Ты, несомненно, помнишь, что мы сделали с британцами в 1776 году, с немцами в 1914 году и снова в 1941 году. Ты знаешь, что случилось с Муссолини и Гитлером. То же самое случится на этот раз уже с тобой»⁴⁰¹.

В других письмах преобладал более «человечный» и семейный образ Хрущева, сформированный в ходе его визита в США в 1959 г. Их авторы обращались к Хрущёву как к человеку, отцу и деду, прося его помочь сохранить жизнь своим и советским детям. Они напоминали ему его прежние заявления о мире, разоружении и расширении полномочий ООН и выстраивали аргументацию вокруг общей ответственности за будущее: «Мы выступаем против испытаний бомб где бы то ни было и какой бы то ни было страной. Ваши испытания отравляют российское небо, равно как и американское; отравляют российских детей, американских детей, детей всего мира. Во имя человечества прекратите все испытания»⁴⁰².

³⁹⁹ См. напр.: ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 95. Д. 1208. Л. 137.

⁴⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 95. Д. 1208. Л. 117.

⁴⁰¹ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 95. Д. 1208. Л. 54.

⁴⁰² ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 95. Д. 1208. Л. 9.

Авторы боялись не только возможной ядерной войны, но и самого факта проведения испытаний. Решение Хрущёва возобновить их вызывало одновременно страх и гнев. В письмах не просто репрезентируются эмоции американцев, но и предпринимается попытка вызвать ответную реакцию у Хрущёва. В одних случаях за счёт угроз, уничижительных обращений и исторических аналогий, в других посредством попытки идентифицировать себя с ним в роли родителя, заботящегося о детях. Страх перед испытаниями передаётся через те образы, которые уже были описаны в предыдущей части главы: страх за здоровье детей, тревога по поводу любых испытаний «в любой точке мира», опасения повреждения ДНК и «вырождения человечества», новое понимание хрупкости окружающей среды.

Особенно наглядно это видно в письме, подписанном 281 американцем:

«Как вам хорошо известно, радиоактивные осадки, произведенные и в Соединенных Штатах, и в России, убивают или калечат как живых людей, так и нерожденных. Ни одна страна не имеет права отравлять воздух, воду и пищу людей во всем мире. Испытания ядерного оружия являются преступлением против человечества, и те, кто отдает приказы об этих взрывах, сейчас и в будущем будут осуждены как преступники.

Как один человек другому и от имени 281 американского гражданина, подписавшего письмо, я призываю из всех своих сил, **отказаться от любых дальнейших испытаний ядерного оружия, независимо от того, как могут поступить другие страны** (выделение текста принадлежит автору письма. – В.А.).

Мы просим о том же президента Кеннеди, как Вы можете видеть в прилагаемой копии нашего письма к нему.

Только если все испытания будут прекращены, человечество сможет избежать физической и генетической катастрофы. И только таким образом Ваша страна или любая другая страна сможет достичь целей десятилетней или двадцатилетней программы развития для своего народа.

Во имя человечества прекратите все испытания бомб»⁴⁰³.

Таким образом, письмо Хрущеву становится выражением групповых эмоций и коллективным политическим действием. Автор текста стремится показать, что его мнение разделяют и другие американцы. Он подчёркивает, что речь идёт о вреде,

⁴⁰³ Письмо группы американских граждан, 1961 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 95. Д. 1208. Л. 7.

который радиоактивные осадки наносят людям «во всём мире», живым и ещё не рождённым, и о том, что решения небольшой группы руководителей способны определить физическое и генетическое будущее человечества.

Как было показано ранее, подобные идеи начали распространяться в США лишь во второй половине 1950-х гг., однако в 1961 г. они уже присутствуют в письмах Хрущёву. Так ядерная угроза в начале 1960-х гг. переставала восприниматься простыми американцами исключительно в категориях национальной безопасности и начинала осмысливаться в глобальных терминах. Адресуя свои требования одновременно Хрущёву и президенту Кеннеди, авторы фактически признают, что ответственность за прекращение испытаний лежит не только на СССР, но и на их собственном правительстве, а объектом, которому угрожают радиоактивные осадки, выступает уже не нация, а человечество в целом. Формула «во имя человечества» в финале последнего письма фиксирует этот поворот: страх перед физической и генетической катастрофой помогал вообразить новое политическое и эмоциональное сообщество, в которое входят и американцы, и советские граждане. В этом сообществе советские люди переставали быть исключительно представителями враждебного лагеря: они становились такими же потенциальными жертвами ядерной войны. Это позволяло просить Хрущёва о спасении не только американских жизней, но и жизней его собственных граждан⁴⁰⁴.

Авторы писем уделяли большое внимание детям, которые в их глазах становились невинными жертвами политического противостояния США и СССР. Визит Хрущёва в Америку в сопровождении семьи сделал его в глазах многих американцев не только политическим лидером, но и отцом и дедом. Поэтому в письмах авторы сознательно опирались на этот образ, превращая его в один из ключевых аргументов: они связывали заботу Хрущёва о собственных детях и внуках с общечеловеческими ценностями, формируя таким образом наднациональную идентичность.

⁴⁰⁴ Аванская В.А. Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущёву) // Россия и современный мир, 2023. № 2 (119). С. 41–52.

В других письмах авторы позиционировали себя иначе: не «представителями человечества», а американцами, «американскими матерями» или домохозяйками. Но вне зависимости от того, какая идентичность актуализировалась в момент написания письма, страх перед далёкими взрывами термоядерных бомб сближал авторов с остальным человечеством. Он заставлял их думать не только о безопасности собственной семьи или нации, но и о защите всей окружающей среды и физического и генетического здоровья всех детей мира.

Несмотря на то, что 13 августа 1961 г. в Берлине началось возведение ограждения из колючей проволоки, позднее заменённое бетонной стеной, а 27 октября у КПП «Чарли» встретились американские и советские танки, это практически не нашло отражения в письмах Хрущеву. Возобновление ядерных испытаний, которые в восприятии американцев привели к очередному кризису холодной войны, фактически затмили для них события в Берлине.

Письма с требованием прекратить испытания продолжали поступать на имя Хрущёва вплоть до октября 1962 г., когда стало известно о размещении советских ракет на Кубе. Ядерные страхи американцев получили дальнейшее развитие в рамках ядерного кризиса, поставившего мир на грань уничтожения. После телевизионного обращения Кеннеди к американскому народу 22 октября 1962 г., в котором он сообщил о размещении советских ракет на Кубе, количество писем резко возросло: обеспокоенные американские граждане начали писать как своему президенту, так и советскому лидеру.

Непрерывающийся поток письменных обращений на имя Хрущева, в которых американские авторы описывали свои ядерные страхи, позволяет связать возобновление испытаний ядерного оружия в СССР с Карибским кризисом: события на Кубе не породили тревоги «с нуля», а обострили уже существующие, что подтолкнуло ещё большее число людей к написанию писем Хрущёву. С учетом эмоциональной реакции американцев можно включить возобновление воздушных и наземных ядерных испытаний в СССР 1 сентября 1961 г. в число ядерных кризисов, традиционно выделяемых в историографии.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. ядерная угроза осознавалась в американском обществе не только в ходе дипломатических кризисов и на фоне решений политического руководства, но и посредством медиа, научных дискуссий, инструкций по гражданской обороне и повседневных разговоров о выживании. Все это формировало разветвленную эмоциональную инфраструктуру, которая позволяла аккумулировать общественные настроения и превращать их в политические действия. Чем больше информации о ядерных технологиях становилось доступно, тем громче звучала критика испытаний со стороны учёных и журналистов, тем активнее шёл сбор данных о распространении радиоактивных осадков и тем серьёзнее переоценивались связанные с ними опасности. Испытания всё более мощных бомб и осознание масштабов потенциального вреда, наносимого ядерным и термоядерным оружием, приводили к пониманию того, что воздействовать необходимо не только на собственное правительство, но и на правительства всех держав, входящих в «ядерный клуб». Ядерное оружие становилось общей проблемой, а решения, принимаемые в Вашингтоне, Москве или других столицах, воспринимались как угроза всему человечеству.

Если администрация Эйзенхауэра стремилась обеспечить общественную поддержку испытаниям, подчёркивая значение ядерного оружия для национальной безопасности, настаивая на отсутствии угрозы для здоровья граждан, то администрация Кеннеди и он сам, начиная с предвыборной гонки за президентское кресло, использовали страх как средство мобилизации, чтобы оправдать увеличение военного бюджета, развитие гражданской обороны и демонстрацию твёрдости в отношениях с СССР. Однако эта стратегия имела противоречивые последствия. Вместо чувства защищённости она часто порождала апатию, фатализм, недоверие к официальной информации и сомнение в моральной приемлемости индивидуального спасения. Дискуссия о бомбоубежищах сделала ядерную войну личной проблемой американцев, заставляя их думать не только о международном престиже и сдерживании коммунизма, но и о детях, соседях, еде, воде, радиации и готовности применять насилие ради собственного выживания.

Важнейшим событием стали возобновления советских ядерных испытаний осенью 1961 г. На эмоциональную реакцию американцев оказали влияние многие факторы, сформировавшиеся на протяжении второй половины 1950-х – начала 1960-х гг.: общественная оппозиция ядерному оружию, забота об экологии и здоровье детей, новый «очеловеченный» образ Хрущева и усложнившийся образ Советского Союза в целом, конструирование наднациональной идентичности. Благодаря развитию эмоциональной инфраструктуры общественные настроения конвертировались в политические действия: дискуссии на страницах газет и журналов, письма американскому президенту и советскому лидеру.

В этом смысле включение возобновления испытаний в число «ядерных кризисов» и его связка с Карибским кризисом важны не только с точки зрения традиционной политической истории, но и с точки зрения истории эмоций. Для части американского общества оба события воспринимались как звенья одной цепи, усиливавшей чувство общей уязвимости и подталкивавшей к новой форме политического участия – письмам, в которых страх за детей и за человечество в целом становились ключевым аргументом в обращении и к своим, и к чужим лидерам.

Глава 3. Эмоциональное измерение Карибского кризиса и его последствий в США

Осенью 1962 г. противостояние двух сверхдержав достигло своего пика: Советский Союз установил на Кубе ядерные ракеты, а Соединенные Штаты в ответ установили морскую блокаду острова. Мир оказался в шаге от ядерной катастрофы. Параллельно достигло своего пика и эмоциональное напряжение в американском обществе. Страхи ядерного Армагеддона, которые формировались благодаря дискуссиям в прессе о бомбоубежищах, возобновлении советских и американских ядерных испытаний, деятельности антиядерных общественных активистов и ученых, казалось, начали претворяться в жизнь.

Ситуация вокруг Кубы накалялась параллельно с эскалацией в Берлине. Однако географическая близость острова Свободы к США оказывала прямое воздействие на степень эмоциональной вовлеченности американских политиков, прессы и общества. На протяжении 1961-1962 гг. в медийном и публичном пространстве продолжались дискуссии вокруг провала операции ЦРУ в Заливе свиней в апреле 1961 г. с целью свержения правительства Фиделя Кастро, расширения советского влияния на Кубе и, следовательно, нарастающей угрозе для США. Все это поддерживалось эмоциональными выступлениями президента Кеннеди на радио и телевидении.

В третьей главе рассматривается то, как формировался эмоциональный фон американского общества накануне, во время и после Карибского кризиса. Для этого необходимо кратко охарактеризовать трехсторонние отношения между США, СССР и Кубой в 1961-1962 гг. и проанализировать реакцию в американской прессе на начало Карибского кризиса. Как никогда ранее близкое столкновение с ядерной угрозой актуализировало сформированные в предыдущий период эмоции и образы и стало катализатором процессов конструирования новых идентичностей в американском обществе – как национальных, так и наднациональных, что приводило к переосмыслению образов советского Другого и американского Себя.

3.1. Кубинский вопрос в советско-американских отношениях

Вступив в должность президента США, Дж. Кеннеди, следуя своей предвыборной риторике, начал искать способы восстановить американское лидерство и ответить на вызовы СССР в научно-технической, военной и политической сферах. Вместе с тем уже в первые месяцы президентства Кеннеди стремился сохранить возможность прямого, пусть и неофициального, диалога с Москвой.

Такой канал был установлен через пресс-атташе советского посольства в Вашингтоне Георгия Никитовича Большакова, который в мае 1961 г. сообщил президенту о возможности конфиденциальных контактов с Хрущевым. Через него, среди прочего, велась подготовка к встрече Кеннеди и Хрущёва в Вене в июне 1961 г. Саммит должен был помочь установить личные отношения между двумя лидерами и прояснить переговорные позиции сторон, но он проходил в эмоциональной атмосфере, отравленной операцией в заливе Свиней на Кубе⁴⁰⁵.

В начале 1960-х гг. Куба становится одной из центральных тем как в советско-американских отношениях, так и во внешней политике США в целом. Для лучшего понимания эмоционального восприятия американцами вмешательства СССР в американо-кубинские отношения и Карибского кризиса, необходимо предварительно проанализировать эволюцию представлений о Кубе в США.

Куба занимала особое место в американских репрезентациях. После Испано-американской войны 1898 г. она находилась под американской оккупацией, которую США сняли в 1902 г., оставив за собой право держать на Кубе военные базы и вмешиваться в её внутреннюю политику, чем они несколько раз воспользовались⁴⁰⁶. В общественном восприятии остров стал зоной ответственности США, близким соседом, независимости которого нужно помогать и в которого можно инвестировать

⁴⁰⁵ Beschloss M.R. The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960-1963. New York: Edward Burlingame Books, 1991. EPUB. Ch. 8: "Not as a Cripple".

⁴⁰⁶ Iglesias Utset M. A Cultural History of Cuba during the U.S. Occupation, 1898–1902 / trans. by R. Davidson. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2011. 232 p. URL: <https://uncpress.org/book/9780807877845/a-cultural-history-of-cuba-during-the-u-s-occupation-1898-1902/>. (дата обращения: 22.08.2026).

денежные средства. Американцы ездили на Кубу отдыхать, наслаждались близостью экзотического курорта, музыкой и ромом⁴⁰⁷. Поэтому обращение Кубы к коммунистическим идеям стало не только политическим, но и эмоциональным ударом.

Изменения на Кубе начались после военного переворота генерала Ф. Батиста в марте 1952 г. Батиста отменил предстоящие выборы, Конституцию 1940 г. и установил авторитарный режим. На взаимоотношения с США эти события первоначально не оказали влияния, поскольку диктатор активно сотрудничал с американским бизнесом. Но усиление коррупции, репрессий и рост социального неравенства привели к общественному недовольству, которое переросло в антибатистовское движение и военное сопротивление. К концу 1958 г. стало очевидно, что позиции Батисты существенно ослабли. В ночь на 1 января 1959 г. он бежал из страны⁴⁰⁸.

США рассчитывали на продолжение экономических отношений с Кубой, поэтому не выступали против смены режима. Многие издания писали о новой кубинской власти в позитивном ключе. 19 января 1959 г. журнал “Life” поместил Кастро на свою обложку, назвав его человеком 1958 г., и в сопроводительной статье представил его победное шествие по Кубе: «Смертельно уставший, но невероятно сильный и решительный лидер самостоятельно преодолел 650 миль (1046 км) политического турне также как до этого преодолел 25 месяцев битв. Раз за разом он произносил страстные многочасовые речи, призывавшие людей строить новую Кубу»⁴⁰⁹.

Весной 1959 г. Кастро приехал с визитом в США и воспринимался многими американцами как молодой харизматичный освободитель своей Родины. Его военная форма, борода, слава партизана и лёгкость в общении привлекали внимание газет и журналов, охотно посвящавших ему статьи и размещавших на своих страницах его

⁴⁰⁷ Pérez L.A., Jr. Cuba under the Platt Amendment, 1902–1934. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1986. 460 p.

⁴⁰⁸ Brown J.C. Cuba’s Revolutionary World. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2023. 600 p.

⁴⁰⁹ Liberator’s Triumphal March // LIFE. 1959. Jan. 19. P. 28-31. URL: <https://books.google.ru/books?id=Wz8EAAAAMBAJ&pg=PA28>. (дата обращения: 18.08.2026).

фотографии⁴¹⁰. В отличие от широкой публики, пресса и американские политики относились к нему с осторожностью, поскольку не имели четкого представления о политических взглядах и намерениях политических взглядах нового кубинского лидера и его планах в отношении США⁴¹¹.

Ухудшение отношений началось вместе с началом аграрной реформы на Кубе, предполагавшей конфискацию земельных владений и национализацию предприятий, многие из которых принадлежали американцам. В 1960 г. США ограничили торговлю с Кубой, а в 1961 г. разорвали с ней дипломатические отношения⁴¹². После этого значительную помощь Кубе стал оказывать Советский Союз, предоставляя ей экономическую помощь, вооружение, нефть, машины, продовольствие и рынок для сбыта сахара.

На этом фоне президент Эйзенхауэр санкционировал разработку плана по свержению режима Ф. Кастро. ЦРУ в рамках операции «Плутон» должно было использовать пропаганду, стимулировать создание внутренней оппозиции и провести военную подготовку группы кубинских эмигрантов. Как уже упоминалось в первой главе, Эйзенхауэр отдавал предпочтение секретным операциям, позволявшим отрицать прямое участие США в дестабилизации правительств латиноамериканского региона⁴¹³.

Разработка операции «Плутон» началась в марте 1960 г., т.е. в конце второго президентского срока Эйзенхауэра, и не успела завершиться к его уходу из Белого дома. Выигравший выборы Кеннеди узнал о «Плутоне» от директора ЦРУ А. Даллеса 19 октября 1960 г. перед своим вступлением в должность президента. Таким образом, Кеннеди получил в наследство от предыдущей администрации операцию, на подготовку к которой уже были потрачены значительные ресурсы. Он не планировал начинать своё президентство с международного скандала, но и решение об отмене операции принять не мог. В итоге Кеннеди согласовал проведение

⁴¹⁰ Fidel Castro's Visit // The New York Times. 1959. Apr. 15. URL: <https://www.nytimes.com/1959/04/15/archives/fidel-castros-visit.html>. (дата обращения: 18.08.2026).

⁴¹¹ Fidel Castro Visits Washington: From the Archive, 17 April 1959 // The Guardian. 2015. Apr. 17. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/apr/17/fidel-castro-visit-washington-cuba-1959>. (дата обращения: 18.08.2026).

⁴¹² Jones H. The Bay of Pigs. New York: Oxford University Press, 2008. P. 10.

⁴¹³ Ibid. P. 19-22.

«Плутона», но перенёс высадку подготовленной ЦРУ кубинской бригады 2505 в более удалённый залив Свиней и назначил дату высадки на 17 апреля 1961 г.⁴¹⁴.

Несмотря на стремление Кеннеди избежать скандала, он начал назревать ещё до его вступления в должность президента. Уже в конце 1960 г. представитель Кубы заявил в Совете Безопасности ООН о подготовке вторжения. 3 апреля 1961 г., за две недели до высадки в заливе Свиней, государственный департамент США опубликовал 36-страничную брошюру «Куба», в которой режим Кастро обвинялся в предательстве идей революции, установлении репрессивной диктатуры и превращении страны в опорный пункт международного коммунизма в Западном полушарии. Эта брошюра стала обоснованием агрессивного курса Кеннеди в отношении Кубы и многими была воспринята как информационная подготовка перед вторжением⁴¹⁵. Наконец, пришло время высадки. Её удачный исход зависел от того, смогут ли обученные ЦРУ кубинские эмигранты на американских самолётах полностью уничтожить кубинские ВВС, и будут ли они после этого поддержаны восставшими против режима Кастро «изнутри». Ни того, ни другого не произошло: операция «Плутон» провалилась.

Секретность операции тоже оказалось под вопросом. Американские и иностранные наблюдатели понимали, что подобная акция не могла быть подготовлена группой эмигрантов без значительных ресурсов, разведывательных данных и техники⁴¹⁶. Тем не менее, правительство США не оставляло попыток скрыть своё участие в провалившемся свержении. Невольным участником сокрытия стал уже упоминавшийся член демократической партии, оппонент Эйзенхауэра на выборах 1952 г. и 1956 г., Э. Стивенсон, который в то время был постоянным представителем США в ООН. За два дня до высадки, 15 апреля 1961 г., в своём выступлении в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи Стивенсон отвергал участие правительства США в подготовке вторжения и обстреле кубинских ВВС, демонстрируя в качестве подтверждения своих слов фотографии самолёта с

⁴¹⁴ Ibid. P. 97-98.

⁴¹⁵ Editorial Note // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. X: Cuba, January 1961–September 1962 / Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v10/d79>. (дата обращения: 18.08.2026).

⁴¹⁶ Jones H. The Bay of Pigs. New York: Oxford University Press, 2008. 121-122.

кубинскими опознавательными знаками⁴¹⁷. Последовавшее вторжение, о котором администрация президента не поставила его в известность, Стивенсон воспринял как унижение и даже думал уйти со своего поста в ООН, но друзья и Кеннеди сумели отговорить его от этого шага⁴¹⁸.

Высадка в заливе Свиней стала тяжёлым внешнеполитическим поражением США и лично Кеннеди. Многие государства Латинской Америки, Азии и Африки расценили операцию как нарушение кубинского суверенитета и как свидетельство того, что США готовы силой сменять неудобные им режимы. Для Кеннеди, который победил Никсона лишь с небольшим отрывом и только начинал президентство, провал операции в Заливе свиней стала болезненным ударом по политическому имиджу⁴¹⁹.

Советское руководство осудило агрессию против «Острова Свободы», как называли Кубу в СССР, и потребовало от правительства США прекратить вмешательство в её внутренние дела. Советский Союз не предпринял никаких мер во время самой высадки десанта, но усилил политическую, дипломатическую, экономическую и военную поддержку Кубы. Провал операции изменил восприятие американской угрозы в Гаване и в Москве. Для Кастро попытка вторжения стала доказательством того, что США могут вновь попытаться свергнуть его правительство. Для Хрущёва Куба из дружественного государства превратилась в союзника, защита которого становилась вопросом международного престижа и доверия к СССР⁴²⁰. В этом смысле Куба для Москвы постепенно приобретала значение, сходное с тем, какое Западный Берлин имел для США: отказ от поддержки союзника мог быть истолкован как признак слабости, что подрывало доверие к гарантиям сверхдержавы.

Поддержка Кубы Советским Союзом означала отход от фактического послевоенного раздела сфер влияния двух сверхдержав. СССР контролировал

⁴¹⁷ Official History of the Bay of Pigs Operation // Central Intelligence Agency. URL:

<https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/3212459/Document-03-CIA-History-Staff-Official-History.pdf> (дата обращения: 26.08.2026).

⁴¹⁸ Jones H. The Bay of Pigs. New York: Oxford University Press, 2008. P. 132.

⁴¹⁹ Ibid.

⁴²⁰ Фурсенко А.А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущёва: тайная история противника Америки / пер. с англ. О.Р. Щелоковой, В.Т. Веденеевой. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 488-450.

социалистические режимы в Восточной Европе, а США считали Карибский бассейн и Латинскую Америку зоной своих интересов. Формального соглашения о таком разделе мира не существовало, но именно эта логика во многом определяла поведение обеих сторон⁴²¹. События 1956 г. в Венгрии косвенно подтвердили эту политику. США осудили подавление восстания, но не были готовы воевать за Восточную Европу. Аналогичным образом до Кубинской революции СССР не претендовал на влияние в Западной полушарии.

Сближение Кубы с Советским Союзом и расширявшиеся масштабы советской помощи повысили опасения американских политиков, что кубинский пример окажется заразительным для других стран Латинской Америки. Если небольшое государство могло национализировать иностранную собственность, выйти из-под американского влияния, получать советскую помощь и удержаться у власти, то по этому пути могли пойти и более крупные страны во всём регионе. Американские политические и бизнес-элиты традиционно считали Карибский бассейн и Латинскую Америку пространством, где появление внешней силы недопустимо с точки зрения национальной безопасности. Исторически сложившаяся зависимость Кубы от США, её радикальная трансформация после революции 1959 г. и переход на социалистические рельсы сделали Кубу символом предательства и угрозы⁴²². Поэтому сближение Гаваны с Москвой воспринималось как двойной вызов: политический, потому что Куба выходила из орбиты США, и стратегический, поскольку СССР, владевший ядерным оружием, получал союзника примерно в 145 км (90 миль) от побережья Флориды⁴²³.

Таким образом, Куба начала восприниматься в США как угроза американскому порядку в Западной полушарии в целом⁴²⁴. И этому также способствовала жесткая

⁴²¹ Westad O.A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Здесь нужна ссылка на страницу.

⁴²² Memorandum From the Chief of Naval Operations (Burke) to the Secretary of Defense (Gates). 8 December 1960 // Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. VI: Cuba / Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v06/d466> (дата обращения: 26.08.2026).

⁴²³ Paper Prepared in the Department of State: Soviet Objectives in Cuba // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. X: Cuba, January 1961–September 1962 / Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v10/d404> (дата обращения: 26.08.2026).

⁴²⁴ Westad O.A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P.

политика вашингтонской администрации: Кастро изначально не определял Кубинскую революцию как коммунистическую по своему характеру, однако после разрыва дипломатических отношений с Вашингтоном в январе 1961 г. и последовавшего вторжения в заливе Свиней, пространство для внешнеполитического манёвра у кубинского руководства заметно сузилось⁴²⁵, что подталкивало его к сближению с СССР.

В результате этого к 1962 г. трехсторонние отношения существенно накалились. В этой обстановке, а также с учетом того, что США разместили свои ядерные ракеты в Турции у границ СССР, возникла идея размещения советских ракет на Кубе. Кубинский вопрос стал той точкой, где столкнулись престиж, безопасность и глобальные амбиции двух сверхдержав.

В мае-июне 1962 г. Хрущёв и Кастро согласовали операцию «Анадырь», в рамках которой на Кубе размещались ракеты средней дальности, бомбардировщики, средства ПВО и советский военный контингент. Осуществление операции происходило летом-осенью того же года. Доставка боеприпасов, оборудования и контингента осуществлялась в атмосфере полной секретности, а командам кораблей могли не сообщать конечную точку пути во время выхода из советских портов.

Американская разведка заметила масштабную перевозку грузов на Кубу. События развивались стремительно: 14 октября 1962 г. самолёт-разведчик У-2 сфотографировал стартовые позиции ракет средней дальности на Кубе, 15 октября аналитики ЦРУ обработали фотографии, и 16 октября Кеннеди доложили о советских ракетах на острове. В этот же день президент сформировал Исполнительный комитет Совета национальной безопасности, члены которого начали обсуждение вариантов дальнейших действий⁴²⁶. В его состав помимо самого президента входили генеральный прокурор США Р. Кеннеди, госсекретарь Д. Раск, министр обороны Р. Макнамара, советник по национальной безопасности М. Банди, председатель Объединенного комитета начальников штабов М. Тейлор и др.

⁴²⁵ Фурсенко А.А., Нафтали Т. Адская игра: секретная история Карибского кризиса, 1958-1964 / пер. с англ. М.А. Тимофеевой. М.: Гей итэрум, 1999. С. 218-224.

⁴²⁶ Там же. С. 297-314.

Часть советников Кеннеди и Пентагон настаивали на необходимости ракетных ударов и вторжения на Кубу. Но президент опасался, что, как и в случае провалившейся операции «Плутон», ВВС США не смогут уничтожить все ракеты, и какая-то их часть будет запущена по территории Соединённых Штатов. Кроме того, Советский Союз мог нанести ответный удар в Берлине. Так или иначе, возникала вероятность перехода к тотальной ядерной войне. Поэтому Кеннеди принял решение объявить карантин Кубы, избегая даже слово «блокада», которое могло быть воспринято как военный акт⁴²⁷.

22 октября 1962 г. президент обратился к народу США с заявлением о полученных разведданных и объявленном карантине. Кеннеди назвал Кубу «островом-тюрьмой», на котором Советский Союз расположил ракеты, способные достичь юго-востока США. Он подчеркнул, что в скором времени СССР намеревается также установить ракеты промежуточной дальности, которые смогут поразить любую точку на территории Соединённых Штатов.

Кеннеди сделал акцент на том, что представители Советского Союза несколько раз ввали ему о размещении ракет: меньше недели назад он говорил с министром иностранных дел А.А. Громыко, который говорил ему, что СССР предоставляет Кубе только средства защиты, хотя президент уже располагал фотографиями с самолетов-разведчиков. Кеннеди демонстрировал американцам лживость Советского Союза и заявлял: «Ни Соединенные Штаты Америки, ни мировое сообщество не могут мириться с преднамеренным обманом и оскорбительными угрозами со стороны любой страны, большой или малой»⁴²⁸. Через три дня после речи Кеннеди ситуация повторилась: на чрезвычайном заседании Совета Безопасности ООН Э. Стивенсон спросил представителя СССР в ООН В.А. Зорина, есть ли на Кубе советские ракеты. В ответ на нежелание Зорина дать ответ Стивенсон показал аэрофотоснимки, запечатлевшие ракеты.

Прямое обращение президента к нации стало важным эмоциональным событием. Кеннеди стремился не только предоставить американцам информацию,

⁴²⁷ Там же. 328-350.

⁴²⁸ Kennedy J.F. Radio and Television Report to the American People on the Soviet Arms Buildup in Cuba. October 22, 1962 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum.

но и вызвать у них эмоциональную реакцию. Как и в случае речи о возобновлении американских ядерных испытаний, президент конструировал образ США как страны, жаждущей мира, но вынужденной готовится к войне. Для этого он апеллировал к обязательствам США перед Западным Берлином и кубинским народом: «Любое враждебное действие в любой точке мира, направленное против безопасности и свободы народов, которым мы обязались помогать, в особенности храброго народа Западного Берлина, встретит все необходимые меры противодействия. Наконец, я хочу обратиться с несколькими словами к порабощённому народу Кубы. Эта речь непосредственно передаётся вам по специальным радиоканалам. Я говорю с вами как друг, как человек, знающий о вашей глубокой привязанности к Родине и разделяющий ваше стремление к свободе и справедливости для всех. Я и весь американский народ с глубокой скорбью наблюдали, как была предана ваша национальная революция и как ваша Родина оказалась под чужеземным господством. Теперь ваши руководители больше не являются кубинскими лидерами, вдохновлёнными кубинскими идеалами. Они — марионетки и агенты международного заговора, который настроил Кубу против её друзей и соседей в Америке и превратил её в первую латиноамериканскую страну, ставшую целью ядерной войны, первую страну Латинской Америки, на территории которой размещено ядерное оружие»⁴²⁹. Таким образом, Кеннеди стремился мобилизовать американское общество не только с помощью эмоции страха перед коммунизмом и ядерной войной, но и посредством апелляции к их национальной гордости и моральным принципам.

Речь президента потрясла американское общество. В тот же вечер 22 октября они начали писать письма Кеннеди, Хрущеву и Генеральному секретарю ООН У Тану. Страх и тревога, вызванные потенциальной ядерной войной между двумя сверхдержавами достигли своего пика после этой речи, тем более что американское общество находилось в эмоциональном напряжении на фоне интенсивного обсуждения бомбоубежищ, последствий ядерной войны и разрушительной силы радиации. Несмотря на заявления правительства о своей способности предотвратить

⁴²⁹ Ibid.

ядерный Армагеддон, провал операции в заливе Свиней зародил в этом сомнения. Обострение ситуации на Кубе приблизило угрозу ядерной войны как никогда ранее, поскольку советские ракеты оказались «на заднем дворе» США и были готовы к запуску.

3.2. Реакция американского общества на Карибский кризис

Эмоциональная реакция американцев на Карибский кризис формировалась не только под воздействием обращения президента. В условиях быстро меняющейся обстановки каналы, посредством которых передавались информация и эмоции и которые формировали эмоциональную инфраструктуру, стали играть еще большую роль.

Исследователь Карибского кризиса М. Полманн в своей работе опирается на идеи Джеймса Розно, который предложил модель четырехступенчатого потока политической информации. Первая ступень – это те, кто формирует мнения, например президент, сенаторы, корпоративные лидеры и чиновники. Они подают политическое сообщение. Вторая ступень – лидеры общественного мнения, то есть репортеры, колумнисты, главные редактора газет и журналов. Они распространяют политическое сообщение. Третья ступень – заинтересованная публика, которая внимательно следит за новостями и поглощает политическое сообщение. Четвертая ступень – менее заинтересованное большинство, которому политическое сообщение передает третья ступень. Розно оценивает численность американцев на последней ступени в 75-90%⁴³⁰. В данном параграфе предпринимается попытка описать, как формировались потоки информации и коллективных эмоций в преддверии и в ходе Карибского кризиса.

Если говорить о «первой ступени», то администрация президента уделяла значительное внимание тому, чтобы не допустить утечки информации накануне официального обращения к нации 22 октября 1962 г. И это усилило эмоциональный эффект речи Кеннеди. Совещания Исполнительного комитета СНБ проходили в строгой секретности, об их содержании не знал даже пресс-секретарь Белого дома П. Сэлинджер.

Такая политика объяснялась не только желанием ограничить преждевременную панику в обществе, но и политическим стилем молодого

⁴³⁰ Pohlmann, M.D. "Constraining Presidents at the Brink: The Cuban Missile Crisis." *Presidential Studies Quarterly* 19, no. 2 (1989): 338; Rosenau, J. *Public Opinion and Foreign Policy*, N.Y., 1961.

президента. С момента вступления в должность Кеннеди, еще в начале своей политической карьеры сумевший выстроить неформальные отношения со многими известными и талантливыми журналистами, получил возможность периодически ограничивать информацию, поступающую в прессу.

Важным для диссертационного исследования примером стала дружба Кеннеди и Казинса. Изначально Казинс не испытывал симпатии к Кеннеди: ему не нравился отец президента Дж. Кеннеди-старший, бывший посол США в Великобритании, который симпатизировал политике А. Гитлера. По этой причине у Казинса не было радужных иллюзий по поводу его сына⁴³¹. Во время Берлинского кризиса Казинс активно критиковал программы по строительству бомбоубежищ и поведение Кеннеди, призывал его и Хрущёва не провоцировать ядерную войну ради достижения своих политических целей⁴³².

После успешного разрешения ситуации в Германии Казинс решил позволить читателям «Субботнего обозрения» отдохнуть от активной антиядерной агитации. Он поехал в Конго, где уже бывал, когда уговаривал нобелевского лауреата доктора А. Швейцера присоединиться к антиядерному движению. В это время там разворачивался Конголезский кризис, начавшийся после получения независимости от Бельгии в 1960 г. Казинс подготовил статью о крупнейшей на тот момент миротворческой операции ООН с целью стимулировать общественную поддержку подобных инициатив. Перед отправкой статьи в печать, Казинс отослал Кеннеди копию текста для предварительного ознакомления. Статья понравилась президенту, и он попросил Казинса не только опубликовать материал, но и подготовить докладную записку с рекомендациями по освещению событий в Конго. Кроме того, Кеннеди пригласил журналиста с женой на дружеский ужин в Белый дом. Биограф Казинса пишет, что тот не оставил никаких записей об этом, хотя, как правило, он скрупулезно фиксировал все свои личные встречи, сопровождая их краткими конспектами разговора. С того момента между президентом и журналистом завязались приятельские отношения: Кеннеди стремился узнавать мнение Казинса

⁴³¹ Norman Cousins, "Modern Man Is Obsolete," in *Saturday Review of Literature*, 1945. August 18, P. 172.

⁴³² Cousins N. BERLIN: No Extermination Without Representation // *Saturday Review*. 1961. Aug. 5. P. 20, 40.

по всем важным вопросам, а Казинс оказывал всю возможную поддержку президенту⁴³³.

Этот пример показывает, как Кеннеди формировал собственную эмоциональную инфраструктуру через личные отношения даже с теми журналистами, которые ранее его критиковали, поскольку хорошо понимал, как работает пресса. Перед избранием в Палату представителей США в 1946 г. он недолго работал специальным корреспондентом газетной сети Херста, в том числе освещая Потсдамскую конференцию. Среди его ближайших друзей были корреспондент “The Chattanooga Times” Ч. Бартлетт, уже известный нам колумнист Дж. Олсоп и журналист журнала “Newsweek” Б. Брэдли. Представители прессы симпатизировали Кеннеди и создавали образ обаятельного и сильного лидера. Это позволяло президенту до некоторой степени контролировать информацию о себе и действиях своей администрации. Так, например, пресса не стала уделять много внимания слухам о том, что брак Кеннеди не был его первым, фактам супружеских измен и ухудшающемуся здоровью.

Не все журналисты настолько открыто симпатизировали Кеннеди. Например, один из самых известных американских обозревателей Дж. Рестон неоднократно критиковал Кеннеди, в том числе за его особые отношения с прессой, полагая, что это делало президента слишком зависимым от мнения журналистов, а журналистов слишком поддающимися под обаяние президента⁴³⁴.

Именно «особые отношения» президента и прессы позволили Кеннеди убедить журналистов в том, что их молчание о событиях на острове необходимо для обеспечения безопасности страны. Накануне кризиса в американской прессе завязалась дискуссия вокруг Кубы. 15 октября 1962 г. в журнале “Newsweek” вышла статья под названием «Что делась с наращиванием вооружений на Кубе при Кастро?», в которой Кеннеди был назван нерешительным из-за отказа ввести блокаду или провести вторжение⁴³⁵. 16 октября газета “New York Times” опубликовала

⁴³³ Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. P. 185-186.

⁴³⁴ Reston J. President Kennedy's Dilemmas : Maurice Falk Lectures, Carnegie Institute of Technology, Pittsburgh, 1–2 April 1963. Pittsburgh, PA, 1963.

⁴³⁵ What to Do about Castro's Arms Buildup? // Newsweek. 1962. October 15.

письмо профессор Колумбийского университета, который призывал к сдержанной реакции на рост вооружений на Кубе и поддержал президента в нежелании способствовать эскалации ситуации⁴³⁶.

В то время проходила подготовка к промежуточным выборам в Конгресс США. Кеннеди проводил агитационную поездку по стране для поддержки кандидатов от Демократической партии. Однако утром 20 октября тур пришлось досрочно прервать: сославшись на простуду, президент вернулся в Белый дом раньше времени для переговоров с лидерами союзных стран, представителями Конгресса и для подготовки выступления перед нацией.

В этот момент выяснилось, что движения советских и американских судов вокруг Кубы и активизация вооруженных сил США не остались незамеченными со стороны прессы. Во время выходных дней представители газеты “The Virginian-Pilot”, агентства “The Associated Press”, газеты “New York Herald Tribune”, “The Washington Post” и “The New York Times” попросили Белый дом прокомментировать происходящее, а обозреватели Дж. Рестон и М. Франкель начали подготовку статьи для “New York Times”, в которой предположили, что советское ядерное оружие уже находится на Кубе⁴³⁷. Кеннеди сразу связался с издателями “New York Times” и “Washington Post” и попросил их придержать все материалы по Кубе пока он не обратится к нации, на что те согласились. Представители других газет и журналов сами связывались с администрацией и спрашивали, как им лучше освещать происходящие события. В результате вышедшие утром в понедельник 22 октября 1962 г. номера американских газет сообщали лишь о тяжелой и кризисной атмосфере в Вашингтоне.

Вечером того же дня обращение Кеннеди посмотрело около 50 млн. американцев, а на следующий день пресса откликнулась на выступление полной поддержкой решения президента объявить карантин и любых его дальнейших действий. Даже издания республиканской направленности, во время избирательной

⁴³⁶ Letter to the editor // The New York Times. 1962. October 16.

⁴³⁷ Позже Франкель написал книгу «Полдень холодной войны: Кеннеди, Хрущёв и Карибский кризис», которая стала популярным журналистским расследованием событий на Кубе: Frankel M. High Noon in the Cold War: Kennedy, Khrushchev, and the Cuban Missile Crisis. N.Y., 2004.

компании в Конгресс активно критиковавшие Кеннеди за провал операции в Заливе свиней, выступили с поддержкой президента⁴³⁸. Таким образом, пресса продемонстрировала «либеральный консенсус», сплотившись вокруг президента перед угрозой ядерной войны и наступления коммунизма.

Поддержка президента, однако, соседствовала со страхом и даже паникой, которой были охвачены многие американцы. Американский дом, представлявший крепость на передовой холодной войны, перестал быть безопасным. Ужасы, которые описывались в прессе после возобновления советских ядерных испытаний, моментально ревитализировались после обращения Кеннеди к нации.

Американская исследовательница Э. Джордж, которой было 10 лет во время Карибского кризиса, опираясь на обширный корпус источников, наглядно показала, какого уровня паника охватила многих американцев. Так, впоследствии называлась цифра в 10 мил. американцев, бежавших из крупных городов в провинцию из-за мнения, что именно города станут первыми целями ядерных ударов. Особенно это касалось женщин и детей, поскольку еще в период Берлинского кризиса обсуждалась проблема того, что в случае ядерной атаки выживут в основном мужчины, так как государственные убежища находились в офисных, а не жилых районах.

На офисы гражданской обороны по всей стране обрушился шквал звонков обеспокоенных граждан, которые стремились узнать самую свежую информацию о кризисе и планах действий для населения страны. “New York Times” сообщила о 15 тыс. телефонных звонков за 9 часов с вопросами о местоположении ближайших бомбоубежищ, о списках необходимой провизии и действиях в случае включения сирен. Газеты по всей стране принялись печатать инструкции и отдельные брошюры о том, как действовать в случае ядерного удара, чтобы ответить на главные вопросы напуганных читателей⁴³⁹.

Вместе с тем, эта паника не охватила всё население Соединенных Штатов. Из некоторых городов приходили новости о том, что офисы гражданской обороны не зафиксировали никакой реакции на речь Кеннеди. По мнению Э. Джордж, одни

⁴³⁸ George A. L. *Awaiting Armageddon: How Americans Faced the Cuban Missile Crisis*. Chapel Hill, 2003. P. 62.

⁴³⁹ Ibid. 64.

американцы вообще не верили в возможность войны, поскольку газеты и телепередачи продолжили транслировать рутинную рекламу и постоянные рубрики, а некоторые эксперты заявляли, что «Хрущёв только покричит», но не пойдёт на открытую войну с США. Другие, допуская вероятность войны, попросту не верили в то, что могут хоть на что-то повлиять или даже просто выжить⁴⁴⁰.

Обратившись за информацией о бомбоубежищах, многие американцы обнаружили, что работа по их подготовке началась всего за месяц до начала Карибского кризиса. Места на всех не хватило бы, продовольствием и водой запаслись в необходимом количестве, а в некоторых местах вообще не было ничего подготовлено. Многие граждане США со всей очевидностью осознали, что их правительство не готово защитить их в случае ядерной войны, которую оно может вот-вот развязать. С новой силой вспыхнула напряженность между теми, у кого были построены личные бомбоубежища, и теми, у кого их не было⁴⁴¹. Так, например, в газетах появилась информация о взаимных угрозах семей, живущих по соседству⁴⁴².

Тем не менее, большая часть американцев находилась не столько в состоянии паники, сколько в состоянии апатии. Опросы конца 1961 г. и 1962 г., проведённые ещё до обострения ситуации на Кубе, показали что треть населения США верила в возможность ядерной войны, 70% считали, что в случае войны их дома пострадают от ударов, 60% верили, что хозяевам бомбоубежищ придётся бороться за них с соседями, 30% заявили, что предпочли бы умереть в случае ядерной войны⁴⁴³. Ощущение паники конвертировалось в политические действия: на имя Кеннеди начало поступать большое количество писем. Американцы пытались хоть что-то предпринять и писали Кеннеди о плачевном состоянии государственных бомбоубежищ, давали свои рекомендации или критиковали за невыполненные обещания по подготовке укрытий⁴⁴⁴. Что касается апатии тех, кто решил игнорировать Карибский кризис, она по всей видимости объяснялась попыткой контроля над своей жизнью при помощи поддержания привычной рутины. Такое

⁴⁴⁰ Ibid. 68.

⁴⁴¹ Ibid 68-71.

⁴⁴² Ibid. 77.

⁴⁴³ Ibid. 80.

⁴⁴⁴ Ibid. 87.

объяснение вписывается в описанную во второй главе концепцию «психологического оцепенения» психолога Р. Лифтона⁴⁴⁵.

Эмоциональное и психологическое напряжение, вызванное Карибским кризисом, требовало от американцев внимания к новостям и порождало желание быть в курсе происходящего. В данных условиях новый импульс для развития получило телевидение как ключевой элемент эмоциональной инфраструктуры. Уже через год после кризиса, американское телевидение расширило формат новостных передач с 15 минут до 30⁴⁴⁶.

Ещё одним источником общественных настроений стали письма. Во-первых, после послания нации американцы начали писать Кеннеди. Пресс-служба Белого дома сообщила, что получила 4 тыс. телеграмм в соотношении 12 к 1 в том, что касалось поддержки речи президента⁴⁴⁷. Однако пока оцифрована лишь небольшая часть этих материалов. Многие американцы выражали поддержку и заявляли о готовности воевать за свободу и принципы США⁴⁴⁸. Другие критиковали действия президентской администрации, напоминая о существовании американских баз у границ с СССР и осуждая излишнюю «истерия»⁴⁴⁹.

Во-вторых, американцы отправляли письма не только в Белый дом, но и в редакции американских газет и журналов. Многие издания помещали письма о Карибском кризисе в рубрику «Письма в редакцию». Разумеется, редакторы отбирали для печати лишь часть писем, но при этом они отражали самые разные мнения американцев. Эти материалы позволяют проанализировать как читатели реагировали на события Карибского кризиса, и что они хотели сказать другим читателям.

⁴⁴⁵ Cordle A.D. In Dreams, In Imagination: Suspense, Anxiety and the Cold War in Tim O'Brien's *The Nuclear Age* // *Critical Survey*. 2007. Vol. 19. № 2. P. 101-120.

⁴⁴⁶ George A. L. *Awaiting Armageddon: How Americans Faced the Cuban Missile Crisis*. Chapel Hill, 2003. P. 120.

⁴⁴⁷ From the Archives: Atomic Gambit Episode № 3: Duck and Cover // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/about-us/social-media-podcasts-and-apps/atomic-gambit/episode-3-duck-and-cover/from-the-archives> (дата обращения: 28.08.2026).

⁴⁴⁸ Письмо Джону Ф. Кеннеди от 24.10.1962, автор Дж. Брюс // Президентская библиотека и музей Джона Ф. Кеннеди. URL: <https://www.jfklibrary.org/about-us/social-media-podcasts-and-apps/atomic-gambit/episode-3-duck-and-cover/from-the-archives> (дата обращения: 28.08.2026).

⁴⁴⁹ Письмо Джону Ф. Кеннеди от 22.10.1962, автор А.Л. Кросби // Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. White House Central Subject Files. SP: 3-57: Cuban crisis, 22 October 1962: Con: General. 1962: 23 October–15 November. JFKWHCSF-0924-051. John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/jfkwhcsf-0924-051#?image_identifier=JFKWHCSF-0924-051-p0001 (дата обращения: 28.08.2026).

Поддержка решений Кеннеди часто аргументировалась угрозой, исходившей от Кубы: «Народ Соединенных Штатов знает, какой ужасающей угрозой является Куба, и полагаю, что я прав в своей уверенности, что все мы пойдём за Президентом до самого конца»⁴⁵⁰; «Сегодня мы вынуждены занять позицию, которая определит нашу свободу и выживание, а может быть и всего мира. Действия, предпринятые против Кубы нашим президентом, оправданы не только нашей безопасностью, но и моралью: даже если Земля погибнет, справедливость должна восторжествовать!»⁴⁵¹.

Сторонники Кеннеди критиковали его только за то, что он не предпринял необходимых действий до того, как СССР разместил ракеты: «В то время как я расцениваю действия нашего правительства по отношению к Кубе как запоздавшие, я всё же верю, что их стоит приветствовать. Впервые за многие годы мы чётко заявили о своих намерениях Советскому Союзу, вместо того чтобы рассуждать о своих возможностях»⁴⁵².

Авторы критических писем, в свою очередь, настаивали на необходимости избежать войны, а не приблизить её истеричной реакцией. Они часто упоминали американские базы у границ Советского Союза, особенно в Турции, перенося таким образом свои эмоции на советских граждан: «Думая о нашем страхе перед русской базой на Кубе в 90 милях от наших берегов, я также задумываюсь о страхе русских перед нашими базами в Турции, Греции и других местах. Не кажется ли странным, что Советский Союз все эти годы продолжает дипломатические отношения с этими нациями?»⁴⁵³.

У многих авторов писем этот аргумент вызывал раздражение. Например, Дж. Филд писал: «Тенденция приравнивать базы свободного мира на периферии Коммунистической империи с советскими базами на Кубе создаёт ложное

⁴⁵⁰ Comments on Cuba: Fate of Mankind // The New York Times. 25 October 1962. P. 38 // ProQuest Historical Newspapers: The New York Times.

⁴⁵¹ Comments on Cuba: Action Justified // The New York Times. 25 October 1962. P. 38 // ProQuest Historical Newspapers: The New York Times.

⁴⁵² Letters to The Times // The New York Times. 28 October 1962. P. 184 // ProQuest Historical Newspapers: The New York Times.

⁴⁵³ McDowell, E. R. A Mutual Fear // The Hartford Courant. 26 October 1962. P. 18 // ProQuest Historical Newspapers: Hartford Courant.

впечатление. Эта параллель игнорирует историю СССР и нашу историю»⁴⁵⁴. Другой автор, председатель Комитета по международной политике Национальной ассоциации планирования, писал, что сталкивался с таким мнением не только на страницах газет, но и в личных разговорах: «И в прессе, и в общении с другими людьми я сталкиваюсь с повторяющейся ссылкой на мнение Советского Союза, призванное исказить реальную ситуацию: почему мы должны возражать против советских ракетных баз на Кубе, в то время как мы окружили СССР собственными базами, включая базы в Турции недалеко от русской границы, как наиболее яркий пример? Я думаю, что непонимание, заложенное в этом вопросе, требует поясняющего ответа. Не в духе наших традиций и желаний размещать свои военные базы в мирное время и так далеко от дома. Но мы посчитали себя обязанными отступить от этой традиции в ответ на действия СССР»⁴⁵⁵.

Часть авторов писем, зная об американских военных базах, аналогичных новой советской базе на Кубе, чувствовала меньшую связь со своим государством, вместо этого ассоциируя себя с советскими людьми, которые тоже боялись ядерных баз у своих границ. Причинами этого мог быть страх ядерной войны или несогласие с политикой государства. Однако в обоих случаях эти люди ориентировались не на противостояние, а на объединение.

Противники проведения параллелей между поведением СССР и США не просто придерживались иного мнения, они старались объяснить неправильность такого мышления, что обуславливалось необходимостью контролировать эмоции и ценность собственной эмоциональной группы в момент активного противостояния группе Другого. Эмоции советских людей обесценивались, как и попытки собственных сограждан понять и разделить их. Подобные действия являются естественной реакцией на стремление сохранить четкие границы между Собой и Другим.

⁴⁵⁴ Turkey Is Different // New York Herald Tribune. 27 October 1962 // ProQuest Historical Newspapers: New York Tribune / Herald Tribune.

⁴⁵⁵ Letters to The Times // The New York Times. 29 October 1962. P. 28 // ProQuest Historical Newspapers: The New York Times.

3.3. Эмоциональный дискурс в письмах американцев Н.С. Хрущёву

Письма, написанные 22 октября Н.С. Хрущёву, дают представление об оперативной реакции их авторов на Карибский кризис. Написанные до того, как американцы успели обсудить новости с друзьями и соседями или прочесть уже сформированные мнения в прессе, эти письма передают непосредственные эмоции авторов: гнев и страх, а также надежду на то, что их письма могут что-то изменить.

Речь Кеннеди свидетельствовала о том, что мир находится на грани войны, в которой может быть использовано ядерное оружие. Выбранный президентом формат обращения – телевизионная трансляция – усилил её эффект: президент словно находился в одной гостиной с каждой из американских семей. События казались максимально близкими и личными, побуждая многих американских слушателей конвертировать свои эмоции в политические действия: донести свое мнение до политиков и попытаться хоть как-то повлиять на ситуацию.

Граждане США сели за письма Хрущёву сразу после трансляции обращения президента Дж. Кеннеди к нации. Его речь была встречена эмоционально под воздействием накопившейся в обществе напряженности, которая была вызвана ядерными испытаниями как на территории США, так и на европейском континенте, угрозой тотального уничтожения в ходе ядерной войны, страхом перед последствиями ядерного апокалипсиса в случае выживания человечества⁴⁵⁶. В этом эмоциональном контексте американцы стремились вступить во взаимодействие с Хрущёвым и повлиять на его решения.

Практика написания писем советскому лидеру не была долгой, и авторы писем не имели возможности оценить её масштабы, как это было с письмами в газеты и политическим представителям. И всё же авторы продолжали распространять свои эмоции и ценности на всех американцев. В письме, датированном 22 октября 1962 г. и написанном сразу после обращения Дж. Кеннеди к нации, автор пишет:

«Дорогой премьер Никита Хрущев,
Я хотел(а) бы сказать, что, на мой взгляд, вы большой глупец, мой дорогой сэр.

⁴⁵⁶ Аванская, 2024.

Наш любимый Президент Кеннеди сегодня обратился к нации.

Установка (ракет) Вашей страной на Кубе – реальное оскорбление для всех американцев. Могу Вас заверить, что мы не потерпим этого, даже если это может означать войну!

Только свобода победит в нашем мире»⁴⁵⁷.

Автор письма не просто отчитывает Хрущева. Он реально оскорбился за свою страну и полагает, что оскорбление было нанесено всем американцам. То есть, он подразумевает, что его собственные эмоции отражают то, что чувствуют остальные члены его группы.

Мы знаем, что автор написал письмо в день речи Кеннеди, то есть он не успел прочесть или увидеть реакцию своих сограждан в СМИ. Исходя из этого, можно предположить, что автор в большой степени идентифицирует себя со своей страной. Он также уверен, что его страна не потерпит оскорблений от Советского Союза и признает возможность войны как ответной реакции. При этом речь шла о ядерной войне и в обществе обсуждалась возможность взаимного уничтожения при помощи ядерного оружия.

Теперь посмотрим на эмоции автора этого письма, обращенные к советским людям:

«Вы, мой дорогой глупый сэр, войдете в историю как диктатор, ненавидимый миром и Вашими собственными людьми. В конце концов победит только свободно живущий народ, а не те, кого втягивают во что-то, во что они не верят и что не любят, то есть в коммунизм. Да простят Бог и Мир Вашу нечестивую душу. Я уверен(а), что ответ в вашу защиту будет интересным! Если Вам есть чем себя защитить!

Преданный-(ая) американец-(ка) и горжусь этим!»⁴⁵⁸

Автор считает, что советские люди не верят в коммунизм, что его им навязывают. Хрущев, как главный представитель своей группы, является ненавидимым тираном с нечистой душой, а коммунизм противопоставляется свободе.

⁴⁵⁷ Письмо преданного гражданина, 22 октября 1962 г. // ГА РФ, Ф. Р5446, Оп. 96, Д. 1306, Л. 55.

⁴⁵⁸ Там же.

При этом автор не выражает сочувствия советскому народу, его положение описывается только ради подачи контраста между Собой и Другим.

Реакция автора этого письма обусловлена высокой степенью идентификации с Соединёнными Штатами. Автор оскорбился за свою страну и распространил свои эмоции на остальных сограждан как членов своей эмоциональной группы. Активация позитивных эмоций по отношению к своей группе вызывает негативные эмоции к противопоставляемой группе.

В письмах есть и другие реакции американцев на Карибский кризис. Они тоже обусловлены отношением к собственной эмоциональной группе. В случае низкой степени идентификации со своей страной авторы не поддерживали ее решения, вместо этого они принимали точку зрения Советского Союза и сочувствовали ему:

«Дорогой Премьер Хрущев!

Я хочу извиниться перед вами за действия президента Кеннеди и части наших законодателей!

Я только что телеграфировала Кеннеди, заявив, что Куба не представляет угрозы для Соединенных Штатов и нам не стоит рисковать войной. Было глупо начинать блокаду Кубы. Мы должны руководствоваться реальностью, а не страхом и истерией.

<...> Мне становится плохо от мысли о новой войне – войне, слишком ужасной, чтобы осознать ее последствия. Я хочу, чтобы мой маленький сын рос в мире, свободном от борьбы и напряженности, мире, которого я никогда не знала.

Искренне Ваша, во имя человечества!

Г-жа Рамона Найджел»⁴⁵⁹.

В данном случае автор чувствует необходимость извиниться перед Хрущевым за действия своего президента и части правительства. Это одновременно показывает ее связь с Соединенными Штатами как группой и низкий уровень ассоциации с правительством США. Рамона не поддерживает решение своей страны, вместо этого она ставит себя на место Советского Союза и смотрит на ситуацию с его позиции, что и заставляет ее приносить Хрущеву извинения. Это вовсе не означает, что она не

⁴⁵⁹ Письмо Рамоны Найджел, 22 октября 1962 г. // ГА РФ, Ф. Р5446, Оп. 96, Д. 1306, Л. 21.

отождествляет себя со своими согражданами. Для нее эта большая группа распадается на различные составляющие. Рамона ассоциирует себя со своей семьей, соседями, коллегами, но не с группой Кеннеди и поддерживающих его политиков, поскольку они угрожают ее ценностям, а именно семье и миру, свободному от страха и истерии. Она ставит подпись «во имя человечества», но пишет больше не о нем, а о своем сыне и мире, в котором ему предстоит жить. Именно сын является ее основной ценностью, которая впоследствии формирует ее восприятие кризиса. Эмоциональное отношение к внешней группе здесь играет меньшую роль. Важно то, что мирное сосуществование и разоружение соответствуют ценностям и желаниям Рамоны. Решения же ее правительства идут с ними в разрез, что приводит к низкому уровню ассоциации себя с этим правительством и к его критике.

Приведенные выше письма свидетельствуют о том, как эмоциональные репрезентации помогают определить группы, к которым принадлежали их авторы, а также степень идентификации с ними. Это не значит, что авторы не принадлежали к другим группам, но в момент написания писем у них актуализировался определенный репертуар ценностей и приоритетов той или иной эмоциональной группы, который и нашёл отражение в письмах.

При этом важно не забывать, что люди способны чувствовать свою принадлежность к нескольким группам одновременно, быть носителями их ценностей и разделять групповые эмоции, даже если они противоречат друг другу.

Так авторы писем могли принадлежать не только к группе граждан США, но и к группе граждан мира, что заставляло их воспринимать конфликт между США и СССР как губительный для человечества. В некоторых случаях авторы распространяли свои эмоции и ценности на советских граждан, как на таких же жителей Земли, что не позволяло им сохранять исключительно негативное отношение к ним.

Одним из примеров является письмо мисс Честер:

«Во-первых, я должна сказать, что пишу, как гражданка США. Я люблю свою страну и при необходимости буду бороться за нее и за ее идеалы, даже перед лицом смерти. Но я также пишу, как гражданка мира. Последние события на Кубе глубоко огорчили меня. Хотя я чувствую, что решение моей страны

нужно было принять, я не могу найти в себе силы ненавидеть кого-либо из моих собратьев людей»⁴⁶⁰.

Мисс Честер начинает свое письмо с того, что она любит США и готова бороться за американские идеалы, принимая решение о блокаде Кубы как необходимое зло. Она повторяет мысли, отражённые в американской прессе и письмах, адресованных редакторам газет и журналов. То есть она – патриот своей страны и определенно идентифицирует себя с ней: принимает ее решения, испытывает к ней позитивные эмоции. Исходя из этого, она должна переживать негативные эмоции к враждебной советской группе. Вместо этого мисс Честер пишет, что не может найти в себе силы ненавидеть других людей и называет себя гражданкой мира.

«Спасибо за то, что выслушали меня. Сегодня вечером, когда я буду ложиться спать, я произнесу небольшую молитву за Америку, мой дом, а также за мир, который также является моим домом. Я слышала, что Вы не верите в молитвы; тогда примите это как пожелание благополучия и безопасности для всех людей во всем мире»⁴⁶¹.

В обращении к главе Советского Союза мисс Честер принимает его точку зрения на мир: просит воспринять ее молитву как пожелание благополучия и безопасности, так как слышала, что в молитвы Хрущёв не верит. Мы видим, что автор является носителем двух, казалось бы, несовместимых идентичностей. В рамках одной она готова бороться за идеалы своей страны с Советским Союзом. А в рамках второй ощущает себя частью общечеловеческой группы, которая включает в себя и советских граждан. Начало и конец письма вступают в конфликт, но именно дает возможность проследить механизм включения советских граждан в единую с американцами группу за счет распространения на них групповых эмоций.

Посмотрим на ещё один пример за авторством мисс Райтон:

«Я уверена, вы понимаете г-н Хрущев, что я вряд ли являюсь знатоком современного мирового развития в его различных аспектах. Но мне не обязательно им быть. Не нужно быть экспертом, чтобы понять страх современных людей. Моего и Вашего народа, моей и Вашей страны и моего мира, который также является Вашим. Почему возникает этот страх, сэр? Я

⁴⁶⁰ Письмо мисс Честер, 23 октября, 1962 г. // ГА РФ, Ф. Р5446, Оп. 96, Д. 1306, Л. 59.

⁴⁶¹ Там же. Л. 60.

знаю, что Ваши люди тоже должны его разделять. И если Вы заглянете в свое сердце, я уверена, что вы тоже должны его испытывать. Какой у Вас мотив? Что Вы предлагаете миру, чтобы компенсировать его потерю в результате войны? Вы говорите, что хотите мира, но честны ли Вы с собой, не говоря уже об окружающем мире? Такой уважаемый лидер такой могущественной страны должен искренне верить в свои действия. Еще раз спрашиваю, сэр, что это? Какой у Вас мотив?»⁴⁶².

В своем письме Райтон пишет о страхе, но не просто о своем или своих сограждан, а о страхе советских людей и страхе всех народов. Мир она называет своим и Хрущева. Таким образом она объединяет свою американскую группу с советской группой Хрущева при помощи разделяемой эмоции страха и принадлежности к одному человечеству и к одному миру.

Хрущев для нее – политик, которого она не понимает, но которому она готова задавать вопросы. Автор просит Хрущева воспринять ее вопросы всерьез и ответить на них. То есть она хочет понять точку зрения представителя внешней противопоставляемой своей группы, вместо того чтобы игнорировать или критиковать ее. В данном случае автор не отвергает идентификацию со своей группой, но объединяет её с группой советских граждан при помощи общего страха перед ядерной войной.

Кроме того, объединение с группой советских граждан могло происходить вследствие действий самого Хрущева. Никита Сергеевич постоянно появлялся на страницах американской прессы, в своих выступлениях он говорил об американцах и с американцами. Его поездка в США в 1959 году широко освещалась в прессе, и кто-то даже встречал его лично.

Так Г. Роджерс, писала:

«Недавно в одном из журналов я увидела фотографию Вас, Вашей жены, детей и внуков. Благодаря этому фото у меня сложилось впечатление, что Вы преданный семьянин. У многих из нас есть семьи, которые мы очень любим. Так что видите, независимо от нашего происхождения, это как минимум один наш общий интерес. И, сэр, есть еще много других. Наши страны могли бы быть большими друзьями. Мы должны это понимать, чтобы сохранить мир. Мир означает жизнь, которая очень дорога для всех нас. Война означает смерть и разрушение.

⁴⁶² Письмо мисс Райтон, 22 октября 1962 г. // ГА РФ, Ф. Р5446, Оп. 96, Д. 1306, Л. 67.

Помогите нам обрести мир, чтобы наши страны добивались прогресса и не тратили [свой потенциал] впустую»⁴⁶³.

Таким образом Роджерс выстраивает эмоциональную связь с Хрущевым, которого она уже знает, пусть и посредством прессы. Семейная фотография Хрущева в журнале сыграла роль эмоциональной репрезентации, благодаря которой автор письма эмоционально идентифицировала себя с Хрущевым, увидела в нем человека и семьянина с такими же ценностями, как и у нее. Автор приписала ему свои ценности и благодаря этому увидела возможность дружбы между своей и его страной. То есть она сначала включила в свою эмоциональную группу Хрущева, а затем уже и весь советский народ, представителем которого он являлся.

Мы видим, что процитированные авторы писем принадлежали к нескольким эмоциональным группам одновременно. Само по себе это не удивительно, поскольку все люди, как правило, принадлежат ко многим эмоциональным группам. Для нас важно то, что в письмах отразилась принадлежность одновременно к двум эмоциональным группам – и американцев, и граждан мира, включающих в себя еще и граждан СССР. И это сформировало несколько идентичностей, которые актуализировались благодаря Карибскому кризису, сыграли важную роль в его восприятии, а также в последующей разрядке и в конечном итоге в окончании холодной войны.

Мы наблюдаем такие эмоции как оскорбленность и гордость за Соединенные Штаты, чувство вины перед Советским Союзом, любовь к Дж. Кеннеди и нелюбовь к Н.С. Хрущеву. Иногда у авторов писем возникало более сложное отношение к Карибскому кризису и Советскому Союзу: они заявляли о себе не только как об американцах, но и как о гражданах мира. В таких случаях желание поддержать политику своей страны дополнялось желанием мира и благополучия для всех людей, в том числе и для советских, а внимание переключалось на проблему взаимной ответственности США и СССР за судьбу человечества. В этих письмах мы находим

⁴⁶³ Письмо Г. Роджерс, октябрь 1962 г. // ГА РФ, Ф. Р5446, Оп. 96, Д. 1306, Л. 4-6.

страх перед войной и последствиями Карибского кризиса, любовь к своей стране и отсутствие ненависти к советским братьям, ценность семьи и мира.

Советские люди могли включаться в единую эмоциональную группу граждан мира, которых объединял страх перед ядерной войной и общечеловеческие ценности, такие как семья и планета Земля. Это включение происходило при помощи распространяемых на них эмоций и ценностей и/или их распространения на советского лидера Хрущева.

Еще одним важным фактором конструирования эмоциональной группы становилась степень идентификации с ней. Так высокая степень идентификации американцев со своей страной рождала полную поддержку ее политики, негативное отношение к Советскому Союзу и порой даже принятие войны как возможного следствия Карибского кризиса. Слабая идентификация с Соединенными Штатами давала возможность критиковать политические решения страны и испытывать сочувствие и даже принимать точку зрения Советского Союза.

Одним из примеров низкой степени идентификации являются письма, в которых авторы стремились выйти за модель биполярности, поскольку действия двух сверхдержав оказывали влияние на весь мир:

«Как представители человечества, несущие тяжёлую ответственность перед человеческой расой, вы оба также должны понимать неприемлемость ситуации. Как вы двое (Хрущёв и Кеннеди) можете спорить о манипулировании властью на традиционной основе, когда существование цивилизации стоит под вопросом?»⁴⁶⁴

Американцы также высказывали мнение о том, что США и СССР обладают слишком большой властью, которую следует передать независимому органу, действующему в интересах всего человечества, а не его отдельных представителей. Главным претендентом на такую роль тогда являлась ООН:

«В результате Карибского кризиса весь мир оказался в очень серьезной опасности. Я полагаю, что этот кризис должен быть постепенно урегулирован Организацией Объединенных Наций с целью снижения международной напряженности»⁴⁶⁵.

⁴⁶⁴ Письмо от 24 октября 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. Л. 91

⁴⁶⁵ Письмо от 22 октября 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. Л. 38

Указанная смена масштаба идентификации – от национального к глобальному ознаменовала появление нового типа враждебного Другого: ядерного оружия и ядерной угрозы. Перед лицом этой опасности объединялись США, СССР и всё человечество. Как показывают исследования, такие эмоции, как страх и чувство ответственности, стали основой для формирования транснациональных эмоциональных сообществ. Эти сообщества акцентировали внимание на ключевых ценностях — сохранении жизни, заботе о детях и выживании планеты, которые воспринимались как общие для всего мира. Образ Хрущева в данном контексте претерпевал изменения: его часто представляли не как врага, а как отца и деда, способного разделить эти тревоги и принять ответственность за будущее Земного шара⁴⁶⁶.

Таким образом, письма к Хрущеву демонстрируют, как Карибский кризис временно разрушил строгие идеологические границы, заменив их общечеловеческими ценностями. Они иллюстрируют не только эмоциональные репрезентации эпохи, но и процесс формирования новой, глобальной идентичности, в которой место конфронтации заняло осознание общей уязвимости перед ядерной угрозой:

«Я хочу призвать все страны перестать мыслить категориями национальной гордости, сфер влияния и других высокопарных фраз, а думать вместо этого о своих людях – мужчинах, женщинах и детях, которые всегда должны платить цену за поддержание этих нематериальных ценностей»⁴⁶⁷.

Карибский кризис стал катализатором для формирования новых форм идентичности. В письмах американцев прослеживаются попытки выйти за рамки национальной принадлежности и обозначить человечество как единую эмоциональную группу, где на первое место выходит забота о будущем детей и сохранении мира.

Интересной особенностью писем периода Карибского кризиса стало также то, что их авторами зачастую были женщины, чего не наблюдалось в предыдущий

⁴⁶⁶ Аванская В.А. Образ Кубы в письмах американских граждан Н. С. Хрущёву во время Карибского кризиса // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 44. С. 77–94.

⁴⁶⁷ Письмо американской матери, 23 октября 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. Л. 40

период. Среди авторов писем, у которых можно идентифицировать пол, женские встречаются в два раза чаще⁴⁶⁸.

Авторы-женщины часто обращались к своим традиционным социальным ролям матерей и жён для того, чтобы оказать воздействие на Хрущёва. В период холодной войны дом превратился во внутренний фронт, на женщин ложилась обязанность держать идеологическую оборону, следить за своей семьёй и соседями, не давать коммунистическим идеям захватить умы родных и близких. Благодаря этому женщины ощущали свою ответственность и значимость в противостоянии Советскому Союзу, особенно после запуска советского «Спутника-1», который придал особое значение женскому потенциалу в соревновании с СССР.

Женщины получили возможность политизировать свои традиционные роли, в том числе при помощи писмописания. Одним из способов давления на Хрущёва стало его превращение в нашкодившего мальчишку, которого нужно научить уму-разуму:

«Как вы знаете, маленькому мальчику нужно много игрушек, ему нужно демонстрировать все свои трюки и подвиги, чтобы доказать, что он большой и важный. С другой стороны, величайший, самый желанный и почитаемый человек – это тот, кто отдаёт больше всего, и за это люди отвечают ему тем же. Если бы Вы по собственной воле разрушили «железный занавес», дали бы покорённым народам свободу, присоединились бы к Общему рынку Европы в качестве партнёра и сотрудничали бы с ООН на благо мира, Вы бы доказали, что являетесь величайшим человеком в ядерную эпоху, создающим процветание и мир, а не сеющим разрушение. Не бойтесь этого. Доброта – самая мощная сила в мире, способная превратить врагов в друзей»⁴⁶⁹.

Автор в своём послании сочетает кнут и пряник, открыто пишет о Хрущёве как о ребёнке и пробует изменить его поведение при помощи уловок, используемых на детях. Многие женщины уподобляли и Хрущёва, и Кеннеди детям, которые заигрались в опасные игрушки. В письмах в редакции газет тоже встречались подобные тексты с выражениями типа: «Русский и американский лидеры порой ведут себя как маленькие мальчики, играющие в «ковбоев и индейцев»⁴⁷⁰,

⁴⁶⁸ Fainberg D., Avanskaya V. “Russians Love Their Children Too”: American Women’s Letters to Nikita Khrushchev and Nina Khrushcheva during the Cuban Missile Crisis // Cold War History. 2026. P. 1–18.

⁴⁶⁹ Письмо американки, 22 октября 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. Л. 143.

⁴⁷⁰ Популярная в XX веке ролевая игра, воспроизводящая сюжет освоения американского фронта.

забавляющиеся судьбами мира, параллельно произнося банальности о том, что у них нет выхода»⁴⁷¹.

Американки отчитывали в своих письмах не только Хрущёва, но и его жену Н.П. Хрущёвой. Ей писали только женщины, и они всегда апеллировали к ролям и ценностям, которые считали универсальными для всех:

«Вы хотите сказать, что не можете контролировать своего мужа так, как, возможно, американские женщины могут контролировать своих мужей. Вы хотите сказать нам, госпожа Хрущёва, что единственное влияние, которое Вы оказываете на своего мужа – это спать с ним в одной постели и иметь от него детей? Конечно, такая образованная женщина, как Вы, должна уметь направлять своего мужа в нужную сторону. Или Вы хотите убедить нас, что у коммунистов нет совести, нет морали и нет чести, как это демонстрировал Ваш муж на протяжении всего своего премьерства? <...> Мне было бы стыдно быть коммунисткой и женой такого грубияна, как Ваш муж-крестьянин, который приходит в Организацию Объединенных Наций и стучит ботинками по столу. <...> Я хочу закончить письмо несколькими словами, адресованными лично Вам: если бы моё мнение о Вас не было намного лучше, я бы Вам не писала. Если я Вас обидела, откровенно говоря о Вашем муже, Вам не следует злиться на правду о том, каким его видят другие»⁴⁷².

Помимо этого, американские женщины уравнивали себя с советскими женщинами в стремлении предотвратить самоубийственную войну, которую, по их мнению, приближали мужчины:

«Я обращаюсь к вам, потому что, я полагаю, женщины России разделяют мнение по вопросу Кубы с женщинами Америки <...> Поэтому всем нам женщинам надлежит укреплять основы взаимной дружбы, пока мы не убедим наших мужчин, что сейчас имеет значение только одно – уничтожения всей военной техники и единство в достижении... прочного мира. Какое значение имеет капитализм, коммунизм или социализм, когда на кону выживание и само человеческое существование? Большинство мужчин устроены так, что они слепы к великим проблемам <...> Их близорукость настолько мешает им, что от их слепоты мы все можем погибнуть! <...> Пожалуйста, можете ли вы убедить своих мужчин, что ничто не должно сокрушить нашу великолепную планету, включая доминирующее мужское стремление следовать своему плану, пусть и ценой уничтожения мира? И рожая детей, мы спасём наши страны, все земли и все народы от холокоста войны и истребления»⁴⁷³.

⁴⁷¹ Блэкбёрн Д. С., миссис. Letters to the Editor // The Washington Post and Times Herald. 1 November 1962. P. A24 // ProQuest Historical Newspapers: The Washington Post.

⁴⁷² Письмо от 25 октября 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. Л. 4.

⁴⁷³ Там же. Л. 115.

В таких письмах американки делали своей главной ценностью жизнь, а силой – рождение детей. Традиционная роль матерей давала им право действовать, бросать вызов маскулинной внешней политике, угрожающей всему миру. Ощущая угрозу для всего человечества, эти женщины вспомнили Нину Петровну Хрущеву как одну из Своих, ту, к кому имеет смысл обращаться. Приехав в США в 1959 г., она создала образ заботливой жены и бабушки, который очаровал многих американок. Во время Карибского кризиса этот образ ревитализировался и был использован для достижения цели, которую американки представляли общей для советских и американских женщин.

«Я никогда не встречала Вашего мужа. Я видела вас обоих по телевизору, когда Вы приезжали к нам, и именно поэтому я Вам пишу. Вы кажетесь таким приятным человеком, что я уверена, Вы окажете позитивное влияние на своего мужа <...> Пожалуйста, скажите своему мужу, чтобы он просто заботился о своем народе в России, и тогда не будет никаких проблем. Я пришла к выводу, что именно матерям этого мира предстоит предотвратить следующую ужасную войну⁴⁷⁴».

Многие женщины рассказывали Хрущёвым о своих детях – сколько их, какого они возраста. Они прикладывали к письмам фотографии и рисунки, обсуждали свои надежды на будущее. Между возобновлением ядерных испытаний и Карибским кризисом они продолжали думать о Хрущёве и включать его в свой ежегодный список адресатов рождественских открыток:

«Я отправляла Вам рождественскую открытку в прошлом году, она называлась «Мечта ребёнка», потому что мне показалось, что она Вам понравится. Мне бы хотелось встретиться с вами в будущем, но я сомневаюсь, что смогу добраться до России. Пожалуйста, не стесняйтесь нас навестить, если вы когда-нибудь окажетесь в США»⁴⁷⁵.

Частые отсылки к детям показывают, что американки стремились обратиться к Хрущеву в первую очередь как к отцу и деду, потому что дедушка Хрущёв тоже мог хотеть мира и счастья своим внукам: «Когда я смотрю на вашу фотографию с

⁴⁷⁴ Письмо американки от октября 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1310. Л. 23.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 104.

внуком Никитой, я вижу деда, а не политика, и именно к сердцу деда я обращаюсь в этом письме»⁴⁷⁶.

Нельзя проникнуть в головы к этим американским женщинам и сказать, действительно ли они верили в то, что писали, и как долго они сохраняли эту веру. Но мы наверняка знаем, что они посчитали важным и возможным написать Нине Петровне. Причисление Хрущёвой к собственной эмоциональной группе жен и матерей произошло как минимум в тот момент, когда они решили рискнуть и написать ей. Их объединяли роли матерей и жён, американки смогли представить, что Нина разделяет их любовь к детям и страх за них. Для них Карибский кризис поставил под угрозу американские ценности, но не те, что отличали их от советских людей и которые обсуждались во время Американской выставки в Сокольниках, а намного более важные – семью, детей, жизнь.

Другой тип эмоциональной реакции на Карибский кризис связан с восприятием американцами Кубы как особенного соседа, которому нужна помощь Соединённых Штатов, и который не оправдал хорошего отношения к себе, о чём рассказывалось в предыдущем параграфе.

«Итак, теперь я спрашиваю Вас, г-н Хрущев, почему Вы отправили военную помощь и ядерное оружие на Кубу? Это потому, что Вы хотите, чтобы они напали на нас? Фидель Кастро очень эмоциональный и ненадежный человек, готовый пожертвовать своим народом и страной, чтобы снискать себе дурную славу. Он недобрый и неразумный человек, который не мыслит здраво, как я уверена, Вы уже знаете. Вы, г-н Хрущев, неглупый человек, и я знаю, что Вы не хотели бы оказаться в одной связке с г-ном Кастро. Итак, я снова спрашиваю, какова Ваша цель в отправке ядерного оружия такому дикому и ненадежному человеку, которого не волнует ни одна человеческая жизнь, кроме своей собственной, очень эгоистичному человеку, способному даже выступить против вас, если подвернется возможность? Хотели бы Вы, г-н Хрущев, чтобы Вас запомнили, как человека, который несет ответственность за ужасную и бессмысленную потерю молодых людей из Вашей собственной страны и всех других стран»⁴⁷⁷.

Используя Ф. Кастро для противопоставления, автор стремится до некоторой степени объединить США и СССР как представителей «разумных»,

⁴⁷⁶ Там же. Л. 77.

⁴⁷⁷ Письмо американца(-ки), 22 октября 1962 г. // ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. Л. 2-3.

«цивилизованных» и «надежных» акторов международных отношений. Интересной особенностью этого письма является то, что оно было написано на следующий день после обращения Кеннеди к нации, но не отправлено. Уже после новостей о согласии советской стороны вывести оружие с острова и обещания американского правительства снять карантин с Кубы, он решил дополнить текст:

«После того, как я закончил предыдущее письмо, мне стало известно, что Вы и Ваши заместители согласились убрать ракеты с Кубы, а мы, в свою очередь, прекратили карантин. Это то, что мы, американцы, называем разумной совместной работой. Вас следует похвалить за это разумное мышление. Есть так много хорошего, что обе наши страны могут сделать вместе. Я слышал, что Фидель Кастро недоброжелательно отреагировал на этот шаг, но мы и не ожидали другого. Он слишком похож на диктатора и много кричит, но не слишком разумно рассуждает, что не приносит его народу никакой пользы»⁴⁷⁸.

После завершения Карибского кризиса Хрущёва уже не нужно было ни в чем убеждать, необходимость в письме отпала, но автору все еще хотелось поделиться своим мнением и своими эмоциями. Сконструированная во время «кухонных дебатов» и визита советского лидера в США эмоциональная группа, которая объединяла американцев с Хрущевым, не перестала существовать, поскольку эмоции неразрывно вплетены в мышление. Автор выступал в роли носителя ценности человеческой жизни, представлений о «разумности» и «цивилизованности». Для защиты этих ценностей и убеждений он обратился к Хрущёву, будучи уверен, что тот тоже их разделяет, а потому на него можно попробовать оказать воздействие. Поскольку конструирование эмоциональной группы требует наличие Другого, лишённого разделяемых ценностей и эмоций, Кастро становится полной противоположностью и американцев, и советских людей. В данном контексте советский лидер в глазах автора даже перестает быть диктатором.

В целом Карибский кризис стал подтверждением всех мрачных прогнозов и высшей точкой напряженности и страхов в американском обществе. Американцы узнали о советских ракетах на Кубе из обращения президента Кеннеди. Тем же вечером они начали писать письма своему президенту и Хрущёву. Авторы

⁴⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д.1310. Л. 5-6.

обращались к Хрущёву-мужу, отцу и деду, которого они увидели в своей стране во время визита 1959 г., взывали к его семейным ценностям и политической ответственности как лидера сверхдержавы, от действия которой зависит будущее рода человеческого, семьи всех людей на планете Земля.

Это свидетельствует о том, что они воспринимали Хрущёва как сложную личность. Подобное невозможно представить в отношении карикатурного злодея. В очередной раз в истории Соединённых Штатов американцы обратились к практикам письмописания для того, чтобы конвертировать свои эмоции в политические действия и сконструировать собственную идентичность.

3.4. От идеологического противостояния к универсальным ценностям: эмоциональные последствия Карибского кризиса

28 октября 1962 г. Хрущёв объявил по радио о том, что согласился вывести ракеты с Кубы в обмен на обещание США не нападать на остров. Секретной договоренностью, которая не стала тогда достоянием общественности, было обещание президента Кеннеди вывести американские ракеты из Турции, что и было сделано в итоге. Только в январе 1989 г. на Московской конференции бывших участников Карибского кризиса и исследователей впервые была обнародована информация и о секретных договоренностях, и о том, что к моменту начала Карибского кризиса на Кубе уже находились ядерные боеголовки, а часть ракет была приведена в боеготовность⁴⁷⁹.

В тот же день, 28 октября, Хрущёв отправил письмо Кеннеди, в котором повторил своё решение⁴⁸⁰. Кеннеди в ответном письме подтвердил условия урегулирования кризиса: снятие карантина с Кубы и гарантии ненападения после вывода советских ракет и ядерных компонентов под наблюдением ООН и демонтажа ракетных площадок⁴⁸¹.

На вывоз ракет и демонтаж готовых построек на острове ушло меньше месяца. 20 ноября 1962 г. США прекратили морской карантин Кубы⁴⁸². После этого Кеннеди и Хрущёв продолжили личную переписку, пытаясь договориться о запрете ядерных испытаний. Переговоры шли тяжело, камнем преткновения снова стали международные инспекции, на которых настаивали США и на которые опасался соглашаться СССР.

⁴⁷⁹ Back to the Brink: Proceedings of the Moscow Conference on the Cuban Missile Crisis, January 27–28, 1989 / eds. B. J. Allyn, J. G. Blight, D. A. Welch. Lanham, MD: University Press of America, 1992. P. 101.

⁴⁸⁰ Khrushchev N. S. Letter From Chairman Khrushchev to President Kennedy, October 28, 1962 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://microsites.jfklibrary.org/cmc/oct28/doc1.html> (дата обращения: 28.08.2026).

⁴⁸¹ Kennedy J. F. Telegram From the Department of State to the Embassy in the Soviet Union. Washington, October 27, 1962, 8:05 p.m. // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/msc_cuba095.asp (дата обращения: 28.08.2026).

⁴⁸² Telegram From the Mission to the United Nations to the Department of State. New York, December 7, 1962, 8 p.m. No. 2189 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/msc_cuba237.asp (дата обращения: 28.08.2026).

Прорыва удалось добиться после отказа от всеобъемлющего соглашения. Стороны согласились на запрет ядерных испытаний в атмосфере, в космосе и под водой, поскольку их было легче мониторить с использованием технических средств. Испытания под землёй не были запрещены. Это соглашение решало проблему ядерных выбросов, но не остановило гонку ядерных вооружений.

10 июня 1963 г. президент Кеннеди произнёс свою знаменитую речь в Американском университете, в которой он рассказал о планах возобновить переговоры о запрете ядерных испытаний: «Некоторые говорят, что обсуждать мир во всем мире, мировое право или мировое разоружении бесполезно – и что это будет бессмысленным до тех пор, пока лидеры Советского Союза не займут более просвещенную позицию. Я надеюсь, что так и будет. Я верю, что мы можем им в этом помочь. Но я также верю, что мы должны пересмотреть наше собственное отношение, и как отдельных людей, и как нации, поскольку наша позиция также важна, как и их. И каждый выпускник этого университета, каждый вдумчивый гражданин, который отчаивается перед мыслью о войне и желает установления мира, должен заглянуть в самого себя, взвесить своё отношение к вероятности мира, к Советскому Союзу, к ходу холодной войны и к свободе и миру здесь, дома»⁴⁸³. Это выступление разительно отличалось от Берлинской и Карибской речей.

20 июня 1963 г. было достигнуто соглашение о прямой линии связи между Москвой и Вашингтоном, о чем был подписан меморандум в Женеве. А 15 июля начались переговоры между СССР, США и Великобританией о запрете ядерных испытаний в атмосфере, в космосе и под водой. Сторонам удалось согласовать текст договора всего за 12 дней. Подземные испытания оставались разрешёнными при условии контроля за ядерными осадками в границах государства, которое их производило.

26 июля Кеннеди объявил в теле- и радиообращении, что договорённости были достигнуты, найдена альтернатива неограниченной гонке вооружений. В итоге ожидалось снижение уровня радиоактивного загрязнения окружающей среды. 10

⁴⁸³ Kennedy J. F. Commencement Address at American University, June 10, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/american-university-19630610> (accessed: 28.08.2026).

октября 1963 г. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой вступил в силу.

Но несмотря на мирный разворот советско-американских отношений, в Белый дом продолжали поступать письма, в которых осуждалось заключение договора. В прессе разрешение Карибского кризиса подавалось как крупная личная победа Кеннеди. То, что после своего триумфа он так резко перешёл к мирным инициативам удивило многих авторов писем и журналистов. Помимо осуждения, в прессе стало тиражироваться мнение, что Кеннеди пошёл на договор только потому, что он был непропорционально более выгоден Соединённым Штатам. То есть часть американцев и журналистов пыталась оправдать действия Кеннеди тем, что он добился условий, не выгодных Советскому Союзу, поэтому это важная победа. Казинс пытался повлиять на общественное мнение и смягчить негативную подачу завершения Карибского кризиса для СССР. 23 августа он написал письмо в “New York Times”, которое было напечатано в номере от 25 августа. В письме он высказывал свое недоумение по поводу негативных откликов в США на достижение договорённостей по ограничению ядерных испытаний:

«Удивительно, что большая часть ответных реакций на договор создаёт впечатление, будто русским вообще не следовало на него соглашаться. Фактически, повторяются суждения китайских коммунистов о том, что договор однозначно выгоден только Соединённым Штатам, а русские простофили. Естественно и понятно, что администрация стремится развеять серьёзные страхи сенаторов по поводу его вреда для нашей безопасности. Но комментарии вышли далеко за рамки разумных заверений и превратились в провокацию и даже циничную аргументацию»⁴⁸⁴.

Когда стало известно об окончании Карибского кризиса и снятии карантина с Кубы, основными эмоциями, нашедшими отражение в письмах американцев Хрущёву, стали чувство облегчения и признательность:

«Пишу Вам письмо с благодарностями. Когда я прочитала Ваше обращение к г-ну Кеннеди в утреннем номере “New York Times”, я почувствовала необходимость написать Вам о том, что по крайней мере одна американская мать испытывает к Вам глубокую благодарность.

⁴⁸⁴ Cousins N. Letters to The Times: What Future for the Pact? // The New York Times. 25 August 1963. P. E12 // ProQuest Historical Newspapers: The New York Times.

Некоторые критики скажут, что Россия была унижена, или что Кеннеди одержал победу. Но я уверена, что Вы с достоинством приняли трудное решение.

Сделать первый шаг к миру, поставить интересы всех людей выше национальной гордости... это тот поступок, который обеспечит Вам почетное место в истории»⁴⁸⁵.

Благодарность к Хрущёву была достаточно глубокой, чтобы автор письма признала его заслуги, захотела передать свои эмоции, поддержать его. Это не просто хорошее отношение, это еще и идентификация с ним, желание поделиться своей эмоциональной реакцией, чтобы уберечь от негативной, которая доминировала в прессе. Она хотела показать, что решение о выводе ракет с Кубы не было принято, как должное.

Важно отметить, что и в американской прессе встречались письма американцев, в которых Хрущёву воздавалось должное: «У президента Кеннеди, возможно, никогда в жизни не было финансовых долгов, но ни один человек не был обязан другому больше, чем Кеннеди обязан Хрущёву. Ведь тот факт, что мы до сих пор не находимся в состоянии войны, объясняется не тем, что господин Кеннеди предпринял жёсткие меры, а тем, что господин Хрущёв этого не сделал. Хотя подавляющее большинство американцев, включая автора этих строк, не имеют коммунистических связей, мы, тем не менее, обязаны господину Хрущёву за предотвращение мировой катастрофы. Его терпение и забота о выживании человечества перед лицом нашего голиафова поступка в Карибском бассейне, оказали неоценимую услугу человечеству»⁴⁸⁶.

После окончания Карибского кризиса Хрущёву приходили многочисленные письма с поздравлениями и благодарностями за мирное разрешение самого опасного в истории человечества конфликта. Но поток писем не утихал и в последующие годы. Авторы просили не останавливаться на достигнутом. Все письма были положительными, негативные перестали поступать после преодоления пика ядерной

⁴⁸⁵ Письмо американской матери, 28 октября 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1310. Л. 9.

⁴⁸⁶ Green P. Letters to the Editor // The Washington Post and Times Herald. 1 November 1962. P. A24 // ProQuest Historical Newspapers: The Washington Post.

конфронтации. Некоторые авторы выражали надежды на окончание холодной войны раз и навсегда.

Постепенно по мере спада эмоционального напряжения американское общество переключилось на внутривнутриполитические проблемы и рутину повседневности. Однако американцы продолжали писать Хрущёву до его отставки в 1964 г. Он получал поздравления с праздниками и советскими достижениями, о которых писала американская пресса. Вот как, например, его поздравляли с Днем благодарения в 1962 г.:

«Сегодня, в четверг 22 ноября, мы, люди в Соединенных Штатах Америки, празднуем День благодарения. Поблагодарив нашего славного и великого Бога за все многочисленные благодеяния, которые мы получили в течение года, я пользуюсь возможностью также поблагодарить Вас за сотрудничество, на которое Вы пошли в вопросе недавнего Карибского кризиса, тем самым присоединившись к нашему президенту г-ну Джону Ф. Кеннеди в поддержании мира»⁴⁸⁷.

Трудно представить более американский праздник, который еще и не празднуется в других странах. Празднование Дня благодарения актуализировало ценности и эмоции, которые все еще распространялись на Хрущёва. Поэтому мысли о нем и об испытываемой по отношению к нему благодарности стали частью праздника в том году. Американцы приобщались к положительным эмоциям и общим религиозным и семейным ценностям при помощи привычных культурных практик. В 1962 г. Хрущёв стал частью этой эмоциональной группы. В умах американцев они все вместе преодолели тяжелое испытание, заслуги Хрущёва были признаны, эмоции и ценности американцев были на него распространены, письма и открытки с благодарностями, приуроченными к празднику, включили его еще и в американские культурные практики.

Кроме поздравлений с праздниками мы видим и другие подтверждения распространения повседневных практик письма на Хрущёва. Как уже отмечалось ранее, одним из этапов его развития стали «домашние письма» детей и подростков, которые развивали свой характер, полезные навыки и формировали

⁴⁸⁷Письмо от 22 ноября 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1311. Л. 95.

собственный письменный стиль при помощи писем. Среди посланий, написанных после Карибского кризиса, мы находим письма детей, в которых они делились с Хрущёвым личными подробностями своей жизни и каждодневной рутины, как они бы делали с другом семьи или родственником:

«Первый снег у нас выпал около месяца назад, с тех пор его было около трех дюймов. Сестра Килиан, моя учительница, дала задание нарисовать рыбу и рассказать о ней что-нибудь. Мне досталась рыба-ангел. Пока я искал её, я увидел много разных видов рыб, которые были забавными, например, целующаяся рыба.

В школе Святой Марии, куда я хожу, 30 октября 1962 года прошел карнавал. Мой отец выиграл одного медведя и лису, моя сестра выиграла торт, и это все, что кто-то выиграл в нашей семье.

С любовью,
Деннис Кайзер»⁴⁸⁸.

Деннису больше нечего было просить у Хрущёва, это письмо не было призвано повлиять на его политические действия. В тот период некоторые дети все еще представляли Хрущёва в кругу лиц, которым можно написать для поддержания дружбы и эмоциональных связей. И это можно рассматривать как подтверждение того, что Хрущёв действительно занял свое место в культурных практиках американцев. Принятие решений, как мы уже писали, зависит от эмоций, которые побуждают нас к действиям. Часть американских граждан обратилась к «домашним письмам», которые не симулировали эмоциональную связь и интимность, они требовали их конструирования, то есть сама практика написания задействовала эмоциональные реакции, которые не отключились автоматически по завершению Карибского кризиса, тем более что фундамент для эмоциональных связей с Хрущёвым начал закладываться еще в 1959 г. во время его визита в США.

Другим примером «домашнего письма» служит письмо Р. Райха. Он рассказывал Хрущёву, что недавно с восхищением прочёл «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына; о новостях с Кубы, которые обсуждались в американской прессе, жаловался на поведение Ф. Кастро. Заканчивается письмо так:

⁴⁸⁸ Письмо Дениса Кайзера, ноябрь 1962 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1311. Л. 92.

«Ну, желаю вам хорошего здоровья и продолжать занимать ваши посты, если вы того желаете, а также успехов в переговорах с нашими друзьями ... и нами, я полагаю»⁴⁸⁹.

Новый импульс развития конструирования наднациональной идентичности получило в 1963 г. с продолжением космической гонки. Когда с космодрома Байконур стартовали корабли «Восток-5» и «Восток-6», Хрущёв начал получать поздравления с успешным запуском и в особенности с первой женщиной-космонавтом: «Поздравляю, женщины всего мира гордятся вами!»⁴⁹⁰.

Двадцатишестилетняя Валентина Терешкова провела в орбитальном полёте почти трое суток и навсегда вошла в историю космонавтики. Американская пресса разбирала под микроскопом её лицо, тело, стиль и выражения лица. Звучали и сомнения в реальности её достижения, в особенности со стороны представителей НАСА, но в целом пресса восхищалась ею и её способностью сочетать женственность с профессионализмом и спецодеждой⁴⁹¹. Для авторов писем Хрущёву её космический полет превратился из советского в общечеловеческий. Советскому лидеру писали и американцы, и американки, которые просили передать поздравления и открытки первой женщине-космонавту, пилоту «Востока-5» В.Ф. Быковскому и всем советским людям: «Передаю вам, мисс Терешковой, подполковнику Быковскому и русскому народу мои искренние поздравления в связи с вашим успехом и замечательным вкладом в мир. Пусть ваши продолжающиеся достижения и научные прорывы всегда служат благополучию человечества, а не его уничтожению»⁴⁹². Таким образом, в некотором смысле, мирное освоение космоса противопоставлялось пережитому ужасу ядерного конфликта.

Разделяя с советским народом радость от успеха в освоении космоса, американцы попробовали связаться не только с Хрущёвым и его женой, но и с самими космонавтами. Так, Лоис Каргайл отправила открытки Терешковой и

⁴⁸⁹ Письмо Р.Р. Райха, 14 мая 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1508. Л. 35. Подробнее о причине интереса к Солженицыну в США см.: Scammell M. Solzhenitsyn: A Biography. N.Y., 1984. 1051 p.

⁴⁹⁰ Письмо Элизабет Боуман из Сан-Франциско // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1508. Л. 38.

⁴⁹¹ Griswold R.L. "Russian Blonde in Space": Soviet Women in the American Imagination, 1950–1965 // Journal of Social History. 2012. Vol. 45. № 4. P. 892–995.

⁴⁹² Письмо Питера Чико из Беркли, 19 июня 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1508. Л. 56.

Быковскому. Пилоту «Востока-5» она отправила открытку с изображением астронавта Скотта Карпентера, который пилотировал корабль «Аврора-7» в мае 1962 г. Лоис поздравила Быковского и выразила надежду, что у него тоже появятся подобные фотографии и он сможет послать ей ответный экземпляр⁴⁹³. Открытку Терешковой она закончила следующей фразой: «Я часто думаю о том, что государства разделяют нас, и я, женщина, как и вы, недовольна пропагандой, которую нам насаждают»⁴⁹⁴.

По возвращении космонавтов на Землю американцы поздравляли Хрущева с успешным завершением миссии: «Мои поздравления, слава Богу, они вернулись. Благодарный человек, Регина»⁴⁹⁵.

Из подписи к последнему письму видно, что в текстах продолжало находить отражение общечеловеческая идентичность. В других письмах авторы конструировали мультиидентичности: «Хотя мы естественным образом хотели бы быть во всём первыми, мы всё равно рады вашим достижениям так как в конечном счёте они пойдут на пользу всему человечеству»⁴⁹⁶.

Автор письма, Сеймур, подчеркивает, что хоть ему и важно желать первенства Соединённым Штатам, что показывает его высокую степень идентификации со своей страной, он рад советскому достижению, как важному для человечества в целом. Таким образом, дискурс общечеловеческих ценностей, который начал формироваться под воздействием ядерной угрозы, продолжал развиваться на основе общечеловеческих достижений, символом которых стало освоение космоса.

Последний всплеск писем Хрущёву, объединённых единой темой, произошёл после убийства президента США Дж. Кеннеди 22 ноября 1963 г. в Далласе. Авторы писем воспринимали убийство своего президента и роль Хрущёва в этом событии очень по-разному, но почти всегда эмоционально. Кто-то обвинял его в произошедшем, считая, что своими действиями советский лидер запустил процессы, приведшие к убийству: «Я считаю вас ответственным ... за смерть президента

⁴⁹³ Письмо Лоис Каргайл из Портланда, 21 июня 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1508. Л. 57.

⁴⁹⁴ Письмо Лоис Каргайл из Портланда, 20 июня 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1508. Л. 59-60.

⁴⁹⁵ Письмо Регины из Нью Йорка // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1508. Л. 45.

⁴⁹⁶ Письмо Сеймура М. Кесслера из Малибу, 25 июня 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1508. Л. 91.

Кеннеди. <...> Ради своих внуков, ради миллионов русских, поумнейте⁴⁹⁷». Другие авторы извинялись перед Хрущёвым за случившееся: «В этот трагический день я приношу извинения за всех американцев: на севере, юге, востоке и западе. Это огромная потеря для нашей страны»⁴⁹⁸.

В период между убийством и похоронами Кеннеди, которые состоялись 25 ноября 1963 г. на Арлингтонском кладбище недалеко от Вашингтона, американцы писали Хрущёву и приглашали его на похороны. И снова тон писем был и негативным, и позитивным. Одни полагали, что присутствие Хрущёва пойдет на пользу всеобщему миру⁴⁹⁹, другие авторы просили его приехать в ультимативной форме: «Если вы не приедете на похороны, я больше никогда не поверю ни единому вашему слову»⁵⁰⁰. Вместе с тем, как и после завершения острой фазы Карибского кризиса, американцы просили о дальнейшем урегулировании отношений, например, просили в знак траура убрать Берлинскую стену⁵⁰¹. Когда стало известно, что вместо Хрущёва на похороны приедет А.И. Микоян, Хрущёв начал получать письма с просьбами изменить это решение и приехать лично.

Эмоциональная реакция на убийство Кеннеди (как позитивная, так и негативная), которая была обращена Хрущёву, показывает, что в умах американцев два лидера оказались неразрывно связаны пережитом опытом Карибского кризиса. Сформировавшаяся связь между Кеннеди, Хрущёвым и американцами заставляла последних испытывать яркие эмоции гнева, стыда, благодарности и разочарования.

После новостей о смерти Кеннеди Хрущёв отправил телеграмму с соболезнованиями новому президенту Л. Джонсону⁵⁰². Кроме того, Никита Сергеевич и Нина Петровна отправили индивидуальные телеграммы жене Кеннеди – Жаклин⁵⁰³. В ответ вдова президента написала Хрущёву письмо от руки, в котором

⁴⁹⁷ Письмо Р.И. Бречтла из Нью Йорка, 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1511. Л. 9.

⁴⁹⁸ Письмо из Джексонвилля, 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1335. Л. 7.

⁴⁹⁹ Письмо Д.У. Флекса из Атланты, 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1511. Л. 16.

⁵⁰⁰ Письмо Дж.У. Хоукинг из Балтимора, 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1511. Л. 17.

⁵⁰¹ Письмо из Орендж Парка, 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1511. Л. 8.

⁵⁰² Khrushchev N. Letter from Chairman Khrushchev to President Johnson. Moscow, Nov. 24, 1963 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. VI: Kennedy-Khrushchev Exchanges. Document 119. Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d119> (дата обращения: 09.09.2026).

⁵⁰³ Soviet People and Leaders Grieve for Kennedy; Radio Plays Funeral Music — Gromyko Expresses “Greatest Sympathy” // The New York Times. 1963. Nov. 23. URL: <https://www.nytimes.com/1963/11/23/archives/soviet-people-and-leaders-grieve-for-kennedy-radio-plays-funeral.html> (дата обращения: 09.09.2026).

благодарила его за слова сочувствия и подчеркивала, что мир был важной темой для её мужа, поэтому отношения с Хрущёвым были для него особенно важны⁵⁰⁴. В то время как некоторые американцы извинялись перед советским лидером за то, что, писали письма от руки на простой бумаге и просили не принимать это как неуважение, выбор Жаклин представляется намеренным возвращением к практике «домашнего письма», добавлявшим ответу особую теплоту и интимность.

В меморандуме Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ) о международной реакции на убийство Кеннеди было отмечено, что отдельные телеграммы Никиты Сергеевича и Нины Петровны Ж. Кеннеди были расценены как необычный жест. Последовавший за этим личный визит Хрущёвых в американское посольство в Москве для выражения соболезнований был назван беспрецедентным случаем в истории советско-американских отношений⁵⁰⁵.

Несмотря на то, что американская пресса лишь кратко освещала советскую реакцию на убийство президента Кеннеди, отводя центральное место обсуждению похорон, предполагаемому убийце Ли Харви Освальду и его связям с Кубой и США⁵⁰⁶, американцы начали благодарить Хрущёва за проявление горя и сожаления. Частыми стали телеграммы с совсем короткими сообщениями, например: «Спасибо, что написали Жаклин Кеннеди»⁵⁰⁷. Нину Петровну так же благодарили за проявленные эмоции, вспоминая при этом ее визит в США в 1959 г.: «Мне повезло оказаться среди тысяч людей, которые смогли мельком увидеть вас в Нью Йорке в ваш последний приезд. Я искренне надеюсь, что вскоре вы почтите нас еще одним визитом. В ваш последний приезд, вы завоевали наше глубокое уважение, вашим недавним выражением глубокой симпатии вы завоевали наши сердца»⁵⁰⁸.

⁵⁰⁴ Kennedy J. Letter from Jacqueline Kennedy to Chairman Khrushchev. Washington, Dec. 1, 1963 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. VI: Kennedy-Khrushchev Exchanges. Document 120. Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d120> (дата обращения: 09.09.2026).

⁵⁰⁵ Central Intelligence Agency. World Reaction to the Assassination of President Kennedy: Nov. 23, 1963 (Information as of 0700 EST). Washington, 23 Nov. 1963. CIA-RDP79T00429A001400010019-1. URL:

<https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp79t00429a001400010019-1> (дата обращения: 09.09.2026).

⁵⁰⁶ Zelizer B. Covering the Body: The Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory. Chicago, 1992.

⁵⁰⁷ Письмо Дадли Декстера из Сан-Франциско, 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1511. Л. 31.

⁵⁰⁸ Письмо Джорджа Кларка из Нью Йорка, 29 ноября 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 97. Д. 1512. Л. 81.

Подводя итоги третьей главы, следует подчеркнуть, что письма играли важную роль в поддержании эмоциональных связей и конструировании групповой идентичности в американском обществе. При этом письмописание стало важным гендерным феноменом, поскольку женщины играли ключевую роль не только в поддержании семейных и социальных связей, но и на домашнем фронте холодной войны. Мы видим как написание писем Хрущёву отвечало практическим нуждам, превращая эмоции в политическое действие. Американцы оказывали политическое давление на Хрущёва в форме писем, отсылаемых незнакомцу, но распространявших на него традиционные практики письмописания.

После Карибского кризиса американские граждане продолжили писать Хрущёву, продолжая поздравлять его с Рождеством, Днем благодарения и важными советскими успехами. Даже дети, которые начали писать письма с возобновлением ядерных испытаний в 1961 г. и в период Карибского кризиса в 1962 г., продолжили рассказывать Хрущёву о своих буднях и поздравлять с праздниками, как они привыкли делать по отношению к друзьям, родственникам и собственному президенту.

Надежды, порожденные мирным разрешением Карибского кризиса, создали новый психологический климат в американском обществе. Включение советских граждан в «семью народов», которое стало возможно благодаря формированию наднациональной идентичности, и страх перед ядерной войной, которая оказалась близкой как-никогда ранее, подготовили американцев к дальнейшей разрядке советско-американских отношений, которая активно развивалась уже во второй половине 1960-х–начале 1970-х гг. Опыт антиядерной оппозиции оказался востребован как в период разрядки, так и в момент нового витка холодной войны в начале 1980-х гг. Таким образом, эмоциональный эффект Карибского кризиса оказал долговременные последствия на постепенное завершение холодной войны в умах и сердцах людей.

Заключение

Проведённое диссертационное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, запуск «Спутника-1» стал поворотным моментом в американском восприятии советского Другого и американского Себя. Он продемонстрировал американцам, что СССР способен не только на военный, но и на технологический рывок, заставил сомневаться в своём научно-техническом превосходстве, разрушил представление о географической защищённости США и усилил тревогу по поводу возможного ракетно-ядерного удара по американской территории.

Во-вторых, Американская национальная выставка в Сокольниках стала площадкой, на которой «американский образ жизни» как ключевой элемент американской идентичности был впервые предъявлен советской аудитории в концентрированном и визуально продуманном виде. Демонстрационный дом и кухня превратили взаимосвязанную культуру потребления, бытового комфорта и нуклеарной семьи в наглядную модель американского стиля жизни и одновременно вызвали в самих США дискуссии о содержании американских ценностей и реальной доступности такого уровня жизни для «рядового рабочего».

В-третьих, исследование материалов прессы и писем американцев показало, что «кухонные дебаты» Хрущёва и Никсона превратили спор о бытовой технике и ценах на дом в публичное обсуждение системного превосходства капитализма и социализма, уровня свободы и понимания «нормальной повседневности». Телевизионная трансляция сделала советского лидера узнаваемым, а его образ эмоционально «заряженным», запустив процесс его «очеловечивания» в глазах американцев. Он перестал быть абстрактным врагом и превратился в человека, с которым можно спорить, которого можно осуждать или поддерживать и к которому можно обращаться с письмами и приглашениями.

Последовавший за «кухонными дебатами» визит Хрущёва в США в 1959 г. перенёс этот воображаемый диалог в реальное пространство американских городов, ферм и предприятий и посредством телевидения и прессы в гостиные американцев.

Образ Хрущёва-отца и деда, путешествовавшего по США со своей семьёй, позволил американцам (хотя, безусловно, далеко не всем) включить советского лидера в свою эмоциональную группу и обращаться к нему не только как к главе враждебного государства, но и как к человеку, разделявшему семейные ценности. Использование теории эмоций для анализа писем советскому лидеру, содержащих приглашения к себе домой, на барбекю или в офисы, позволило сделать вывод о том, что практики письмописания, ранее использованные для общения с американскими политиками, начали распространяться и на советского лидера, превращаясь в важнейший инструмент для формирования наднациональной идентичности в условиях биполярного противостояния.

В-четвертых, диссертационное исследование демонстрирует то, как представления об американском образе жизни, восприятие советского Другого и ядерных страхов, взаимно переплетаясь, формировали сложный эмоциональный климат эпохи биполярного противостояния. Визуализация американского образа жизни и его наглядная презентация советскому лидеру и советским людям создали язык, на котором американцы могли говорить о себе и об СССР. В свою очередь, использование атомной энергии и гонка ядерных вооружений придали этому языку новое содержание, связанное с общей уязвимостью и ответственностью перед будущими поколениями. Письма американцев Хрущёву позволяют увидеть то, как благодаря этому языку переопределялись границы нации, человечества и эмоциональных групп в годы холодной войны.

В-пятых, благодаря появлению новых медиа (телевидение, фотожурналы), которые позволяли представить Хрущёва как человека эмоционального, экспрессивного, готового импровизировать, шутить, вступать в прямой спор и без подготовки общаться с «простыми людьми», возникал более человечный и понятный американцам образ советского лидера. Это сделало возможным процесс объединения себя не только с «Ником», которого американские граждане видели на кухне, на ферме Гарста или в окружении семьи, но и через него с советскими людьми в целом, чья уязвимость перед ядерной угрозой и забота о детях воспринимались как сходные с их собственными. В итоге Хрущёв стал своеобразным медиатором между

двумя обществами. Его публичный образ позволил американцам представить, что по ту сторону «железного занавеса» живут не только «коммунисты» и «враги», но и такие же как они люди, разделяющие базовые ценности семьи, мира и выживания в Атомном веке.

В-шестых, анализ восприятия американским обществом ядерных испытаний в конце 1950-х – начале 1960-х гг. показал, что атомное вооружение стало не только инструментом стратегического сдерживания и символом сверхдержавного статуса, но и источником глубокого экзистенциального страха и постоянной тревоги. Испытания на атолле Бикини и в Неваде, радиоактивные осадки, стронций-90 в молочных зубах детей, информационные фильмы и брошюры о радиации, произведения популярной культуры о ядерном апокалипсисе трансформировали представления американцев о сфере ответственности государства, науки и граждан за последствия ядерной гонки и сделали ядерную угрозу частью их повседневного опыта.

На этом фоне возобновление СССР воздушных и наземных ядерных испытаний в 1961 г. в репрезентациях американцев ассоциировалось с ядерным кризисом, который предшествовал Карибскому. Или по крайней мере был его прологом. Письма, содержавшие цитаты прежних мирных заявлений Хрущёва, апелляция к интересам человечества и будущему детей показывают, что это событие воспринималось как выход за рамки обычной гонки вооружений и как угроза физическому и генетическому существованию людей по всему миру. С точки зрения изучения эмоций включение американцами этого эпизода в пролог Карибского кризиса представляется вполне оправданным и акцентирует внимание на том, что холодная война была сконструированной реальностью, сотканной из взаимных заблуждений и недопониманий, эмоций и ценностей, образов и мифов.

В-седьмых. Реакция американского общества на Карибский кризис опиралась на уже накопленный репертуар ядерных страхов, сформированный на рубеже 1950-х–1960-х гг. Анализ писем, адресованных Кеннеди и Хрущёву, с просьбами предотвратить войну демонстрирует, что кризис 1962 г. воспринимался как кульминация событий, запущенных после одностороннего отказа СССР от

моратория на ядерные испытания в 1961 г. Для части авторов писем оба события были звеньями одной эмоциональной цепи, усиливавшей чувство общей уязвимости.

После мирного разрешения Карибского кризиса письма не прекратились. Однако их эмоциональный фон эволюционировал от страха и тревог к надеждам. Авторы всё чаще писали о возможном окончании холодной войны, о необходимости полного прекращения ядерных испытаний и более глубокой разрядке. В этих текстах намечаются контуры наднациональной, общечеловеческой идентичности: наряду с принадлежностью к Соединённым Штатам всё чаще обозначается принадлежность ко всему «человечеству» и забота о судьбе всех людей, в том числе и советских граждан.

В-восьмых, во всех рассмотренных корпусах писем, ставших реакцией на «кухонные дебаты», визит Хрущёва и ядерные кризисы, центральную роль играют дети. Страх за здоровье и жизнь детей, за возможное повреждение ДНК и рождение «поколений мутантов» позволяет авторам выйти за рамки узко национальной оптики и включать в свою эмоциональную группу советских людей. Через обращение к Хрущёву как отцу и деду американцы пытаются распространить собственный страх за детей на него и тем самым мотивировать его к действиям в интересах обоих народов.

Анализ писем демонстрирует, как в условиях Карибского кризиса и ядерной эпохи в целом конструировались и актуализировались различные эмоциональные идентичности. В письмах с моноидентичностью авторы говорили преимущественно как американцы, распространяли свои эмоции и ценности на сограждан и формировали положительное или отрицательное отношение к СССР в зависимости от степени идентификации со своим собственным государством. В письмах с мультиидентичностями авторы одновременно позиционировали себя и как американцев, и как «граждан мира», совмещая поддержку собственной страны с желанием мира и благополучия для всех. В обоих случаях центральными оставались базовые ценности: семья, мир, страна. Однако новая мультиидентичность позволяла

авторам писем распространить эти ценности и на советских людей как членов семьи народов Земли, рода человеческого

Письма Хрущёву и американским лидерам демонстрируют, что ядерная угроза в начале 1960-х гг. перестаёт восприниматься только в категориях национальной безопасности и всё чаще осмысливается в глобальных терминах. Формулы «во имя человечества», обращения одновременно к Кеннеди и Хрущёву, почти полное отсутствие упоминаний Кубы при одновременном включении советских граждан в «семью народов» показывают, как через страх перед ядерной войной и заботу о будущем детей намечаются контуры новой воображаемой общности «граждан планеты».

Наконец, усложнение образа Советского Союза, включение советских граждан в общечеловеческую семью и формирование наднациональной идентичности подготовили психологический климат для разрядки международной напряженности. Страх перед ядерной войной стал основой для ограничения гонки ядерных вооружений. На протяжении 1960-х – 1980-х гг. продолжала активно развиваться гражданская дипломатия и антиядерные движения в разных странах. Исследование этих процессов сквозь призму теории эмоций и источников личного происхождения будет способствовать изучению того, как завершалась холодная война в умах и сердцах людей по обе стороны Атлантики.

Список использованных источников и литературы

I. Неопубликованные источники

I.1. Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации Ф. Р5446: Совет министров СССР
 Оп. 93. Дела Управления Делами Совета Министров СССР за 1959 год.
 Оп. 95. Дела Управления Делами Совета Министров СССР за 1961 год.
 Оп. 96. Дела Управления Делами Совета Министров СССР за 1962 год.
 Оп. 97. Дела Управления Делами Совета Министров СССР за 1963 год.

II. Опубликованные источники

II.1. Источники официального происхождения

2. Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields, January 27, 1958 // Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. X, pt. 2: Eastern Europe; Finland; Greece; Turkey. Office of the Historian, U.S. Department of State.
 URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v10p2/d2> (дата обращения: 07.09.2026).
3. Campaign Debates in Presidential General Elections // Federal Election Commission.
 URL: https://www.fec.gov/resources/legal-resources/rulemakings/nprm/cand_debates/1999debatepetitionexhibits.pdf. (дата обращения: 18.08.2026)
4. Central Intelligence Agency. World Reaction to the Assassination of President Kennedy: Nov. 23, 1963 (Information as of 0700 EST). Washington, 23 Nov. 1963.
 CIA-RDP79T00429A001400010019-1. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp79t00429a001400010019-1>
 (дата обращения: 09.09.2026).

5. Crosby A. L. Letter to John F. Kennedy, October 22, 1962 // Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. White House Central Subject Files. SP: 3-57: Cuban crisis, October 22, 1962: Con: General. 1962: 23 October–15 November. JFKWHCSF-0924-051. John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/jfkwhcsf-0924-051#?image_identifier=JFKWHCSF-0924-051-p0001 (дата обращения: 28.08.2026)
6. Eisenhower D. D. The Chance for Peace: address before the American Society of Newspaper Editors, Washington, D.C., April 16, 1953 // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. II, pt. 2: National Security Affairs. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v02p2/d85> (дата обращения: 01.09.2026).
7. Kennedy J. F. Commencement Address at American University, June 10, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/american-university-19630610> (accessed: 28.08.2026)
8. Kennedy J. F. Remarks of Senator John F. Kennedy at the University of Michigan, Student Union Building Steps, Ann Arbor, Michigan, October 14, 1960. URL: <https://www.archives.gov/files/presidential-libraries/research/podcasttext-jfk-02.pdf> (дата обращения: 01.09.2026).
9. [Kennedy J.F.] Remarks at a White House Ceremony for the First Peace Corps Volunteers Departing for Ghana and Tanganyika, August 28, 1961 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/jfk-in-history/peace-corps>. (дата обращения: 18.08.2026)
10. Kennedy J. F. Telegram from the Department of State to the Embassy in the Soviet Union. Washington, October 27, 1962, 8:05 p.m. // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/msc_cuba095.asp (дата обращения: 28.08.2026)

11. Kennedy J. Letter from Jacqueline Kennedy to Chairman Khrushchev. Washington, Dec. 1, 1963 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. VI: Kennedy-Khrushchev Exchanges. Document 120. Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d120> (дата обращения: 09.09.2026).
12. Kennedy J.F. One Small Ball in the Air: October 4, 1957–November 3, 1957 // NASA History. URL: <https://www.nasa.gov/history/monograph10/onesmlbl.html> (дата обращения: 07.09.2026).
13. Khrushchev N. Letter from Chairman Khrushchev to President Johnson. Moscow, Nov. 24, 1963 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. VI: Kennedy-Khrushchev Exchanges. Document 119. Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d119> (дата обращения: 09.09.2026).
14. Khrushchev N. S. Letter From Chairman Khrushchev to President Kennedy, October 28, 1962 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://microsites.jfklibrary.org/cmc/oct28/doc1.html> (дата обращения: 28.08.2026)
15. Memorandum From the Chief of Naval Operations (Burke) to the Secretary of Defense (Gates). December 8, 1960 // Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. VI: Cuba / Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v06/d466> (дата обращения: 26.08.2026)
16. National Aeronautics and Space Act of 1958: Public Law 85-568, 72 Stat. 426, July 29, 1958 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/85th-congress/house-bill/12575/text> (дата обращения: 07.09.2026).
17. National Defense Education Act of 1958: Public Law 85-864, 72 Stat. 1580, Sept. 2, 1958 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/85th-congress/house-bill/13247/text/pl> (дата обращения: 07.09.2026).
18. Official History of the Bay of Pigs Operation // Central Intelligence Agency. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/3212459/Document-03-CIA-History-Staff-Official-History.pdf> (дата обращения: 26.08.2026).

19. Paper Prepared in the Department of State: Soviet Objectives in Cuba // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. X: Cuba, January 1961–September 1962 / Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v10/d404> (дата обращения: 26.08.2026)
20. Special National Intelligence Estimate 11–9–56: Sino-Soviet Intentions in the Suez Crisis. Washington, November 6, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XVI: Suez Crisis, July 26–December 31, 1956 / Office of the Historian, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d521> (дата обращения: 18.08.2026)
21. Telegram From the Mission to the United Nations to the Department of State. New York, December 7, 1962, 8 p.m. No. 2189 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/msc_cuba237.asp (дата обращения: 28.08.2026)
22. United States. Department of Defense. Office of Civil Defense. Fallout Protection: What to Know and Do About Nuclear Attack. Washington, 1961. URL: <https://digital.library.cornell.edu/catalog/ss:24354782>. (дата обращения: 18.08.2026)
23. White House Statement Concerning Soviet Plans To Test a 50-Megaton Bomb. October 17, 1961 // The American Presidency Project / online by G. Peters, J. T. Woolley. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/white-house-statement-concerning-soviet-plans-test-50-megaton-bomb>. (дата обращения: 15.08.2026)

II.2. Источники личного происхождения: письма, дневники, мемуары, воспоминания, интервью

24. Стругацкий Б.Н. «Далекая радуга» // Комментарии к пройденному. 1961–1963 гг. URL: <https://www.rusf.ru/abs/books/bns-03.htm>.

25. Cousins N. *Present Tense: An American Editor's Odyssey*. N.Y., 1967. 210 p.
26. Cousins N. *World Citizen Oral History Transcript, 1986–1988* / interviewed by A. D. Basiago; UCLA Oral History Program. Los Angeles: University of California, 1992. URL: <https://archive.org/details/worldcitizenoral02cous> (accessed: 15.06.2026)
27. Kennedy J.F. *The Letters of John F. Kennedy* / ed. by M.W. Sandler. N.Y., 2013. 372 p.
28. Kennedy R. F. *Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis*. With a foreword by A. M. Schlesinger Jr. N.Y., 1999. 185 p.

II.3. Публицистика и труды современников

29. Аджубей А. *Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. 15-27 сентября 1959 года*. Москва, 1960. 338 с.
30. Манифест Рассела-Эйнштейна, 1955 г. // Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН. URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>. (дата обращения: 10.08.2026)
31. Cousins N. *In Place of Folly*. N.Y., 1961. 239 p.
32. Cousins N. *Who Speaks for Man?* N.Y., 1953. 328 p.
33. Kaufman G.S., Hart M. *The American Way* (1939) // George S. Kaufman. URL: <https://georgeskaufman.com/plays/extended-collection/the-american-way-1939/> (дата обращения: 29.08.2026)
34. *Unity and Difference in American Life* / ed. by R.M. MacIver. N.Y., 1947. 168 p.
35. Steinbeck J. *A Russian Journal*. With photographs by R. Capa. N.Y., 1948. 212 p.

II.4. Периодическая печать

36. *Baltimore Sun*, 1957-1963.
37. *Boston Tribune*, 1957-1963.
38. *Decatur Daily Democrat*, 1957-1963.
39. *Harper's Magazine*, 1957-1963.
40. *Hot Springs*, 1957-1963.
41. *Journalism Quarterly*, 1957-1963.

42. Life, 1957-1963.
43. Nature, 1957-1963.
44. New York Times, 1957-1963.
45. Pittsburgh Sun-Telegram, 1957-1963.
46. Rocky Mountain News, 1957-1963.
47. Saturday Review, 1957-1963.
48. Scribner's Magazine, 1957-1963.
49. Slate, 1957-1963.
50. Sports Illustrated, 1957-1963.
51. Stockton Record, 1957-1963.
52. Time, 1957-1963.
53. U.S. News & World Report, 1957-1963.
54. Washington Post, 1957-1963.

II.5. Визуальные и аудиовизуальные источники

55. Eisenhower D. Remarks at a Press Conference, October 9, 1957 // Digital Library of Georgia. URL: https://dlg.usg.edu/record/ugabma_wsbn_wsbn33649 (дата обращения: 07.09.2026)
56. From the Archives: Atomic Gambit Episode № 3: Duck and Cover // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/about-us/social-media-podcasts-and-apps/atomic-gambit/episode-3-duck-and-cover/from-the-archives> (дата обращения: 28.08.2026)
57. Kennedy J. F. Excerpt from the Commencement Address at American University, June 10, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Television Network Columbia Broadcasting System Collection. Digital identifier: TNC-319-EX. URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/tnc-319-ex> (дата обращения: 07.09.2026).
58. Kennedy J.F. Radio and Television Address to the American People: "Nuclear Testing and Disarmament." March 2, 1962 // The American Presidency Project / online by G. Peters, J. T. Woolley. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/radio-and->

television-address-the-american-people-nuclear-testing-and-disarmament. (дата обращения: 15.08.2026)

59. Kennedy J.F. Radio and Television Report to the American People on the Soviet Arms Buildup in Cuba. October 22, 1962 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/cuba-radio-and-television-report-19621022> (дата обращения: 02.08.2026)
60. Nixon-Khrushchev Kitchen Debate. July 24, 1959 // C-SPAN. URL: <https://www.c-span.org/video/?110721-1/nixon-khrushchev-kitchen-debate> (дата обращения: 29.08.2026).
61. President John F. Kennedy's Speech before a Joint Session of Congress // NASA. May 25, 1961. URL: <https://www.nasa.gov/history/the-decision-to-go-to-the-moon/>. (дата обращения: 12.08.2026)
62. President Kennedy's Special Message to the Congress on Urgent National Needs, May 25, 1961 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/united-states-congress-special-message-19610525>. (дата обращения: 15.08.2026)
63. Radio and Television Report to the American People on the Berlin Crisis, July 25, 1961 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/berlin-crisis-19610725>. (дата обращения: 15.08.2026)
64. Roosevelt F.D. Fireside Chat on the War in Europe: radio address. Washington, DC, White House, September 3, 1939. URL: <https://www.fdrlibrary.org/utterancesfdr> (дата обращения: 05.09.2026).
65. The Living Room Candidate: Presidential Campaign Commercials, 1952-2024 // Museum of the Moving Image. URL: <https://www.livingroomcandidate.org/>. (дата обращения: 18.08.2026).
66. Women Unite for Ike! // Google Arts & Culture. URL: <https://artsandculture.google.com/story/SQUxMpribfV4KQ> (дата обращения: 25.02.2026).

II.6. Материалы социологических опросов

67. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935–1971. Vol. 1, 1935–1948 / George H. Gallup. N.Y., 1972.
68. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935–1971. Vol. 2, 1949–1958 / George H. Gallup. N.Y., 1972.
69. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935–1971. Vol. 3, 1959–1971 / George H. Gallup. N.Y., 1972.
70. Gallup News. URL: <https://news.gallup.com/home.aspx> (дата обращения: 02.08.2026).

III. Литература

71. Аванская В.А. Страхи и надежды ядерного века: возобновление ядерных испытаний в СССР как фактор формирования новых идентичностей у американцев // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 10 (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840032960-5-1/> (дата обращения: 01.09.2026).
72. Аванская В.А. Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущеву) // Россия и современный мир. 2023. № 2 (119). С. 41-52.
73. Аванская В.А. Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3. С. 43-60.
74. Арбатов А.Г. Ядерный бумеранг. Нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но вечно и постоянно только ядерное оружие // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 36–57.
75. Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945-1991 гг.): очерки истории. Москва, 2018. 336 с.
76. Блэр К. Забытая война. США в Корее (1950–1953). Москва, 2000. 312 с.
77. Быстрова И.В. Холодная война, 1945-1960 гг. Токио – Москва – Вашингтон. Москва, 2009. 399 с.

78. Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. Москва, 2013. 719 с.
79. Дамасио А. Станный порядок вещей. Жизнь, чувства и рождение культур. Москва, 2024. 320 с.
80. Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. Москва, 2018. 384 с.
81. Докторов Б. З. Пост-гэллаповские опросные технологии // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 3. С. 76–94.
82. Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955-1965 годы. Москва, 2016. 320 с.
83. Журавлёва В.И. Общее прошлое русских и американцев = The Common Past of Russians and Americans: курс лекций. Москва, 2021. 615 с.
84. Журавлева В.И. Репрезентации ядерной угрозы в советской и американской карикатуристике времен Холодной войны: сходства и различия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 12 (158). Часть I. URL: <https://history.jes.su/s207987840037615-5-1/> DOI: 10.18254/S207987840037615-5 (дата обращения: 01.09.2026).
85. Журавлева В.И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуристике в начале холодной войны (1947—1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Том 13. Выпуск 9 (119). URL: <https://history.jes.su/S207987840022753-7-1> (дата обращения: 01.09.2026).
86. Журавлева В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/> (дата обращения: 01.09.2026)
87. Журавлева В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/> (дата обращения: 01.09.2026).

88. Журавлёва В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». 2013. № 21 (122). С. 121–146.
89. Журавлёва В.И. Карибский кризис и ядерная угроза в советской и американской карикатуристике: две версии одной истории // Новый исторический вестник. 2023. № 2 (76). С. 76–99.
90. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. Москва, 2012. 1136 с.
91. Журавлёва В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. Т. 15, № 1. С. 20–45.
92. Журавлева В.И. Россия как «Другой» в президентских выборах в США 2016 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002446-9-1/> (дата обращения: 01.09.2026).
93. Журавлева В.И. Советская и американская карикатуристика в эпоху Холодной войны как объект изучения: теоретико-методологический дискурс // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Том 15. Выпуск 11 (145). URL: <https://history.jes.su/S207987840033216-6-1> (дата обращения: 01.09.2026).
94. Золов А.В. Гарри Трумэн и проблема расовой сегрегации в США во второй половине 1940-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 12. С. 31–37.
95. Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. Москва, 2011. 669 с.
96. Зубок В.М., Водопьянова З.К. Советская дипломатия и Берлинский кризис (1958–1962) // Холодная война. Новые подходы. Новые документы / отв. ред. М.М. Наринский. Москва, 1995. С. 258–274.
97. Зубок В.М. Коллапс. Гибель Советского Союза. Москва, 2023. 654 с.
98. Иванян Э.А. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. Москва, 2007. 429 с.

99. Имагология Холодной войны: «свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США / под ред. О.В. Рябова. Санкт-Петербург, 2024. 400 с.
100. Кременюк В.А. Уроки Холодной войны. Москва, 2015. 320 с.
101. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. Санкт-Петербург, 2013. 414 с.
102. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва, 2014. 381 с.
103. Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. Москва, 2009. 544 с.
104. Международные отношения в эпоху холодной войны: коллективная монография к юбилею Н.И. Егоровой / Под ред. Г.Е. Гиголаева. Москва, 2025. 352 с.
105. Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. Москва, 2006. 512 с.
106. Никифорова А.М. Цвет как элемент «визуальной политики» // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 236–240.
107. Окончание Холодной войны в восприятии современников и историков: 1985-1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. Москва, 2021. 300 с.
108. Печатнов В.О. История и политика. Москва, 2022. 544 с.
109. Печатнов В.О. От союза - к холодной войне: советско-американские отношения в 1945-1947 гг. Москва, 2006. 182 с.
110. Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. Москва, 2005. 544 с.
111. Рябов О.В. «Их отучили думать»: репрезентации сознания и дегуманизация врага в языке пропаганды Холодной войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4. С. 163–173.
112. Согрин В.В. История США. Москва, 2019. 768 с.
113. Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. Москва, 1995. 238 с.
114. Согрин В.В. Исторический опыт США. Москва, 2010. 581 с.

115. Согрин В.В. Политическая история США. XVII–XXI вв. Москва, 2011. 368 с.
116. Стыкалин А.С. Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. Москва, 2003. 320 с.
117. Тарбеев И.М. Роль ядерной угрозы в конструировании образа США на советском телеэкране в первой половине 1980-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 52–67.
118. Тарбеев И.М. Советская экспертная американистика как фактор взаимоотношений СССР и США в период разрядки (на примере деятельности Института США и Канады): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.7. Москва, 2024. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Tarbeev_IM_312.pdf (дата обращения: 01.09.2026).
119. Тарбеев И.М. Трансфер идей в советско-американских отношениях на рубеже 1960—1970-х гг. (на примере экспертной деятельности Института США АН СССР) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016257-1-1/> (дата обращения: 01.09.2026).
120. Туркин И.А. Метафора «Карибского кризиса» в объяснении конфронтации держав в современных российских СМИ // Связь поколений как культурное наследие народов Союза Независимых Государств / Под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2023. С. 593–598.
121. Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 1. URL: <https://irjournal.spbu.ru/article/view/7593> (дата обращения: 19.08.2026)
122. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990). Москва, 2021. 317 с.
123. Фоминых А.Е. Мемориabilia американских тематических выставок в СССР как источник по исследованиям публичной дипломатии и пропаганды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 2. С. 151–169.

124. Фурсенко А.А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущёва: тайная история противника Америки. Москва, 2018. 733 с.
125. Фурсенко А.А., Нафтали Т. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. Москва, 2006. 542 с.
126. Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939-1956. Новосибирск, 1997. 626 с.
127. Холодная война. 1945–1963 гг.: историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И. Егорова, А.О. Чубарьян. Москва, 2003. 640 с.
128. Цветкова Н.А. Cultural Imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». Санкт-Петербург, 2007. 200 с.
129. Юдин К.А. «Центр бури»: маккартизм в американской культуре и кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 1. С. 44–54.
130. Юдин К.А. Культурное пространство Холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, Вып. 4. С. 438–446.
131. Ambrose S.E. Eisenhower: Soldier and President. N.Y., 1990. 635 p.
132. Anderson K. Little Rock: Race and Resistance at Central High School. Princeton, 2010. 256 p.
133. Asada S. From Mahan to Pearl Harbor: The Imperial Japanese Navy and the United States. Annapolis, 2006. 400 p.
134. Ausland J.C. Kennedy, Khrushchev, and the Berlin-Cuba Crisis, 1961–1964. Oslo, 1996. 239 p.
135. Back to the Brink: Proceedings of the Moscow Conference on the Cuban Missile Crisis, January 27–28, 1989 / Eds. B.J. Allyn, J.G. Blight, D.A. Welch. Lanham, MD, 1992. 223 p.
136. Baldwin K.A. The Racial Imaginary of the Cold War Kitchen: From Sokol'niki Park to Chicago's South Side. Hanover, NH, 2016. 256 p.

137. Beese B. The Fair of the Future: Developments in Society and Modernity at the 1939 New York World's Fair // The Macksey Journal. 2021. Vol. 2. Art. 115. URL: <https://mackseyjournal.scholasticahq.com/api/v1/articles/28032-the-fair-of-the-future-developments-in-society-and-modernity-at-the-1939-new-york-world-s-fair.pdf> (дата обращения: 26.11.2025).
138. Beschloss M.R. The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960-1963. N.Y., 1991. EPUB. Ch. 8: "Not as a Cripple".
139. Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y., 2015. 335 p.
140. Blades D.M., Siracusa J.M. A History of U.S. Nuclear Testing and Its Influence on Nuclear Thought, 1945-1963. Lanham, 2014. 246 p.
141. Blight J.G., Allyn B.J., Welch D.A. Cuba on the Brink: Castro, the Missile Crisis, and the Soviet Collapse. N.Y., 1993. 480 p.
142. Borstelmann T. The Cold War and the Color Line: American Race Relations in the Global Arena. Cambridge, Mass., 2001. 400 p.
143. Boyer P.S. By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age. Chapel Hill, 1994. 440 p.
144. Broadwater J. Adlai Stevenson and American Politics: The Odyssey of a Cold War Liberal. N.Y., 1994. 312 p.
145. Brown J.C. Cuba's Revolutionary World. Cambridge, 2023. 586 p.
146. Bruestle E. The Office of War Information and World War II Propaganda: How Perceptions Shaped Policy. Schenectady, N.Y., 2014. 79 p.
147. Brzezinski M. Red Moon Rising: Sputnik and the Hidden Rivalries that Ignited the Space Age. N.Y., 2007. 322 p.
148. Burkett J. The Campaign for Nuclear Disarmament and Changing Attitudes Towards the Earth in the Nuclear Age // The British Journal for the History of Science. 2012. Vol. 45. № 4. P. P. 625-639.
149. Bury H. Eisenhower and the Cold War Arms Race: "Open Skies" and the Military-Industrial Complex. London, 2014. 272 p.

150. Castillo G. The American “Fat Kitchen” in Europe: Postwar Domestic Modernity and Marshall Plan Strategies of Enchantment // *Cold War Kitchen: Americanization, Technology, and European Users* / Ed. by R. Oldenziel, K. Zachmann. Cambridge, 2009. P. 33–58.
151. Cohen J.E. *Presidential Leadership in Public Opinion*. N.Y., 2015. 212 p.
152. Condray P.M. *Charting the Nation’s Course: Strategic Planning Processes in the 1952–53 “New Look” and the 1996–97 Quadrennial Defense Review*. Maxwell AFB, AL, 1999. 140 p.
153. Cordle A.D. In Dreams, In Imagination: Suspense, Anxiety and the Cold War in Tim O’Brien’s *The Nuclear Age* // *Critical Survey*. 2007. Vol. 19. № 2. P. 101-120.
154. Costigliola F. "I React Intensely to Everything": Russia and the Frustrated Emotions of George F. Kennan, 1933-1958 // *Journal of American History*. 2016. №4. P. 1075-1101.
155. Costigliola F. *Kennan: A Life between Worlds*. Princeton, 2023. 624 p.
156. Craig D. B. *Fireside Politics: Radio and Political Culture in the United States, 1920–1940*. Baltimore, 2000. 362 p.
157. Cucuz D. *Winning Women’s Hearts and Minds: Selling Cold War Culture in the US and USSR*. Toronto, 2023. 317 p.
158. Dallek R. *Camelot’s Court: Inside the Kennedy White House*. N.Y., 2013. EPUB. Ch. 3: “A Ministry of Talent”.
159. Dierks K. In *My Power: Letter Writing and Communications in Early America*. Philadelphia, 2009. 248 p.
160. Dijk T.A. *News as Discourse*. Hillsdale, N.J., 1988. 210 p.
161. *Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West* / ed. by Segal J., Scott-Smith G., Romijn P. Amsterdam, 2012. 336 p.
162. Divine R.A. *The Sputnik Challenge: Eisenhower’s Response to the Soviet Satellite*. N.Y., 1993. 213 p.
163. Dockrill S. *Eisenhower’s New-Look National Security Policy, 1953–61*. London, N.Y., 1996. 400 p.

164. Dower J.W. The Bombed: Hiroshimas and Nagasakis in Japanese Memory // Diplomatic History. 1995. Vol. 19. № 2. P. 275-295.
165. Dower J.W. War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. N.Y., 1986. 399 p.
166. Druckman J.N. The Power of Television Images: The First Kennedy-Nixon Debate Revisited // The Journal of Politics. 2003. Vol. 65. № 2. P. 559-571.
167. Dunar A.J. The Truman Scandals and the Politics of Morality. Columbia, 1984.
168. Erisen C., Villalobos J. Exploring the Invocation of Emotion in Presidential Speeches // Contemporary Politics. 2014. Vol. 20. P. 469-488.
169. Eznack L. Crises as Signals of Strength: The Significance of Affect in Close Allies' Relationships // Security Studies. 2011. Vol. 20. № 2. P. 238–265.
170. Fainberg D. Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Baltimore, MD, 2021. 376 p.
171. Fainberg D., Avanskaya V. “Russians Love Their Children Too”: American Women’s Letters to Nikita Khrushchev and Nina Khrushcheva during the Cuban Missile Crisis // Cold War History. 2026. Feb. 25. P. 1–18.
172. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge, 1992. 259 p.
173. Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” Since 1881. Cambridge, 2007. 383 p.
174. Foglesong D.S., Kurilla I.I.⁵⁰⁹, Zhuravleva V.I. Distant Friends and Intimate Enemies: A History of American-Russian Relations. Cambridge, 2025. 352 p.
175. Foucault M. The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. N.Y., 1972. 245 p.
176. Foucault M. The Order of Discourse // Untying the Text. Boston, 1981. P. 48-78.
177. Freeman M.T. The Politics of Correspondence: Letter Writing in the Campaign Against Slavery in the United States, PhD diss., Columbia University, 2018. 412 p.
178. Gaddis J.L. George F. Kennan: An American Life. N.Y., 2011. 800 p.
179. Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. N.Y., 1990. 320 p.

⁵⁰⁹ В январе 2026 г. решением Министерства юстиции Российской Федерации внесен в реестр иностранных агентов.

180. Gaddis J.L. *The Cold War. A New History*. N.Y., 2005. 333 p.
181. Gaddis J.L. *We Now Know: Rethinking Cold War History*. Oxford, 1997. 425 p.
182. George A.L. *Awaiting Armageddon: How Americans Faced the Cuban Missile Crisis*. Chapel Hill, 2003. 238 p.
183. Greene B.P. *Eisenhower, Science Advice, and the Nuclear Test-Ban Debate, 1945-1963*. Stanford, 2007. 272 p.
184. Griswold R.L. "Russian Blonde in Space": Soviet Women in the American Imagination, 1950–1965 // *Journal of Social History*. 2012. Vol. 45. № 4. P. 892–995.
185. Hager C. *I Remain Yours: Common Lives in Civil War Letters*. Cambridge, 2018. 352 p.
186. Hall T. *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*. Ithaca, N.Y., 2015. 248 p.
187. Hall T.H., Ross A.G. Rethinking Affective Experience and Popular Emotion: World War I and the Construction of Group Emotion in International Relations // *Political Psychology*. 2019. 40 (6). P. 1357-1372. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/pops.12608> (дата обращения: 02.08.2019)
188. Harrison H.M. *Driving the Soviets Up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961*. Princeton, 2003. 312 p.
189. Hartley J. "Letters are everything these days": mothers and letters in the Second World War // *Epistolary Selves: Letters and Letter-Writers, 1600–1945* / ed. by E.R. Routledge, 1999. P. 183-195.
190. Herz J.H. *International Politics in the Atomic Age*. N.Y., 1959. 306 p.
191. Hewlett R.G., Holl J.M. *Atoms for Peace and War, 1953-1961: Eisenhower and the Atomic Energy Commission*. Berkeley; Los Angeles; London, 1989. 748 p.
192. Hilmes M. *Only Connect: A Cultural History of Broadcasting in the United States*. Wisconsin, 2001. 496 p.
193. Hixson W.L. *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961*. N.Y., 1997. 314 p.

194. Holloway D. Nuclear Weapons and the Escalation of the Cold War, 1945-1962 // The Cambridge History of the Cold War. Vol. 1. Cambridge, 2010. P. 376-397.
195. Holmes M. Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations. Cambridge, 2018. 258 p.
196. Howe J. A Monster Edifice: Ambivalence, Appropriation, and the Forging of Cultural Identity at the Centennial Exhibition // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 2002. Vol. 126, № 4. P. 635–650.
197. Hudson J.M. Iron Curtain Twitchers: Russo-American Cold War Relations. Lanham, 2018. 248 p.
198. Hutchison E. A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami // International Political Sociology. 2014. Vol. 8. № 1. P. 1-19.
199. Hutchison E. Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma. Cambridge, 2016. 378 p.
200. Hutchison E. Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing // International Relations. 2010. Vol. 24. № 1. P. 65-86.
201. Hutchison E., Bleiker R. Art, Aesthetics and Emotionality // Gender Matters in Global Politics: a Feminist Introduction to International Relations / Ed. by L.J. Shepherd. London, 2014. P. 349-360.
202. Hutchison E., Bleiker R. Emotions, Discourse and Power in World Politics // International Studies Review. 2017. Vol. 19. № 3. P. 501-508.
203. Hutchison E., Bleiker R. Fear no More: Emotions and World Politics // Review of International Studies. 2008. Vol. 34. № 1. P. 115-135.
204. Hutchison E., Bleiker R. Theorizing Emotions in World Politics. // International Theory. 2014. Vol. 6. № 3. P. 491-514.
205. Iglesias U.M. A Cultural History of Cuba during the U.S. Occupation, 1898–1902 / trans. by R. Davidson. Chapel Hill, 2011. URL: <https://uncpress.org/book/9780807877845/a-cultural-history-of-cuba-during-the-u-s-occupation-1898-1902/>. (дата обращения: 22.08.2026)

206. Iriye A. The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. London, 1987. 231 p.
207. Jacobs R. Reconstructing the Perpetrator's Soul by Reconstructing the Victim's Body: The Portrayal of the "Hiroshima Maidens" by the Mainstream Media of the United States // *Intersections: Gender and Sexuality in Asia and the Pacific*. 2010. № 24. URL: <https://intersections.anu.edu.au/issue24/currier.htm>. (дата обращения: 07.08.2026)
208. Jacobs R.A. The Dragon's Tail: Americans Face the Atomic Age. Amherst, 2010. 352 p.
209. Jones H. The Bay of Pigs. N.Y., 2008. 237 p.
210. Kempe F. Berlin 1961: Kennedy, Khrushchev, and the Most Dangerous Place on Earth. N.Y., 2011. 688 p.
211. Kennan G.F. The Kennan Diaries / ed. by F. Costigliola. N.Y., 2014. 736 p.
212. Kennedy D.M. Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929–1945. N.Y., 1999. 990 p.
213. Koschut S. No Sympathy for the Devil: Emotions and the Social Construction of the Democratic Peace // *Cooperation and Conflict*. 2018. № 53. P. 320-338.
214. Koschut S. The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR // *Journal of International Relations and Development*. 2018. Vol. 21. P. 495–522.
215. Koschut S. The Structure of Feeling: Emotion Culture and National Self-Sacrifice in World Politics // *Millennium: Journal of International Studies*. 2016. Vol. 45. № 2. P. 174-192.
216. Kramer B.M., Kalick S.M., Milburn M.A. Attitudes Toward Nuclear Weapons and Nuclear War: 1945-1982 // *Journal of Social Issues*. 1983. Vol. 39. № 1. P. 7-24.
217. Kraus H., Hirschland R.P. Minimum Muscular Fitness Tests in School Children // *Research Quarterly*. 1954. Vol. 25. № 2. P. 178-188.
218. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, 1993. 288 p.

219. Leffler M.P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. N.Y., 2007. 586 p.
220. Life Magazine and the Power of Photography / ed. K. Bussard, K. Gresh. New Haven; London, 2020. 256 p.
221. Lifton R.J., Falk R. Indefensible Weapons: The Political and Psychological Case Against Nuclearism. N.Y., 1982. 337 p.
222. Litoff J.B., Smith D.C “Writing Is Fighting, Too”: The World War II Correspondence of Southern Women // The Georgia Historical Quarterly. 1992. Vol. 76. №2. P. 436-458.
223. Lowery S.A., DeFleur M.L. Milestones in Mass Communication Research: Media Effects. N.Y., 1983. 358 p.
224. Magnúsdóttir R. Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959. N.Y., 2019. 304 p.
225. Martin J.B. Adlai Stevenson of Illinois: The Life of Adlai E. Stevenson. Garden City, N.Y., 1976. 828 p.
226. Martin M.G. The Hiroshima Maidens: A Story of Courage, Compassion, and Survival. Boston, 2015. 320 p.
227. May E.T. Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. N.Y., 1988. 284 p.
228. McEnaney L. Civil Defense Begins at Home: Militarization Meets Everyday Life in the Fifties. Princeton, 2000. 328 p.
229. Melosi M.V. Atomic Age America. N.Y.; London, 2013. 318 p.
230. Mercer J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity // International Theory. 2014. Vol. 6. № 3. P. 515-535.
231. Mercer J. Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics // Journal of International Relations and Development. 2006. Vol. 9. № 3. P. 288-303.
232. Metcalf A.S., Quatrano R.S. A Brief Early History of Plant Science in St. Louis and the Partnership between Washington University and the Missouri Botanical Garden // Annals of the Missouri Botanical Garden. 2021. Vol. 106. P. 68. URL:

<https://annals.mobot.org/index.php/annals/article/download/647/584/>. (дата обращения: 08.08.2026)

233. *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London, 2001. 200 p.
234. Mieczkowski Ya. *Eisenhower's Sputnik Moment: The Race for Space and World Prestige*. Ithaca, 2013. 358 p.
235. Mitchell G. *Atomic Cover-up: Two U.S. Soldiers, Hiroshima & Nagasaki and the Greatest Movie Never Made*. N.Y., 2012. 272 p.
236. Mitchell G. *Hiroshima Film Cover-up Exposed: Censored 1945 Footage to Air* // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2005. Vol. 3. № 8. URL: <https://apjjf.org/greg-mitchell/1554/article>. (дата обращения: 07.08.2026)
237. *Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interactions and the Cold War* / Ed. by S. Mikkonen & P. Suutari. London, 2016. 302 p.
238. Oakes G. *The Imaginary War: Civil Defense and American Cold War Culture*. N.Y., 1994. 250 p.
239. Okuaki S. *How Japanese Scientists Confronted the U.S. and Japanese Governments over Radiation Research after the Lucky Dragon Incident* // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2019. Vol. 17. № 17. URL: <https://apjjf.org/2019/17/okuaki>. (дата обращения: 18.08.2026)
240. Oldenziel R. *Staging the Kitchen Debate: How Splitnik Got Normalized in the United States* // *Cold War Kitchen: Americanization, Technology, and European Users* / Ed. by R. Oldenziel, K. Zachmann. Cambridge, 2009. P. 101-122.
241. Pearsall S. *Atlantic Families: Lives and Letters in the Later Eighteenth Century*. Oxford, 2008. 352 p.
242. Pérez L.A. *Cuba under the Platt Amendment, 1902–1934*. Pittsburgh, Pa., 1986. 376 p.
243. Péteri G. *Nylon Curtain: Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State-Socialist Russia and East-Central Europe* // *Slavonica*. 2004. Vol. 10, no. 2. P. 113–123.

244. Pickett W.B. Eisenhower Decides to Run: Presidential Politics and Cold War Strategy. Chicago, 2000. 304 p.
245. Pietrobon A. Norman Cousins: Peacemaker in the Atomic Age. Baltimore, 2022. 304 p.
246. Pohlmann M.D. Constraining Presidents at the Brink: The Cuban Missile Crisis // Presidential Studies Quarterly. 1989. Vol. 19. № 2. P. 337-346.
247. Preble C.A. John F. Kennedy and the Missile Gap. DeKalb, 2004. 256 p.
248. Rearden S.L. Council of War: A History of the Joint Chiefs of Staff, 1942–1991. Washington, 2012. 683 p.
249. Rice J. Downwind of the Atomic State: Atmospheric Testing and the Rise of the Risk Society. N.Y., 2023. 336 p.
250. Risen C. Red Scare: Blacklists, McCarthyism, and the Making of Modern America. N.Y., 2025. 460 p.
251. Roman M.L. The Black Panthers and the Soviets: A Comparative History of Human Rights Movements. London, 2025. 288 p.
252. Rose K.D. One Nation Underground: The Fallout Shelter in American Culture. N.Y., 2001. 288 p.
253. Rotblat J. The Russell-Einstein Manifesto // Pugwash Newsletter. 1985. № 2. P. 1-4.
254. Sagan S.D. Why Do States Build Nuclear Weapons? Three Models in Search of a Bomb // International Security. 1996/1997. Vol. 21. № 3. P. 63-73.
255. Sasley B. Theorizing States' Emotions // International Studies Review. 2011. Vol. 13. № 3 P. 452-476.
256. Saunders F.S. The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. N.Y., 2000. 528 p.
257. Schrecker E. Many Are the Crimes: McCarthyism in America. Boston, 1998. 573 p.
258. Susman W.I. Culture as History: The Transformation of American Society in the Twentieth Century. N.Y., 1984. 321 p.
259. Sussmann L. Mass Political Letter Writing in America: The Growth of an Institution // Public Opinion Quarterly. 1959. Vol. 23, № 2. P. 203-212.

260. Tichi C. *Midcentury Cocktails: History, Lore, and Recipes from America's Atomic Age*. N.Y., 2022. 224 p.
261. Titus A.C. *Bombs in the Backyard: Atomic Testing and American Politics*. Reno; Las Vegas, 2001. 352 p.
262. Tsvetkova N. *Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945–1990*. Leiden, 2013. 424 p.
263. Tsvetkova N. *The Cold War in Universities: U.S. and Soviet Cultural Diplomacy, 1945–1990*. Leiden; Boston, 2021. 376 p.
264. *U.S.–Soviet Cultural Exchanges: Diplomacy Beyond the Cold War*. / Ed. by Y. Richmond, M. David-Fox. London; N.Y., 2016. 312 p.
265. Wall W.L. *Inventing the “American Way”: The Politics of Consensus from the New Deal to the Civil Rights Movement*. N.Y., 2008. 368 p.
266. Warner G., Shuman M.H. *Citizen Diplomats: Pathfinders in Soviet-American Relations — and How You Can Join Them*. N.Y., 1987. 246 p.
267. Weart S.R. *Nuclear Fear: A History of Images*. Cambridge (Mass.); London, 1988. 462 p.
268. Weart S.R. *The Rise of Nuclear Fear*. Cambridge, 2012. 464 p.
269. White T.H. *The Making of the President, 1960*. N.Y., 1988. 512 p.
270. Whitfield S.J. *The Culture of the Cold War*. Baltimore, 1996. 280 p.
271. Winkler A.M. *Life Under a Cloud: American Anxiety about the Atom*. Urbana; Chicago, 1993. 280 p.
272. Wissehr C., Concannon J., Barrow L. H. *Looking Back at the Sputnik Era and Its Impact on Science Education // School Science and Mathematics*. 2011. Vol. 111. № 5. P. 180–204.
273. Wittner L.S. *Resisting the Bomb: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1954-1970*. Stanford, CA, 1997. 632 p.
274. Wojcik D. *Embracing Doomsday: Faith, Fatalism, and Apocalyptic Beliefs in the Nuclear Age // Western Folklore*. 1996. Vol. 55. № 4. P. 297–330.
275. Wood S.C. *Television's First Political Spot Ad Campaign: Eisenhower Answers America // Presidential Studies Quarterly*. 1990. Vol. 20. № 2. P. 265–283.

276. Zelizer B. *Covering the Body: The Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory*. Chicago, 1992. 299 p.
277. Zubok V.M., Pleshakov C. *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev*. Cambridge, 1996. 314 p.